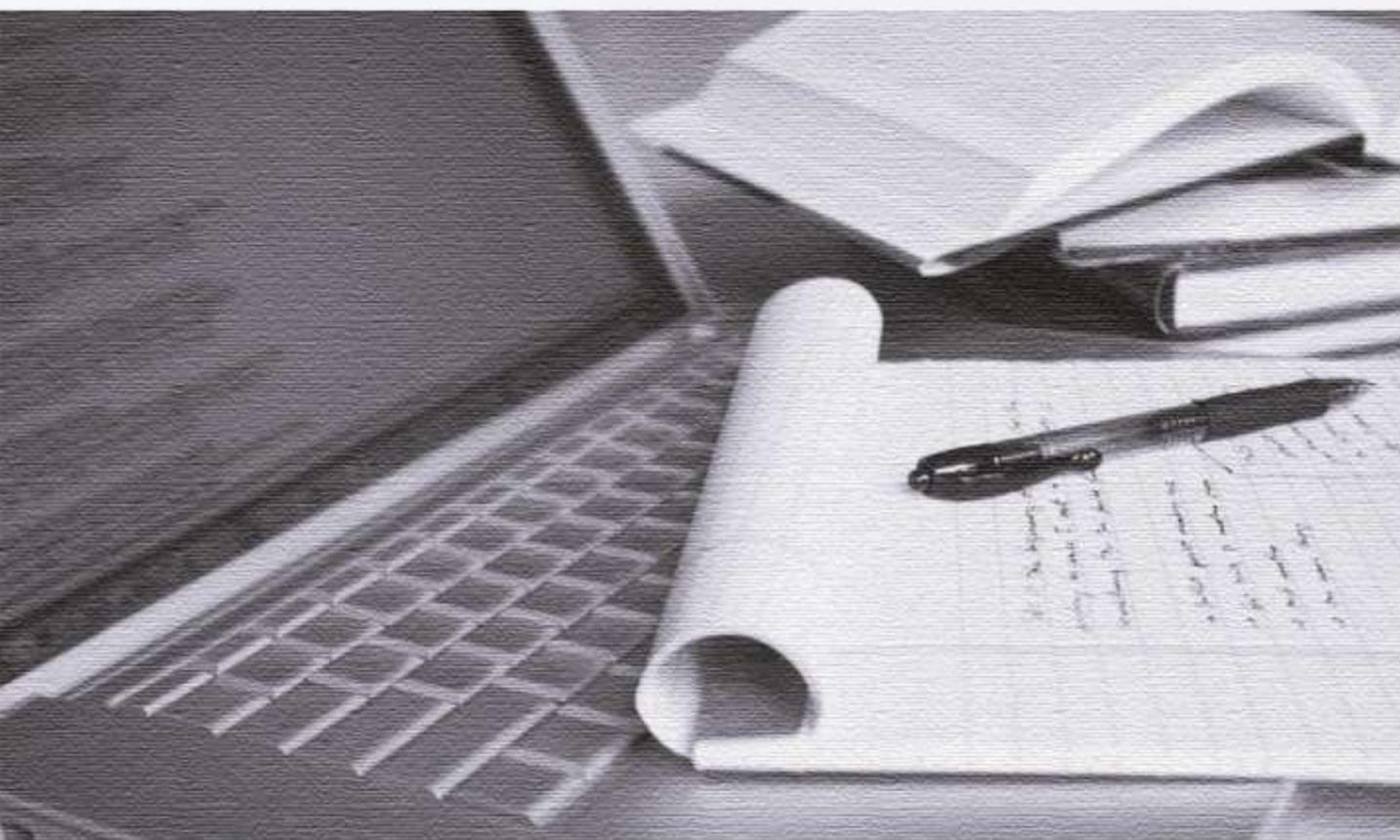

16+

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ISSN 2500-1795

№ 1 / 2025

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 1

ISSN 2500-1795

16+

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартровский государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77 – 80962 от 30.04.2021.

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/25-1>

Периодичность издания: 2 раза в год (1 раз в полгода).

Форма распространения: сетевое издание

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Языки: русский, английский

Индексируется и размещается: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
НЭБ КиберЛенинка (CyberLeninka), ЭБС IPRbooks, ЭБС «Лань».

Главный редактор: О.М. Култышева

Редакционная коллегия: Л.Ф. Алексеева, А.Н. Безруков, М.Р. Галиева, Е.В. Киричук, Л.В. Кушнина,
Л.А. Нефёдова, Д. Мэтякубов, Н.С. Саньярова.

Адрес редакции: Россия, 628609, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул.
Мира, д. 3 Б, каб. 305.

Адрес издательства: Россия, 628616, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4. Тел./факс: (3466) 24-50-51, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Подготовлено в издательстве НВГУ.

Подписано в печать 20.05.2025

Гарнитура Times. Объем 2,55 МБ, 6,9 п.л.

Заказ 2332. Цена: «Бесплатно»

© Нижневартровский государственный университет, 2025

NIZHNEVARTOVSK PHILOLOGICAL BULLETIN № 1

ISSN 2500-1795

16 +

Founder: FGBOU VO “Nizhnevartovsk State University”

The Journal is Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Registration certificate EL No. FS 77 – 80962 dated 04/30/2021.

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/25-1>

Frequency of publication: 2 issues per year.
Distribution form: online edition
Distribution territory: Russian Federation, foreign countries
Languages: Russian, English

Indexed and placed: Russian Science Citation Index (RSCI),
Electronic and library system IPRbooks, the Electronic and library system Lanbook, CyberLeninka.

Editor-in-chief: O. M. Kultysheva.

Editorial Board: L.F. Alekseeva, A.N. Bezrukov, M.R. Galieva, E.V. Kirichuk, L.V. Kushnina,
L.A. Nefedova, D. Matyakubov, N.S. Sanjyarova.

Editorial office address: Russia, 628609, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Nizhnevartovsk,
st. Mira, 3 B, office. 305.

Publisher's address: Russia, 628616, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra,
Nizhnevartovsk, st. Marshal Zhukov, 4. Tel./fax: (3466) 24-50-51, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

CC license type supported by the journal: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Prepared by the publishing house NVGU.
Signed to print: 20.05.2025
Times typeface. Volume 2.55 MB, 6.9 pp
Order 2332. Price: “Free”

© Нижневартровский государственный университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

<i>Безруков А.Н.</i> МАЛАЯ ПРОЗА ЛЕОНИДА ЦЫПКИНА: ПОЭТИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЙ ДИСПЕРСИИ	6
<i>Белькова А.Е.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕВЕРБОВ В ЯЗЫКАХ ФИННО-УГОРСКОЙ ГРУППЫ	16
<i>Верин С.А.</i> МОСКВА В ДАР ПЕТЕРБУРГУ. О ЦИКЛЕ МАРИНЫ ИВАНОВНЫ ЦВЕТАЕВОЙ «СТИХИ О МОСКВЕ»	27
<i>Набиуллин И.В.</i> НЕЙРОСЕТИ В ОБРАБОТКЕ ТЕКСТОВЫХ ОБЪЕКТОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	37
<i>Саньярова Н.С., Таттимбетова К.О.</i> МЕТОДИКА РАБОТЫ НАД БЕЗЛИЧНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НАУЧНОГО СТИЛЯ РЕЧИ СТУДЕНТАМИ-КАЗАХАМИ	43
<i>Себелева А.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИДИОСТИЛЯ В. ГАВРИЛОВА В СБОРНИКЕ СТИХОВ «ВРЕМЕНА. CODA»	62

ИНОСТРАННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

<i>Горшунюв Ю.В.</i> РИФМОВАННЫЙ СЛЕНГ, КОДИРУЮЩИЙ ТОРГОВЫЕ МАРКИ И БРЕНДЫ, В СОЦИКУЛЬТУРНОМ ОСВЕЩЕНИИ	70
<i>Обухова О.Н., Никулина Е.А.</i> ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В ИГРОВОЙ СФЕРЕ И СЛОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА	82
<i>Файзуллаева М.Р.</i> ФЕНОМЕН КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АЛЛЮЗИЯХ	91
<i>Шерстнёва Е.С.</i> ДИНАМИКА И АДАПТАЦИЯ ПЕРЕВОДА В ЭКСКУРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КУЛЬТУРНЫЕ ЛАКУНЫ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ	101

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Бурнышева В.А.</i> ПАРАДОКС И НОНСЕНС КАК ПРИЁМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЧИТАТЕЛЯ	109
--	-----

CONTENT

DOMESTIC PHILOLOGY AND TEACHING METHODS

- A.N. Bezrukov*
LEONID TSYPKIN'S SHORT PROSE: THE POETICS OF INTERTEXTUAL DISPERSION 6
- A.E. Belkova*
FEATURES OF THE FUNCTIONING OF PREVERBS IN LANGUAGES FINNO-UGRIC GROUP 16
- S.A. Verin*
MOSCOW AS A GIFT TO PETERSBURG: ON MARINA TSVETAeva'S CYCLE «POEMS ABOUT MOSCOW» 27
- I.V. Nabiullin*
NEURAL NETWORKS IN PROCESSING TEXTUAL OBJECTS OF RUSSIAN LITERATURE 37
- N.S. Sanjyarova , K.O. Tattimbetova*
METHODOLOGY FOR WORKING ON IMPERSONAL SENTENCES WHEN STUDYING SYNTACTIC FEATURES OF THE SCIENTIFIC STYLE OF SPEECH BY KAZAKH STUDENTS 43
- A.V. Sebeleva*
PECULIARITIES OF THE MANIFESTATION OF V. GAVRILOV'S IDIOSYNCRASY IN THE COLLECTION OF POEMS «TIMES. CODA» 62

FOREIGN PHILOLOGY AND TEACHING METHODS

- Yu.V. Gorshunov*
RHYMING SLANG ENCODING TRADE NAMES AND BRANDS IN SOCIOCULTURAL SETTING 70
- O.N. Obukhova, E.A. Nikulina*
PECULIARITIES OF YOUTH SLANG IN THE GAMING SPHERE AND DIFFICULTIES OF TRANSLATING 82
- M.R. Fayzullaeva*
THE PHENOMENON OF CONCEPTUAL INTEGRATION IN ALLUSIONS 91
- E.S. Sherstneva*
DYNAMICS AND ADAPTATION OF TRANSLATION IN EXCURSION ACTIVITIES: CULTURAL GAPS, LOCALIZATION AND INTERCULTURAL COMMUNICATION 101

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- V.A. Burnysheva*
PARADOX AND NONSENSE AS METHODS OF INFLUENCING THE READER 109

УДК 82.93
doi.org/10.36906/2500-1795/25-1/01

Безруков А.Н.

**МАЛАЯ ПРОЗА ЛЕОНИДА ЦЫПКИНА:
ПОЭТИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЙ ДИСПЕРСИИ**

Аннотация. Статья посвящена анализу стилевой манеры одного из малоисследованных, но значимых писателей-постмодернистов – Леониду Цыпкину. Большая часть текстов, которые ему принадлежат, создана в 1970-е – 1980-е годы. Леонид Цыпкин известен за рубежом как автор романа «Лето в Бадане». В основе данного текста биографическая история Ф.М. Достоевского о его непростой жизни в Европе. После публикации роман вызывал множество оценочных суждений: от ярких, серьезных, с должным пиететом, до конструктивно критических, а даже, порой, негативных. Проза Леонида Цыпкина сосредоточена на объективации насущных проблем, для этого автор активно использует приемы интертекстуальности, аллюзии, реминисценции. Стоит предположить, что языковая игра для писателя есть возможность достичь свободы мысли в вероятной оценке бытия. Малая проза Л. Цыпкина не менее диалогична. В рамках данной статьи осуществлен анализ новеллы «Праздник, который всегда со мной» с позиций использования приема интертекста. Помимо выявления интертекстуальных следов исследование предполагает и определение их функциональной значимости. Методы анализа художественного текста сводятся к набору типологического характера, компаративного, структурного. Научная новизна работы заключается в том, что новелла «Праздник, который всегда со мной» в должной мере не была изучена в массе критических источников, следовательно, текст представляет собой объект, интересный для рецептивной оценки. Малая проза Леонида Цыпкина, на наш взгляд, является базисом для построения его крупных форм, в режиме малой конструкции автору удается практически отработать варианты приемов постмодернистской поэтики. Материал данной работы уместно использовать при изучении ряда дисциплин гуманитарного профиля.

Ключевые слова: Михаил Цыпкин; постмодернизм; проза; интертекстуальность; автор; диалог; структура; читатель; поэтика текста.

Сведения об авторе: Безруков Андрей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, Уфимского университета науки и технологий (Бирский филиал).

Контактная информация: 452450, Россия, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10; тел.: 8(34784)4-04-70; e-mail: in_text@mail.ru

LEONID TSYPKIN'S SHORT PROSE: THE POETICS OF INTERTEXTUAL DISPERSION

Abstract. The article is devoted to the analysis of the stylistic manner of one of the little-studied, but significant postmodernist writers – Leonid Tsyppkin. Most of the texts that belong to him were created in the 1970s – 1980s. Leonid Tsyppkin is known abroad as the author of the short story “Summer in Baden-Baden”. This text is based on the biographical story of F.M. Dostoevsky about his difficult life in Europe. After its publication, the novel caused many evaluative judgments: from bright, serious, with due piety, to constructively critical, and even, at times, negative. Leonid Tsyppkin's prose is focused on the objectification of pressing problems, for this the author actively uses the techniques of intertextuality, allusion, reminiscence. It is worth assuming that the language game for the writer is an opportunity to achieve freedom of thought in the probable assessment of being. L. Tsyppkin's short prose is no less dialogic. Within the framework of this article, the analysis of the story “The Holiday That Is Always with Me” is carried out from the standpoint of using the intertext technique. In addition to identifying intertextual traces, the study also assumes the definition of their functional significance. The methods of analyzing the artistic text are reduced to a set of typological, comparative, and structural nature. The scientific novelty of the work lies in the fact that the story “The Holiday That Is Always with Me” has not been adequately studied in a variety of critical sources. Leonid Tsyppkin's short prose, in our opinion, is the basis for constructing his large forms; in the mode of a short construction, the author manages to practically work out variants of postmodernist poetics techniques. The material of this article is appropriate to use when studying a number of disciplines in the humanities.

Key words: Mikhail Tsyppkin; postmodernism; prose; intertextuality; author; dialogue; structure; reader; poetics of the text.

About the author: Bezrukov Andrei Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Ufa University of Science and Technology (Branch in Birsik).

Contact information: 452450, Russia, Republic of Bashkortostan, Birsik, st.International, 10; tel .: 8 (34784) 4-04-70; e-mail: in_text@mail.ru

К середине XX века в русской литературе складывается ситуация активного дополнения реализма как ведущего метода построения художественного пространства новыми, **альтернативными** направлениями. Причем данный процесс был характерен и для других видов искусств, которые достаточно продуктивно вырабатывали иные / новые принципы изображения / оценки жизни. Фактически осуществлялся поиск новых форм, поиск новых принципов эстетического освоения действительности, манифестировался свободный выбор наиболее продуктивных моделей объективации бытия. Заметим, что именно русский постмодернизм в это время приобретает достаточно отчетливые границы, ибо зарубежный опыт влиял на него, и достаточно сильно.

Первая и вторая волна русского постмодернизма продуктивно расширяла набор приемов, средств, форм, типов художественного рисования. Выработывалось новое устройство условной реальности отличной от классической картины оценки мира, и происходило это в ином контурном виде. На наш взгляд, это было некоей сверхзадачей писателей, поэтов, художников. Прозаики, лирики, драматурги расширяли за счет свободной динамики формы смысловых границы, создавали некую ризому коннотаций, при этом обозначали новые пути конструктивной оценки бытия. Складывался поливариантный спектр оценок, хотя множественный характер **интерпретаций** в принципе всегда был характерен для художественного сознания. Но именно в это время он, пожалуй, особо обострился и захватил массово творческие умы, которые были ориентированы на генерирование потока смыслов, а не на их чистую фиксацию. Следовательно, принципы постмодернистской игры довлели над всем абрисом художественной сферы. Литература второй половины XX века вообще есть явление особого порядка, ибо здесь нет четких рамок, нет соблюдения традиционных границ, поэтому и вырабатывается иной вариант художественного письма, а постмодернистские принципы играют при этом весьма значимую роль.

Постмодернизм по-разному воспринимается критикой, и этот момент уже привычен. Но от спектральной оценки данного феномена не уйти, ибо обозначенный формат сложен, не линейен, но вполне закономерен, т. к. читатель ждал чего-то подобного. Одним из писателей, работавших в русле синтеза жанров, трансформации языка (Ревзина 2020), нарочитого использования приемов интертекстуальности, включения пастиша, аллюзии, реминисценции был Леонид Цыпкин. Это имя не так на слуху (Бержайте 2016), но его вклад интересен, вполне органичен 1970–80-ым годам. Актуальность данного исследования заключается в том, что русский литературный постмодернизм обычно оценивается в пределах таких имен как Андрей Битов, Венедикт Ерофеев, Виктор Пелевин, Татьяна Толстая, имя же Леонида Цыпкина практически не фигурирует даже в полновесных монографических трудах. Собственно этим и определяется научная новизна работы, ибо материал может дополнить оценку развития русского постмодернизма, скорректировать магистраль рецепции развития художественной мысли. На наш взгляд, полновесный анализ тенденций и закономерностей литературного процесса XX века задача важная, объективно весомая. Литературным базисом статьи становится новелла Л. Цыпкина «Праздник, который всегда со мной». Отметим, что основным методом анализ данного текста является интертекстуальный. Возможным вариантом установления специфики стиля и языка писателя также будет дискурс-анализ, ибо он имеет междисциплинарный характер и позволяет аналитически интерпретировать литературно-художественный конструкт с учетом культурно-исторических изменений.

Думается, что синкретическая составляющая исследования может поспособствовать целостности и объективности оценки. Восприятие эстетического объекта созданного с учетом постмодернистской поэтики, на наш взгляд, целесообразно производить в режиме расширения **контекстуальных отсылок**, конкретизации смысловой парадигмы, а также точечного обозначения магистралей влияющих на формирование мировидческой позиции писателя.

Публикация текстов Леонида Цыпкина впервые стала возможной в России лишь в 1999 году. Роман «Лето в Бадене» «дома» был опубликован только в 2003, в издательстве «Новое литературное обозрение», хотя написан текст в 1981 году. Вариаций самиздата этого текста не было, но произведение явно заслуживает внимания, нуждается в комментировании, серьезном рецептивном разборе. При этом хотелось бы обозначить, что и малая проза Леонида Цыпкина интересна. Ей присущ фактор новеллистического тона, автор стремится создать эффект диалога, ступенчатая версия сюжетной игры также есть доминанта Леонида Цыпкина. То есть читатель с одной стороны вроде бы знает, чем закончится текст, чем завершится сюжетная канва, однако, версия непредсказуемости событий превалирует, и мы оказываемся в абсолютно иной сфере, сферы предполагаемых смыслов, догадок, ответов на поставленные вопросы.

Турбулентный взгляд на вещи в малых жанрах Леонида Цыпкина действительно силен. Сложность понимания окружающего пространства (Баранова 2024) заключается не только в вариативе языковых наслоений, не только в **дисперсии** интертекстуальных рядов, но и во множестве контрапунктивных смещений. И герой, и сюжет, и частная / отдельная деталь, и поворот мысли, и абрис нарастания эмоций – все это становится механизмом конструктивного порядка. Далее же идейная и смысловая нагрузки колеблются в синусоиде эстетической правды. Леонид Цыпкин не только тонкий и прозорливый писатель, он автор динамичного слова, импульс которого только через определенное время начинает активную азартность постижения важного. Стилистая манера писателя ориентирована на рассеивание формальных примет языка, погружение в смысловые сдвиги. Игра в культурные коды есть еще одно свойство текстов Леонида Цыпкина. Например, роман «Лето в Бадене», отчасти может быть сопоставим с литературными экспериментами Андрея Битова, Венедикта Ерофеева, Саши Соколова, Владимира Сорокина. Заметим, что «первая волна» русского постмодернизма все же находилась в ситуации более тонких вариаций, писатели старались играть с мировой классикой бережно, аккуратно, осторожно, не искажая генеративный смысл сказанного. Диалог творческих сознаний превращался в их текстах в единый поток продуцирования эстетического полотна.

Отметим, что проза Леонида Цыпкина не так многообразна, не так тематически объемна, не так полномерно и целостно исследована. Но, именно писательская деятельность, помимо основной – медицинской, явилась для него некоей пробой себя в режиме достижения свободы, причем с использованием иной поэтики, нового языка, нового способа художественной манифестации, т.н. поэтики постмодернизма.

Язык Леонида Цыпкина отличается нарочитым использованием **интертекстуальных** форм (Безруков 2014). Частотность отсылок к литературной классике – это и XIX, и XX век – есть примета данного автора. Вариант коллажа становится для Л. Цыпкина версией раскрытия писательского замысла. Выстроенная диалогическая модель в рамках художественного текста, на наш взгляд, показатель качества. Заметим, что **функциональный спектр** интертекстуальности широк (Безруков 2005), но, зачастую с помощью этого принципа писатели конфигурируют и сам текст, и рождаемый читателем

смысловый объем. В результате эстетическое целое трансформируется в синергию художественных сознаний.

Литературный процесс 1960–1980-х годов представляет собой векторную парадигму разверстки новой эстетики. Писатели-прозаики создают как предметно-точечные вариации оценки реалий, так и философско-обобщенные, а порой и синкретически неоднородные модели. Экспериментальная составляющая этого времени оценена в массе критических источников. Не исключает в своем творчестве подобные ходы и Леонид Цыпкин. Напомним, что его роман «Лето в Бадене» яркое тому подтверждение, так как сюжет основан на синкретике времен, топосов, героев. В завораживающем ритме романа соединяется поездка «рассказчика» из Москвы в Ленинград в 1970-е и путешествие Ф.М. Достоевского и его жены Анны Григорьевны по Европе в 1867-ом году. Художественная коллизия тяготеет к переосмыслению одного и важных и сложных периодов в жизни писателя-классика. Способ сложения текста (Марков 2022) в данном случае явно не свойственен реализму, он тяготеет к поэтике постмодернизма, чьи пределы открыты и нивелированы. Подобные вариации характерны и другим произведениям писателя, как в малом, так и большом жанрах. В рамках же данной статьи осуществлен анализ новеллы Леонида Цыпкина «Праздник, который всегда со мной». Цель работы сводится к выявлению основных примет интертекстуальности, а также установлению их функциональной значимости для реализации авторского замысла.

На наш взгляд, новеллы, повести и рассказы Леонида Цыпкина, такие как «Пешком до метро», «Запах жженных листьев», «Третий вопрос», «Десять минут ожидания», «Попутчик», «Качели», «Сделка», «Проводы», «Вверх по реке» и другие это попытка объективировать, осознать и оценить реалии окружающего мира. Человек у Л. Цыпкина некий инструмент обозначения наиболее важных жизненных принципов. Герои указанных текстов – люди разных социальных слоев, при этом объединяющее начало связано с ярким желанием достичь свободы: как в поведенческом плане, так и мыслительном, языковом, или литературном. Сам автор стремился к этому, автобиографическая позиция переносится транспарентно и на его персонажей. Думается, что тематический вектор текстов Л. Цыпкина вполне традиционен: это естественная жизнь, гармония / дисгармония с собой, потерянный социальный статус, трагедия личного порядка, одиночество, тяготящий быт, размышления по поводу. При этом манера художественной наррации отлична от классического повествования (Ладохина 2022), что вполне объяснимо. Можно констатировать, для литературного процесса середины XX века было свойственно экспериментировать с наличной формой, каноническими жанрами, внешней композицией, и, конечно же, литературным языком. Само повествование у Леонида Цыпкина приобретает необычный вид, ибо природа симулякра (Новиков 2024) повсюду доминирует и здесь. Фактическим примером интертекстуальной дисперсии является новелла «Праздник, который всегда со мной» (1971).

Природа постмодернистского конструкта не проста (Безруков 2020), синкретический тон проявляется как во внешних аспектах, так и внутренней организации. Достаточно сложно верифицировать жанр в литературе этого направления однозначно, срабатывает

полярный эффект, который отчасти и должен быть оправдан для писателя. Заметим, что **жанровые вариации** в постмодернизме – явление частотное. Уходят от буквальной схемы Андрей Битов, Венедикт Ерофеев (Безруков 2018), Виктор Пелевин, Валерий Попов, Саша Соколов, Владимир Сорокин, Татьяна Толстая. Скорее всего, не укладывается в определенный жанровый формат смысловой спектр, ибо необходима динамика наррации, синергия языка. Суггестивный принцип речевой «схемы» в постмодернистском тексте является ведущим, он и задает стабилизацию формы. При этом «Праздник, который всегда со мной» Леонида Цыпкина можно идентифицировать как новеллу, так как ориентир на дискретность позиции автора, нелинейность сюжета, неожиданность финала магистральны. Внутренний мир героя не становится предметом активного анализа, факторы переживаний достаточно фактурно ощутимы читателем, но фактически это выражено только на уровне языка. Ткань произведения с самого начала – заголовок – до финала играет символическими переливами.

Начало текста имеет как минимум два плана выражения: «Этот дом строился рядом с нашим» (Цыпкин 2021: 502). Далее же начинается непосредственная разверстка сюжета: «Вначале снесли старые дома, потом место будущего строительства, как это и положено, огородили забором и стали рыть котлован» (Цыпкин 2021: 502). Как видим нарративный уровень, аллюзийно ориентирован на философскую повесть Андрея Платонова «Котлован». В рамках интертекстуальности этот диалог имеет точно-уровневый характер: сюжет, образный строй, идейная направленность. Гротеск и притчевое начало характерны повести А. Платонова. Автор выстраивает повествование даже с акцентом на сюрреализм, ибо модернистские тенденции к 1930-ым годам получают свою должную стабилизацию. Художественная плоскость, буквальность, шаблонность уже не работают, и для писателя, и для читателя сферическое начало является более продуктивным. Таким образом, векторное сопоставление новеллы Л. Цыпкина и повести А. Платонова действенно. Для Л. Цыпкина реверс в сторону «Котлована» не только формальный крен, но и создание ситуации совмещений / сопоставлений разных временных рубежей: «Они стояли, повернувшись лицом к яме, словно в ожидании расстрела, глядя с тоской на дно котлована, где по колено в воде копошились одинокие фигуры рабочих. Меня так и подмывало остановиться возле них и сказать: «Братская могила»» (Цыпкин 2021: 502). Схожесть ситуаций усложняет эмоциональный накал текста, интертекстуальная дисперсия функционирует в объеме небуквального приращения значений.

Стоит заметить, что новелла «Праздник, который всегда со мной» Леонида Цыпкина в режиме **паратекстуальности** – то есть связи заголовочных комплексов – отсылает нас еще и к книге воспоминаний Эрнеста Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой». Автобиографический контрапункт книги Э. Хемингуэя можно дешифровать, как попытку разобраться в первых литературных опытах, осмыслить, вспомнить прошлое для конструктивной оценки настоящего. Кстати работа над книгой «Праздник, который всегда с тобой» была непростой, да и создал Хемингуэй все же не дневник воспоминаний, а явную лирическую повесть. У Леонида Цыпкина режим оценки не ностальгического характера, но

социальный ценз присутствует явно. Диалоги главного героя со знакомыми, друзьями превращаются в векторный, реверсивный возврат в прошлое. Герой и вспоминает что-то из **прошлого**: «Я промямлил что-то в свое оправдание, но как только он исчез, переложил ручку во внутренний карман. Узнав, что я защитил диссертацию, он стал еще шумнее приветствовать меня и, завидев, уже издалека кричал: «Ну, как дела, старик? дали тебе лабораторию?» Я неопределенно пожимал плечами, а он, приблизившись ко мне вплотную, хватал меня за рукав, словно боялся, что я убегу от него...» (Цыпкин 2021: 502-503). И перспективно оценивает **настоящее**: «Теперь он стоял среди остальных жильцов нашего дома, на самом краю котлована, но даже в такой критической ситуации он не терял присутствия духа и, попыхивая сигаретой, размахивая руками, что-то горячо доказывал – по-видимому, призывал к решительным действиям. И все-таки «братскую могилу» я оставил при себе. Мне казалось, что он и так понимает всю безнадежность создавшегося положения и только делает вид, что все в порядке» (Цыпкин 2021: 503). Колебания языкового порядка формируют экзистенциальный фон текста. Дешифровать стиль новеллы можно как не прямой, реминисцентный, так как цитация не является буквальной, но создается определенный намек, играющий роль маркера эмоций. Прошлое и настоящее художественной наррации Леонида Цыпкина в режиме поиска смысла сводится к сентиментализму (Н. Карамзин), реализму (И. Тургенев, Л. Толстой, А. Чехов, И. Бунин, А. Куприн, М. Зощенко), модернизму (Б. Пастернак, А. Платонов, В. Набоков). Например, «Однажды ночью на реке мы увидели из окна нашей каюты вот такое плавучее сооружение – оно светилось сотнями огней, отражавшихся и множившихся в воде, и хотя я догадывался, что это была обычная землечерпалка или какой-нибудь плавучий строительный комбинат, мы с женой долго не могли оторвать глаз от этих огней, воображая, что это какой-то неведомый город, раскинувшийся на острове посреди реки, и мы вышли на палубу и жадно всматривались в эти огни, пока они не исчезли, а потом вернулись к себе в каюту, и я погасил свет, чтобы не видеть на лице жены морщин и ее поседевших висков...» (Цыпкин 2021: 504). Фактическая **интеграция** разных языковых пластов позволяет смоделировать и вариант коннотаций новеллы «Праздник, который всегда со мной»: «Наверху стены трудились рабочие в комбинезонах, напоминая скульптурные группы, воздвигнутые на крышах домов во времена архитектурных излишеств, где-то в глубине стройки, там, где возводились переборки между будущими квартирами, беспомощно вспыхивали огни электросварки, не в силах ничего добавить к солнечному свету, словно зарницы в полдень, уныло стрекотали и раскачивались лебедки подъемных кранов – их металлические конструкции, похожие на скелеты динозавров, уходили куда-то в самое небо – на их вершинах-клювах вчера-то и горели красные огни – наверно, сигнальные, предупреждающие аварию самолетов» (Цыпкин 2021: 504-505). Игровой стандарт для автора становится ведущим. Играет автор и с языковыми клише, и с узнаваемыми образами, и с нарочито открытыми символами эпохи XX века. Тем самым достигается эффект **дисперсии**, межтекстовый диалог продуктивно поддерживается в рамках литературного конструкта. Заметим, что непохожесть на других авторов, умение найти новые способы описания,

создать эффект наслоение разных временных пластов, погрузить в детали, сформировать символическое начало, зацепиться за не столь важный элемент, сыграть в языковые ассоциации – вот, пожалуй, то, что отличает стиль Леонида Цыпкина. Следовательно, интертекстуальность в его писательской манере есть не только отсылка, но и своеобразие мышления. Языковой вариатив новеллы Л. Цыпкина может и не так многообразен (это касается цитаций и заимствований), но рассеивание смысловых границ с учетом ассоциативного поля, безусловно, объемно.

Таким образом, можно подвести итог, что интертекстуальность является основным приемом конструирования новеллы Леонида Цыпкина «Праздник, который всегда со мной». Как прямые отсылки к текстам А. Платонова, Э. Хемингуэя, И. Бунина, А. Куприна, Б. Пастернака, так и не прямой диалог (Ф. Кафка, Ж.-П. Сартр) с классикой создают густое художественное полотно. При этом смыслы отчасти дистанцированы друг от друга, но при этом и равно направлены на магистральную линию.

Для Леонида Цыпкина интертекст – это универсальный поиск – поиск смысла жизни. Поэтика постмодернизма дает возможность данному автору не столько сориентироваться на что-то буквальное и понятное, но выйти к спектру объективных коннотаций. Новелла «Праздник, который всегда со мной» является синкретической формацией, причем авторские ориентиры абсолютно дискретны. Например, «Когда я вхожу в наш подъезд – самый ближний к строящемуся дому, – стена этого дома нависает надо мной средневековой крепостью, черные проемы окон верхних этажей кажутся мне бойницами, выступы кирпичной кладки, устремленные вверх, – зубьями крепости. А вечером стена этого дома кажется мне стеной шлюза» (Цыпкин 2021: 507). Частотные лексемы уже в режиме концептов «ПОДЪЕЗД», «ДОМ», «СТЕНА», «КРЕПОСТЬ», «ОКНО», «БОЙНИЦА», «ЗУБЬЯ», «ШЛЮЗ» начинают формировать открытое ассоциативное пространство. Можно констатировать, что предчувствие новой жизни в новелле «Праздник, который всегда со мной», а это строящийся дом, обновленный интерьер, социальный комфорт, слагаемые прогресса, не имеет под собой ничего серьезного и конструктивного. В данном тексте «счастье», безусловно, иллюзорно! Оно не может быть достигнуто героем, ибо уже само заглавие звучит неким обреченным на провал тезисом-слоганом, не имеющим как такового будущего. Истина – она же правда – для героя, в данном случае сводится к тому, что «я опускаюсь на дно» (Цыпкин 2021: 507). Границы реалий в авторском ключе изменены, главный герой понимает, что необходимо движение вверх, но сделать это он не может, хотя «в недостижимой высоте, тускло мерцают огни» (Цыпкин 2021: 507). Ориентир на социальную стабильность, на выход к желаемому, на преодоление сложностей трансцендентно сбит:

«Салют, старик! Еще не было жеребьевки.

– А вдруг первый этаж? – пытаюсь поддеть его я.

– Первого этажа не будет...» (Цыпкин 2021: 506).

Буквальность жизни, настоящая реальность настолько довлеют над всеми героями, что катастрофа жизни оказывается близка, понятна и предсказуема. Поэтому альтернатива явно не может быть определена.

Новелла Леонида Цыпкина есть попытка определить степень беспокойства социума. Не случайно в общем потоке мыслей автор провозглашает: «С каждым днем стена строящегося дома поднимается все выше и выше, и теперь я помню о строительстве не только вечером, но и днем. Я иду по двору нашего дома и с тревогой вглядываюсь в неприступно возвышающуюся стену новостройки: еще три этажа, и стена эта сравняется с нашим домом...» (Цыпкин 2021: 505-506). Даже архитектура всего ансамбля, направленного на благоустройство, мешает герою ощутить свободу и комфорт, далее же достичь счастья и благополучия.

Литературный эксперимент Леонида Цыпкина получился строгим, фактурным, коннотативно открытым. План языкового выражения, а также жанровый уровень гармонично сочетаются друг с другом для достижения итогового результата. «Праздник, который всегда со мной» есть очевидный ответ на личное и социальное неустройство человека, преодоление которого становится самоцелью и для автора, и для читателя. Интертекстуальная дисперсия дает возможность наметить новые пути дешифровки смыслов этой новеллы, предположить векторный формат объяснения эстетической проблемы имманентного и трансцендентного порядка.

ЛИТЕРАТУРА

Баранова К.М., Шалимова Н.С. «В поисках Аляски» Дж. Грина: поэтика романа-кризиса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 8. С. 2612-2617. <https://doi.org/10.30853/phil20240373>.

Безруков А.Н. Венедикт Ерофеев: между метафизикой и литературной правкой. Санкт-Петербург: Гиперион, 2018.

Безруков А.Н. Интертекстуальные вариации в границах постмодернистского письма // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. 2014. № 2(4). С. 129-134.

Безруков А.Н. Поэтика интертекстуальности: Учебное пособие для студентов филологического факультета. Бирск: Бирская государственная социально-педагогическая академия, 2005.

Безруков А.Н. Элементы восточной поэтики как регулятивный инструментальный современный литературного процесса // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. № 1. С. 138-145. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2020-1-138-145>.

Бержайте Д. Что объединяет Цыпкина и Кутзее, или Еще раз про «другого» Достоевского // Язык. Культура. Коммуникация. 2016. № 1(19). С. 181-189.

Ладохина О.Ф. Филологический роман как импульс для актуализации оценок классических произведений // Актуальные вопросы инновационного развития Арктического

региона РФ: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Северодвинск, 08–19 ноября 2021 года. Северодвинск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, 2022. С. 382-384.

Марков А.В. Роман Достоевской и другие рассказы // Знамя. 2022. № 2. С. 221-222.

Новиков А.В. Марк Z. Данилевский «Дом листьев»: поэтика симулякров // Litera. 2024. № 2. С. 19-35. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.2.39799>.

Ревзина О.Г. Язык и текст: Монография. М.: МАКС Пресс, 2020.

Цыпкин Л. «Лето в Бадене» и другие сочинения: Роман, повести, рассказы / Предисловие М. Цыпкина; послесловие С. Зонтаг. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

© Безруков А.Н., 2025

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕВЕРБОВ В ЯЗЫКАХ ФИННО-УГОРСКОЙ ГРУППЫ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена потребностью в углубленном изучении превербов в контексте их полифункциональности, которая включает словообразовательные, структурно-семантические и грамматические аспекты в рамках финно-угорской языковой семьи. Несмотря на значительный объем научных работ, посвященных отдельным аспектам превербиации, целостное рассмотрение превербов в близкородственных языках данной группы, с учетом их диахронических и синхронических связей, остается недостаточно разработанным.

Целью данного исследования является изучение превербов в рамках сургутского диалекта хантыйского языка, а также обзор различных точек зрения на природу превербов в лингвистической литературе. Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить следующие задачи: выявить специфические особенности функционирования превербов в данном диалекте, определить влияние превербов на семантику глагола, сопоставить полученные данные с теоретическими концепциями превербов.

Методологической и теоретической основой настоящего исследования послужили концептуальные положения, разработанные ведущими языковедами-угроведами в области глагольного словообразования и морфологии хантыйского языка, такими как В. Штейниц, Н.И. Терёшкин, М. Чепреги, А.С. Песикова, Н.Б. Кошкарёва, В.Е. Варда, Г.Л. Нахрacheва, Ф.М. Лельхова, В.Н. Соловар и другие. Опора на научное наследие указанных ученых позволила осуществить углубленный анализ особенностей функционирования превербов в сургутском диалекте хантыйского языка.

Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших теоретических разработках в области морфологии, семантики и синтаксиса финно-угорских языков, а также в практике преподавания дисциплин, посвященных хантыйскому языку и методикам его обучения в Нижневарттовском государственном университете. Полученные данные могут внести вклад в создание учебных пособий и разработку новых методик преподавания хантыйского языка, способствуя сохранению и развитию данного языка.

Ключевые слова: финно-угорские языки; сургутский диалект хантыйского языка; преверб; превербиация; сателлиты.

Сведения об авторах: Белькова Анна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневарттовского государственного университета, ORCID: 0000-0002-7992-1501.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 305, тел. 8(3466)273510, e-mail: bae14@mail.ru

A.E. Belkova

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF PREVERBS IN LANGUAGES FINNO-UGRIC GROUP

Abstract. The relevance of this study is due to the need for an in-depth study of the preverbs in the context of their multifunctionality, which includes word-forming, structural-semantic and grammatical aspects within the finno-ugric language family. Despite the considerable amount of research devoted to individual aspects of preverbiation, a holistic consideration of preverbs in closely related languages of this group, taking into account their diachronic and synchronous connections, remains underdeveloped.

The purpose of this study is to comprehensively study the preverbs within the framework of the Surgut dialect of the khanty language. To achieve this goal, it seems necessary to solve the following tasks: to determine the specific features of the functioning of the preverbs in this dialect, to analyze their role in word-forming processes and to identify the main functions that they perform in the structure of the sentence and text.

The methodological and theoretical basis of this study was the conceptual provisions developed by leading ugric linguists in the field of verbal word formation and morphology of the khanty language, such as V. Steinitz, N.I. Tereshkin, M. Chepregi, A.S. Pesikova, N.B. Koshkareva, V.E. Varda, G.L. Nakhracheva, F.M. Lelkhova, V.N. Solovar and others. Reliance on the scientific heritage of these scientists made it possible to carry out an in-depth analysis of the features of the functioning of preverbs in the surgut dialect of the khanty language.

The results of the study can be used in further theoretical developments in the field of morphology, semantics and syntax of finno-ugric languages, as well as in the practice of teaching disciplines devoted to the khanty language and its teaching methods at Nizhnevartovsk State University. The data obtained can contribute to the creation of textbooks and the development of new methods of teaching the khanty language, contributing to the preservation and development of this language.

Key words: finno-ugric languages; surgut dialect of the khanty language; preverb; preverbiation; satellites.

About the author: Belkova Anna Evgenievna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation, Nizhnevartovsk State University, ORCID: 0000-0002-7992-1501.

Contact information: 628609, Russia, Nizhnevartovsk, 3b Mira St., room 305, tel. 8(3466)273510, e-mail: bae14@mail.ru

Угорская ветвь уральской языковой семьи представлена хантыйским, мансийским и венгерским языками. Хантыйский и мансийский языки, классифицируемые как обско-угорские, распространены преимущественно среди коренных народов Западной Сибири, известных как обские угры.

Хантыйский язык характеризуется значительной диалектной фрагментацией, обусловленной расселением носителей на обширной территории. Такая тенденция проявляется на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях. Диалекты хантыйского языка традиционно подразделяются на северную, южную и восточную группы, отражая их географическое распределение. Сургутский диалект является одним из восточных диалектов хантыйского языка, используемым группой ханты, проживающих в ряде районов Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, а также в Уватском районе Тюменской области (Moldanova).

Сургутский диалект хантыйского языка дифференцируется на ряд говоров, включающих пимский, тромъеганский, аганский, юганский и александровский (считается утраченным), которые активно используются носителями, придерживающимися традиционного образа жизни. Хантыйский язык характеризуется как агглютинативный, где словообразование осуществляется посредством суффиксации. Морфемы-суффиксы, располагаясь после корня, выполняют словообразовательную и формообразовательную функции.

Отличительной чертой хантыйского языка является отсутствие префиксов. В качестве альтернативы используются локальные превербы исконного происхождения. Превербы, присоединяясь к глагольной основе, проявляют синкретизм, реализуя одновременно словообразовательные и грамматические функции. Частотность употребления превербов варьируется.

Словообразовательные модели в хантыйском языке демонстрируют высокую продуктивность суффиксации, что обусловлено широким спектром значений, выражаемых суффиксами. Семантические категории, передаваемые суффиксами, «выражают различные типы количественных и качественных значений. К количественным относятся разные типы множественности ситуаций: многократность и однократность. К качественным – значения начинательности (инхоативное и ингрессивное)» (Вальгамова 2003: 5).

Использование локальных превербов в хантыйском языке представляет собой значимый аспект морфологической структуры. Превербы, выражая пространственные отношения и направления действия, обогащают семантику глагольной основы и способствуют формированию многозначных глагольных форм. Превербы подобно глагольным приставкам, располагаются непосредственно перед глаголом, но при этом не являются его частью и представляют собой самостоятельную морфему. Следует отметить, что использование превербов в хантыйском языке является активным способом глагольного словообразования. Высокая продуктивность словообразования достигается за счет богатого набора превербов, так и за счет их широких комбинаторных возможностей.

В отличие от предлогов, превербы не являются самостоятельной частью речи, а представляют собой морфемы, которые присоединяются к глаголам, образуя новые слова с измененным или уточненным значением. Предлоги, напротив, сохраняют свою независимость и используются для связи слов в предложении, указывая на различные отношения между ними. Функциональное различие между превербами и предлогами проявляется в их роли в предложении. Предлоги выступают в качестве связующего звена между словами, указывая на пространственные, временные, причинные и другие отношения. Превербы же являются частью глагола и влияют на его лексическое значение, добавляя оттенок направления, завершенности, интенсивности или другие нюансы. Структурно, предлоги могут употребляться самостоятельно, в то время как превербы всегда связаны с глаголом. Предлоги могут предшествовать существительным, местоимениям или другим частям речи, образуя предложные конструкции. Превербы, напротив, неотделимы от глагольной основы и не могут употребляться вне контекста глагола. Таким образом, превербы и предлоги выполняют разные функции в языке, несмотря на их внешнее сходство. Их разграничение является важным аспектом грамматического анализа и понимания структуры предложения.

В современной лингвистике вопрос о статусе превербов как самостоятельной части речи остаётся дискуссионным. Наряду с З.И. Сязи и Р.Р. Скамейко, ряд других исследователей разделяют точку зрения о рассмотрении данных элементов как глагольных частиц, акцентируя их тесную связь с глаголом и их влияние на его семантику (Сязи, Скамейко 1992).

Однако, существуют и альтернативные точки зрения, которые рассматривают превербы как префиксы или как элементы, занимающие промежуточное положение между приставками и частицами. Так, например, Марта Чепреги, утверждает, что в сургутском диалекте наряду с односложными и непроизводными превербами, функционируют и другие – производные, образованные посредством застывших либо продуктивных наречных суффиксов и падежных формантов (Чепреги 2017). Основная функция превербов в сургутском диалекте хантыйского языка заключается в указании направления: *нӧӧ* ‘вверх’, *ылдӧ* ‘вниз’, *илдӧ* ‘прочь’, *нык* ‘в сторону воды и очага’. Однако существует и превербы, выражающие интенсивность действия – *ныӧ* ‘насмерть’.

В исследовании, посвященном классификации превербов в восточных диалектах хантыйского языка, В.Е. Варда определяет превербы как наречные частицы, обладающие лативной семантикой и выполняющие функцию пространственных модификаторов глагола. Согласно утверждению автора, превербы занимают позицию непосредственно перед глаголом и демонстрируют тесную морфосинтаксическую связь с ним. Их основная роль заключается в модификации значения глагола и формировании новых смысловых оттенков. В восточных диалектах хантыйского языка, как отмечает В.Е. Варда, «наблюдается активное использование ряда превербов, среди которых выделяются такие формы, как *ärəy, joq, jornam, jl, il, kım, niy, noy, nuq, n'ul, pərtäy, tōy*» (Варда 2016: 43). Данные превербы, сочетаясь с различными глагольными формами, способны придавать им разнообразные

значения, связанные с направлением, местоположением, способом действия и другими аспектами выражаемого действия.

В.В. Быконя выделяет превербы как значимый элемент выражения локальности в языке. Исследователь классифицирует превербы на основе комплекса критериев, учитывающих их морфологические и дистрибутивные особенности, структурный состав и способность к образованию единой формы с глаголом (Быконя 1980). Данный подход позволяет систематизировать и анализировать превербы с учетом их функциональных и формальных характеристик.

В.Н. Соловар считает «глагольным превербом служебную часть речи, маркирующую позицию предмета в пространстве, участвующую в словообразовании и изменении аспектуальных свойств» (Соловар 2021). В рамках теории В.Н. Соловар, превербы, выражающие семантику разделения на две части, указывают на изменение объектов, их разделение и потенциальное перемещение в противоположные направления (Соловар 2020: 313). Этот тезис подкрепляется примерами из хантыйских диалектов, где превербы с подобной семантикой демонстрируют сходство в различных говорах. В частности, превербы *кйтна* (казымский диалект) и *китзи* (сургутский диалект) обнаруживают идентичность в выражении значения разделения. Данное наблюдение подчеркивает устойчивость и распространенность указанной семантической функции превербов в хантыйском языке. Считаем, что изучение семантических особенностей превербов в различных диалектах способствует углубленному пониманию языковой картины мира и отражает когнитивные процессы, лежащие в основе формирования языковых единиц.

Превербы, обладая локальной семантикой, служат для расширения и конкретизации лексического значения глаголов, формируя новые лексемы в хантыйском языке. Пространственные значения, выражаемые глагольными превербами, традиционно классифицируются на основе признаков «ориентация» и «перемещение», разделяя их на локальные и направительные.

Н.Б. Кошкарева, исследователь глагольного словообразования в сургутском диалекте хантыйского языка, отмечает, что употребление превербов в текстах этого диалекта встречается реже, чем в казымском (Кошкарева 2002: 32). Данное наблюдение может указывать на диалектные различия в морфологической структуре глаголов и способах выражения пространственных отношений.

Г.Л. Нахрачева в своих научных работах акцентирует внимание на роли превербов в формировании глагольной валентности, структуры и семантики предложения (Нахрачева 2014: 5). Превербы могут влиять на количество и тип актантов, требуемых глаголом, а также на общую смысловую организацию предложения.

Ф.М. Лельхова отмечает, что «в глагольных словосочетаниях с зависимым наречием пространственной семантики при некоторых глаголах наблюдается лативное управление, указывающее на то, что действие куда-то направлено (в индоевропейских языках действие в подобных случаях рассматривается как где-то происходящее): *ци хащты* ‘там (букв туда) остаться’». (Лельхова 2011). Такая конструкция подчеркивает целенаправленность движения

или перемещения в пространстве, что отличает ее от статических описаний местоположения. Важно отметить, что лативное управление не является универсальной характеристикой всех глагольных словосочетаний с пространственными наречиями. Оно проявляется лишь при определенных глаголах, которые по своей семантике предполагают наличие направления или цели действия.

Исследования показывают, что превербы в хантыйском языке являются важным элементом глагольной морфологии, определяющим пространственные значения и влияющим на синтаксическую структуру предложений. Различие в подходах к классификации превербов обусловлено, в первую очередь, их морфологическими и синтаксическими особенностями. С одной стороны, превербы обладают некоторой степенью автономности, поскольку могут отделяться от глагола другими словами. С другой стороны, они тесно связаны с глаголом семантически и грамматически.

Итак, глагольными превербами мы будем называть лексико-грамматические единицы языка, маркирующие позицию предмета в пространстве, изменение его структуры, модифицирующие значение глагола в зависимости от синтаксической сочетаемости. В финно-угорских языках превербы, функционируя как составные части глагола, тесно связаны с понятиями модели, субтекста, концепта и схемы, определяющими их семантическую и синтаксическую роль. Эти элементы позволяют формировать сложные значения глагольных конструкций, отражая пространственные, временные и акциональные характеристики действия (Белькова 2009).

Модель превербного управления в финно-угорских языках представляет собой систематизированный набор правил и ограничений, определяющих, какие превербы могут сочетаться с определенными глагольными основами и какие семантические изменения при этом возникают. Субтекст преверба раскрывается через его способность модифицировать основное значение глагола, добавляя семантику направления, завершенности или интенсивности действия. Концептуализация превербов в финно-угорских языках связана с их способностью выражать абстрактные понятия, такие как целеполагание, причина и следствие, посредством пространственных метафор. Схема, в свою очередь, представляет собой ментальную репрезентацию типичных сценариев и ситуаций, в которых используются превербы, облегчая понимание и интерпретацию их значений в контексте. Особенности функционирования превербов в финно-угорских языках проявляются в их способности изменять валентность глагола, определяя количество и типы аргументов, которые он может принимать. Кроме того, превербы могут влиять на аспектуальные характеристики глагола, указывая на завершенность, длительность или повторяемость действия. Таким образом, модель, субтекст, концепт и схема являются взаимосвязанными элементами, определяющими специфику функционирования превербов в языках финно-угорской группы, обеспечивая их многогранность и семантическую насыщенность (Белькова 2009: 138).

В финно-угорских языках в составе глагола функционируют фонетически близкие продуктивные глагольные превербы и их аналоги. Примером тому служит сопоставление: *кйтна/китхи* 'надвое' (хантыйский язык), *киттыг* 'надвое' (мансийский язык). Данные

превербы демонстрируют не только семантическое, но и фонетическое родство, что свидетельствует об их общем происхождении и длительном процессе формирования в рамках финно-угорской языковой семьи.

Превербы *кйтна/китхи* функционируют в казымском, шурышкарском, приуральском и сургутском диалектах хантыйского языка. Преверб *киттыг*, в свою очередь, зафиксирован исключительно в сосвинском диалекте мансийского языка. Распространенность превербов в различных диалектах позволяет судить о степени их употребительности и значимости для языковых сообществ коренных малочисленных народов Севера.

В казымском и сургутском диалектах хантыйского языка глагольный преверб *кйтна/китхи* сочетается с глаголами, обозначающими движение, отсоединение, разрушение, перемещение, нахождение в пространстве, разделение и другие действия. Такое многообразие сочетаемости указывает на полифункциональность преверба и его способность модифицировать широкий спектр глагольных значений.

Следует отметить, что значительная часть анализируемых глаголов с превербом *кйтна* могут употребляться в речи самостоятельно, без превербов. Однако существуют и исключения: глаголы *кйтна вутрамтты* 'разъехаться' (о ногах), *кйтна йохарцэты* 'раздвоиться' (о дороге) – в речи без преверба не употребляются. Наличие подобных глаголов подчеркивает неразрывную связь преверба с глагольной основой в определенных лексических единицах и его необходимость для выражения конкретного значения (Соловар Структурно-семантическая характеристика...).

Необходимо отметить, что изучение превербов в сургутском диалекте хантыйского языка представляет собой важную задачу для лингвистической типологии. Исследование способов выражения аспектуальных значений в языках различных структурных типов позволяет выявить универсальные принципы организации грамматических категорий и определить место хантыйского языка в типологической классификации.

В рамках исследования лексикализации движения в сургутском диалекте хантыйского языка выдвигается предположение о разделении семантических компонентов: способ движения выражается непосредственно глагольной основой, в то время как информация о маршруте движения кодируется посредством предглагольных единиц, обозначаемых термином «сателлиты». Данные сателлиты, в свою очередь, включают в себя превербы как один из своих подклассов.

Сателлиты представляют собой лингвистические единицы, характеризующиеся материальным тождеством, но проявляющие функциональное разнообразие в рамках языковой системы. Данный термин был введен в научный оборот лингвистом Леонардом Талми для решения проблемы разграничения наречий и служебных слов, таких как предлоги, превербы и послелогов (Talmy 1983). Е.С. Кубрякова предложила расширенную трактовку понятия сателлита, включив в него также наречия и предлоги (Кубрякова 2008). Такое расширение обусловлено общностью функциональной роли данных единиц: видоизменять семантические представления о направлении движения, которое обозначается глаголом, или о местоположении объекта относительно другого объекта или совершаемого действия.

Сателлиты, в широком понимании, представляют собой класс служебных элементов, которые, будучи привязанными к основному слову, вносят дополнительные семантические нюансы, уточняющие пространственные, временные или модальные характеристики описываемой ситуации. Изучение сателлитов имеет важное значение для понимания механизмов семантического расширения и модификации в хантыйском языке.

Примеры, иллюстрирующие данное разделение, включают в себя следующие конструкции: наречие направления *täxä* 'сюда' в сочетании с глаголом *vyxittän* 'позовите его/её' образует фразу *täxä vyxittän* 'позовите его/её сюда', где *täxä* указывает на направление движения. Аналогично, *täxä iyüva* 'иди сюда' демонстрирует сочетание *täxä* с глаголом движения *iyüva*.

Кроме указания направления, сателлиты могут также выражать изменение состояния или положения объекта. Например, *toxni* 'за, наизнанку' в сочетании с глаголами *kiräxtäta* 'вывернуть' и *unča* 'переправляйся' образуют фразы *toxni kiräxtäta* 'вывернуть наизнанку' и *toxni unča* 'за речку переправляйся', где *toxni* модифицирует значение глагола, указывая на изменение положения.

Более абстрактные отношения также могут быть выражены с помощью сателлитов. Например, *zö latty* 'в ничто', *il(ä)* 'прочь', *yl(ä)* 'вниз' в сочетании с различными глаголами передают такие значения, как разрушение (*ilä möräyd* 'он разламывается'), освобождение (*ilä äsdäl* 'он отпускает'), стирание (*säm iyäkdäl ilä mönättäx* 'он вытер свои слезы'), опускание (*ylä ymääl* 'он сел') и уничтожение (*nyni minat ylä vädd* 'медведь убьет нас'). В этих примерах сателлиты вносят существенный вклад в семантику глагольной конструкции, определяя характер и направленность действия.

В сургутском диалекте хантыйского языка превербы играют важную роль в формировании значений глагольных форм, наделяя их пространственными, акциональными и интенсификационными оттенками. Они не только указывают на направление действия, но и модифицируют его интенсивность, результативность и завершенность.

Превербы направления, такие как *nöj* 'вверх', *ylä/ylnam* 'вниз', *ilä* 'прочь' и *nyk* 'в сторону воды и очага', служат для обозначения пространственной ориентации действия, указывая на его направленность относительно говорящего или объекта.

Превербы, выражающие интенсивность действия, такие как *chux(tyux)* 'на смерть, совсем' и *tövä* 'туда', усиливают или подчеркивают степень выраженности действия. Сочетание преверба с глаголом позволяет говорящему передать большую степень интенсивности, чем это возможно при использовании только глагола.

Превербы изменяют исходное значение глагола, придавая ему новые смысловые оттенки. В таких примерах, как *närxu mäta* 'возвратить' (букв. дать обратно) или *nyul iyäxtäta* 'встретиться' (букв. увидеться), они не просто добавляют пространственную характеристику, но и формируют новое значение, отличное от буквального толкования.

Превербы, выражающие различные виды акциональности, такие как результативность и завершенность, позволяют говорящему точно определить, как действие развивается во

времени и к какому результату оно приводит. Они не только указывают на сам факт действия, но и на его завершение или достижение определенного результата.

Таким образом, превербы в сургутском диалекте хантыйского языка являются важным средством выражения пространственных и акциональных характеристик глагола, позволяя говорящему точно и детально передавать свои мысли и намерения. Изучение превербов в хантыйском языке представляет значительный интерес для лингвистической науки, поскольку позволяет глубже понять структуру и семантику данного языка. Превербы, являясь важным элементом грамматической системы, отражают специфические особенности хантыйского языкового мышления и способы выражения пространственных отношений, т.е. ментальности. «Ментальность в хантыйской традиции есть мировоззрение, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера» (Белькова 2024).

Следует отметить, что исследование особенностей функционирования превербов в финно-угорских языках, в частности, в хантыйском, предоставляет ценные сведения для разработки эффективных методик обучения этому языку. Метод проектов, направленный на активное применение языковых навыков в контексте практических задач, может быть существенно обогащен за счет учета специфики употребления превербов в сургутском диалекте хантыйского языка (Белькова, Орехова 2022). Учет особенностей функционирования превербов в хантыйском языке в рамках метода проектов позволяет создать более эффективную и мотивирующую среду обучения, способствующую глубокому усвоению языковых навыков и развитию языковой компетенции обучающихся.

Кроме того, исследование предложений с точки зрения их композиции (размера) и грамматической структуры может быть сопряжено с особенностями функционирования превербов в языках финно-угорской группы. Превербы в финно-угорских языках способны значительно влиять на значение глагола, добавляя различные оттенки смысла, что может быть сопоставимо с тем, как синтаксические деформации в югорской литературе изменяют восприятие текста и его смысловую глубину. Исследование экспрессивного синтаксиса с учетом принципов организации текста и параллелей с функционированием превербов в финно-угорских языках позволяет глубже понять механизмы создания художественного образа и экспрессивности в югорской литературе (Белькова 2016).

Дальнейшие исследования в области превербации в хантыйском языке, несомненно, будут способствовать расширению наших знаний о его грамматической структуре и семантических особенностях. Анализ функционирования превербов в различных контекстах позволит выявить закономерности их сочетаемости с глаголами и определить их вклад в формирование значения глагольных конструкций. Кроме того, изучение превербов в финно-угорских языках может служить отправной точкой для более глубокого анализа лингвистических аспектов массовых коммуникаций (Belkova, Bezborodova, Builushkina, Ryabova 2020). Хотя прямая связь между функционированием превербов и массовой коммуникацией может показаться неочевидной, однако рассмотрение лингвистических особенностей языков финно-угорской группы может обогатить понимание механизмов воздействия языка на сознание. Знание и понимание таких тонкостей может значительно

повысить эффективность коммуникации и способствовать построению доверительных отношений с общественностью (Белькова 2014).

ЛИТЕРАТУРА

Белькова А.Е. Коммуникация в PR-деятельности: основные принципы и классификация материалов // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Нижневартовск, 07 февраля 2014 года / Ответственный редактор А.В. Коричко; Министерство образования и науки Российской Федерации, Департамент образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Нижневартовский государственный университет. Том Часть I. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2014. С. 260-261.

Белькова А.Е. Региональный свертхтекст в интерпретации этнической картины мира // Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления : Сборник статей III Международной научной конференции, посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора Н.А. Дворяшиной, Сургут, 26-27 октября 2023 года. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2024. С. 89-93.

Белькова А.Е. Структура и лексическое наполнение формуляра метрических книг // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 138-142.

Белькова А.Е. Экспрессивный синтаксис постмодернистской прозы Людмилы Стефановны Петрушевской // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 2 (71). С. 74-77.

Белькова А.Е., Орехова А.Н. Использование метода проектов в обучении хантыйскому языку // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редактор Д.А. Погonyшев. Нижневартовск, 2022. С. 475-481.

Быконя В.В. Структурно-семантическая характеристика локальных уточнителей в селькупском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1980. 216 с.

Вальгамова С.И. Глагольное словообразование в хантыйском языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.22 / Марийс. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2003. 20 с.

Варда В.Е. Классификация превербов восточных диалектах хантыйского языка. URL: <https://clck.ru/3LiJHK> (23.04.2025).

Кошкарева Н. Б. Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 12. С. 29-44.

Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. На материале германских языков. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 328 с.

Лельхова Ф.М. Структурно-семантические типы словосочетаний в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта); под ред. В. Н. Соловар; рец.: С. В. Онина, Е. В. Косинцева; Деп. образования и молодеж. политики ХМАО – Югры, Об.-уг. ин-т прикладных исслед. и разработок. ХантыМансийск : Доминус, 2011. 129 с.

Нахрачева Г.Л. Семантика и функционирование глаголов деструктивного действия в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта). URL: <https://clck.ru/3LiJBA> (23.04.2025).

Покачева Е.Р., Песикова А.С. Русско-хантыйский разговорник (сургутский диалект). Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. 124 с.

Скамейко Р.Р., Сязи З.И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурыш. диал.): пособие для уч-ся нач. шк. 2-е изд., дораб. СПб.: Отд-ние изд-ва «Просвещение», 1992. 271 с.

Соловар В.Н. Структурно семантические особенности обско угорских глаголов с превербами йира / ЙИРНА / ПõХАН / ПõХЫН // Вестник угроведения. 2021. №2. URL: <https://clck.ru/3LiJCm> (23.04.2025).

Соловар В.Н. Структурно-семантическая характеристика обско-угорских глаголов с превербами кãтна / катãщ / катнащ / китõи / киттыг 'надвое'. URL: <https://clck.ru/3LiJE9> (23.04.2025).

Чепреги М. Сургутский диалект хантыйского языка / под ред. Н. Б. Кошкаревой; ред. хант. текста А.С. Песикова; пер. на рус. язык: Т.А. Ефремова; рец. В.Н. Соловар. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2017. 278 с.

Belkova A.E., Bezborodova Yu.V., Builushkina L.N., Ryabova I.G. Pr-support of image and business reputation on the example of the corporate magazine «Oilfield Review» of the oilfield services company Schlumberger // Revista San Gregorio. 2020. No. 37. P. 156-165.

Moldanova I.M. Khanty Dialects at the Turn of the 18th-21st Centuries: Lexical and Phonetic Differences. URL: <https://clck.ru/3LiJGN> (24.04.2025).

Talmy L. How Language Structures Space // Spatial Orientation: Theory, Research and Application. New York, 1983. P. 225-281.

© Белькова А.Е., 2025

**МОСКВА В ДАР ПЕТЕРБУРГУ.
О ЦИКЛЕ МАРИНЫ ИВАНОВНЫ ЦВЕТАЕВОЙ «СТИХИ О МОСКВЕ»**

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка изучения личных и исторических предпосылок создания в 1916 году Мариной Ивановной Цветаевой цикла «Стихи о Москве». Тема родного города всегда интересовала М.И. Цветаеву и является одной из ключевых тем в творчестве поэта. Кроме того, в том числе и через стихи, посвященные Москве, в общем поэтическом наследии Цветаевой просматривается и раскрывается более глобальная тема Родины. В статье цикл Цветаевой «Стихи о Москве» рассматривается в первоначальном виде, таким, каким он был впервые опубликован в петроградском литературном журнале «Северные записки» в январе 1917 года, поскольку, на наш взгляд, именно такой подход к его изучению важен для понимания авторского замысла. Анализ биографически-бытового контекста создания цикла «Стихи о Москве», опирающийся на документальные подтверждения, сохранившиеся в письмах, позволит понять, какие исторические и культурные события повлияли на формирование поэтического образа города, а также выявить, какие московские географические и архитектурные символы преобразованы Цветаевой в символы поэтические, как они отражают её личные переживания и внутренний мир. Особое внимание уделяется символике московских сооружений религиозного культа, которые в поэзии Цветаевой становятся не только архитектурными памятниками, но и символами духовности и стойкости. Кроме того, в статье рассматриваются взаимосвязь личного восприятия Цветаевой Москвы с темами культурной идентичности и исторической устойчивости, а также использование определенных образов и мотивов для создания комплексного портрета города, который становится неотъемлемой частью её литературного наследия как московского поэта.

Ключевые слова: Цветаева; «Стихи о Москве»; стихотворение; поэзия; Москва; Кремль; тема; образ города.

Сведения об авторе: Верин Сергей Александрович, магистрант кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартковского государственного университета, ORCID 0009-0002-4590-3353.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; тел. 8 (3466)273510; e-mail: V9915@yandex.ru.

MOSCOW AS A GIFT TO PETERSBURG: ON MARINA TSVETAEVA'S CYCLE «POEMS ABOUT MOSCOW»

Abstract. This article attempts to study the personal and historical prerequisites for the creation of the cycle “Poems about Moscow” by Marina Ivanovna Tsvetaeva in 1916. The theme of her native city has always interested M.I. Tsvetaeva and is one of the key themes in the poet's work. In addition, along with through the poems dedicated to Moscow, in the general poetic heritage of Tsvetaeva, the more global theme of the Motherland is seen and revealed. The article considers Tsvetaeva's cycle “Poems about Moscow” in its original form, as it was first published in the Petrograd literary journal “Severnye Zapiski” in January 1917, because, in our opinion, this approach to its study is important for understanding the author's intention. The analysis of the biographical and everyday context of the creation of the cycle “Poems about Moscow”, based on documentary evidence preserved in letters, will allow us to understand what historical and cultural events influenced the formation of the poetic image of the city, as well as to identify which Moscow geographical and architectural symbols were transformed by Tsvetaeva into poetic symbols, how they reflect her personal experiences and inner world. Special attention is paid to the symbolism of Moscow religious buildings, which in Tsvetaeva's poetry become not only architectural monuments, but also symbols of spirituality and fortitude. In addition, the article examines the relationship between Tsvetaeva's personal perception of Moscow and the themes of cultural identity and historical sustainability, as well as the use of certain images and motifs to create a comprehensive portrait of the city, which becomes an integral part of her literary heritage as a Moscow poet.

Key words: Tsvetaeva; «Poems about Moscow»; poem; poetry; Moscow; Kremlin; theme; image of the city.

About the author: Verin Sergey Aleksandrovich, master's student of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation, Nizhnevartovsk State University, ORCID 0009-0002-4590-3353.

Contact information: 628609, Nizhnevartovsk, st. Mira, 3b, room 305; Tel. 8(3466)273510; e-mail: V9915@yandex.ru.

Москва, будучи одним из самых значимых и многогранных городов не только России, но и всего мира, всегда привлекала внимание художников, писателей и поэтов. Город с богатой историей, уникальной архитектурой и разнообразной культурой стал не только местом действия, но и важным символом в литературе. В частности, творчество Марины Ивановны Цветаевой, одной из самых знаковых фигур русской поэзии XX века, представляет собой особый интерес для изучения образа Москвы. В её стихах город предстает не просто как географическая точка, а как сложный и многослойный символ, в котором переплетаются личные переживания поэта и исторические реалии, культурные и православные традиции.

Цикл Цветаевой «Стихи о Москве» является ярким примером не только создания поэтического образа города, насыщенного культурными и историческими значениями, но и патриотической поэзии. Несмотря на то, что в нем нет места героизму и подвигу, он буквально пронизан любовью к Родине, не замыкаясь, хотя и концентрируясь, на Москве, дышит «русским духом», укрепленным историческими, культурными и религиозными отсылками, оставаясь при этом невероятно тонким и лирично-личным циклом, поскольку голос самой Цветаевой не заглушается колокольным звоном, а образ ее лирической героини не теряется на просторах «семихолмия» Москвы.

Парадоксально, но цикл Цветаевой «Стихи о Москве» обязан своему рождению Петрограду, в котором Марина Ивановна гостила вместе с Софьей Парнок зимой 1915–1916 годов. На встречу Нового года в столицу подруг пригласили издатели ежемесячного литературного журнала «Северные записки», в котором дважды в уходящем 1915 году публиковались подборки стихов Цветаевой, а в новом 1916 году они стали включаться почти в каждый номер.

Несмотря на предсвадебное путешествие в столицу в январе 1912 года, в своем письме Михаилу Кузмину в 1921 году она упоминает, что это была ее первая поездка в Петербург (так Цветаева любила называть Петроград):

«Это было в 1916 г., зимой, я в первый раз в жизни была в Петербурге. Я дружила тогда с семьей К<анегиссе>ров... они мне показывали Петербург. Но я близорука – и был такой мороз – и в Петербурге так много памятников – и сани так быстро летели – все слилось, только и осталось от Петербурга, что стихи Пушкина и Ахматовой. Ах, нет: еще каминь. Везде, куда меня приводили, огромные мраморные каминь, – целые дубовые роци сгорали! – и белые медведи на полу (белого медведя – к огню! – чудовищно!), и у всех молодых людей проборы – и томики Пушкина в руках... О, как там любят стихи! Я за всю свою жизнь не сказала столько стихов, сколько там, за две недели» (Цит. по: Саакянц 1997: 59).

«Забыв» в письме Кузмину о своем первом визите, Цветаева искажает и время своего пребывания в столице. Фактически она более трех недель провела в Петрограде, который предстал перед ней городом поэзии, зародив естественное и азартное желание явить местным поэтам, часто воспевавшим в своих стихах родной и любимый город, себя как поэта московского. Увы, во время этой зимней поездки Марине Ивановне не удалось встретиться с Анной Ахматовой. Описывая в «Нездешнем вечере» один из поэтических вечеров в доме братьев Каннегисер, Цветаева говорит о своем желании явить поэтическую Москву отсутствующей Ахматовой:

«Читаю, – как если бы в комнате была Ахматова, одна Ахматова. Читаю для отсутствующей Ахматовой. Мне мой успех нужен, как прямой провод к Ахматовой. И если я в данную минуту хочу явить собой Москву – лучше нельзя, то не для того, чтобы Петербург – победить, а для того, чтобы эту Москву – Петербургу – подарить, Ахматовой эту Москву в себе, в своей любви, подарить, перед Ахматовой – поклонить. Поклониться ей самой Поклонной Горой с самой непоклонной из голов на вершине» (Цветаева 1936).

Все в том же «Нездешнем вечере» Цветаева прямо говорит о том, что «...последовавшими за моим петербургским приездом стихами о Москве я обязана Ахматовой, своей любви к ней, своему желанию ей подарить что-то вечнее любви, то подарить – что вечнее любви. Если бы я могла просто подарить ей – Кремль, я бы наверное этих стихов не написала» (Цветаева 1936).

Не произошла и встреча Цветаевой с Блоком, который все же оказал влияние на цикл «Стихи о Москве». Дело в том, что в первоначальную версию цикла было включено стихотворение «У меня в Москве – купола горят...». Позднее Марина Ивановна «изъяла» его из московского цикла, и переместила в цикл, посвященный Александру Александровичу, который так и называется – «Стихи к Блоку». Однако менее «московским» от этого стихотворение не стало.

В противовес неудавшимся встречам с Ахматовой и Блоком, зимняя поездка в Петроград укрепила связь Цветаевой с Осипом Мандельштамом, который после отъезда Марины Ивановны навещал ее в Москве в феврале и марте 1916 года. Позднее даже вдова поэта отмечала:

«Цветаева, подарив свою дружбу и Москву, как-то расколдовала Мандельштама. Это был чудесный дар, потому что с одним Петербургом, без Москвы, нет вольного дыхания, нет настоящего чувства России...» (Цит. по: Каган 1992: 96).

Несмотря на то, что никаких посвящений Осипу Эмильевичу в цикле «Стихи о Москве» нет, исследователи отмечают «мандельштамовскую составляющую» как минимум в двух его стихотворениях, вдохновленных встречами и прогулками поэтов: «Из рук моих – нерукотворный град / Прими, мой странный, мой прекрасный брат» и «Мимо ночных башен...». Вчитываясь в стихи, можно заметить те же интонации, что и в приведенном выше фрагменте, посвященном Ахматовой – желание одарить близкого человека своей Москвой. В первом стихотворении лирическая героиня говорит прямо:

*Из рук моих – нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.*

Во втором же скрытым символом одарения служит «золотой ларчик» Иверской часовни.

Подтверждением обращения в этих стихах к Мандельштаму может служить и фрагмент написанного 21 июля 1916 года письма Цветаевой Юркевичу:

«Никогда не забуду, в какую ярость меня однажды этой весной привел один человек – поэт, прелестное существо, я его очень любила! – проходивший со мной по Кремлю и, не глядя на Москву-реку и соборы, безостановочно говоривший со мной обо мне же. Я сказала: “Неужели Вы не понимаете, что небо – поднимите голову и посмотрите! – в тысячу раз больше меня, неужели Вы думаете, что я в такой день могу думать о Вашей любви, о чьей бы то ни было. Я даже о себе не думаю, а, кажется, себя люблю!”» (Цит. по: Каган 1992: 91).

В это время Марина Ивановна уже работает над циклом «Стихи о Москве», не догадываясь, что через 6 лет Мандельштам, которого она отчаянно желала одарить своим

городом, в статье «Литературная Москва» назовет ее стихи «исторически фальшивыми», «лженародными» и «лжемосковскими».

Символично и то, что московский цикл, на написание которого Цветаеву фактически сподвигла поездка в Петроград, впервые был опубликован в столичном журнале «Северные записки», в первом, январском номере за 1917 год. Однако журнальный цикл несколько отличался от того, каким он знаком современному читателю.

Во-первых, уже написанные к моменту публикации цикла «Над городом отвергнутым Петром...» и «Красною кистью...» не вошли в версию цикла, опубликованную в «Северных записках». При этом стихотворений все равно было девять, так как вместо них Цветаева включила в цикл «Стихи о Москве» стихотворения: «У меня в Москве – купола горят...» и «Канун Благовещенья».

Во-вторых, стихотворения располагались согласно хронологии их написания. Первые читатели узнали цикл «Стихи о Москве» таким:

1. «Канун Благовещенья» (24–25 марта 1916)
2. «Облака – вокруг...» (31 марта 1916)
3. «Из рук моих – нерукотворный град» (31 марта 1916)
4. «Мимо ночных башен...» (31 марта 1916)
5. «Настанет день, печальный, говорят...» (11 апреля 1916, первый день Пасхи)
6. «У меня в Москве – купола горят...» (7 мая 1916)
7. «Над синевою подмосковных роц» (Троицын день, 1916)
8. «Семь холмов – как семь колоколов...» (8 июля 1916)
9. «Москва! Какой огромный Странноприимный дом!» (8 июля 1916).

Лишь во втором издании сборника «Версты I» в 1922 году цикл «Стихи о Москве» приобрел окончательные, известные нам структуру и содержание. Как уже упоминалось выше, стихотворение «У меня в Москве – купола горят...» Цветаева перенесла в цикл «Стихи к Блоку», а «Канун Благовещенья», которым открывался цикл «Стихи о Москве», стало внецикловым, самостоятельным стихотворением.

Сохраняя и хронологию, и структуру, Марина Ивановна дополнила московский цикл стихотворениями «Над городом, отвергнутым Петром...» (написано 28 мая 1916 года) и «Красною кистью...» (написано 16 августа того же года).

Исследуя природу этой замены стихотворений, Т. Быстрова предположила, что она произошла из-за того, что первоначально Цветаева хотела противопоставить свою «московскость» «петербургости» встреченных (и, как мы выяснили, не встреченных) ею поэтов Петрограда, что и сподвигло Марину Ивановну на написание цикла «Стихов о Москве» практически сразу по возвращении в родной и любимый город. С той же целью для первой публикации московского цикла был выбран столичный литературный журнал «Северные записки». Стихотворения, включенные в эту первую, журнальную версию наиболее ярко передают образ родного города поэта. Быстрова отмечает, что «в этом смысле «У меня в Москве – купола горят» несомненно более программный текст, чем “Красною кистью”» (Быстрова 2002). И только после того, как первая публикация состоялась и

Цветаевой с ее помощью удалось показать Петрограду не только свою Москву, но и себя саму как московского поэта, Марина Ивановна позволила себе изменить содержание цикла, включив в него другие стихотворения, также посвященные Москве и написанные в тот же период работы над циклом, но несколько иной направленности. Обобщая, Быстрова делает вывод, что цикл Цветаевой «Стихи о Москве» прошел две стадии формирования – петербургскую и московскую. Во вторую версию цикла «Стихов о Москве» добавила чуть больше личного, заполнив большее городское пространство лирической героиней, сделав тем самым ее (и себя) еще более неотъемлемой частью Москвы.

Рассмотрим основные московские локации, которые вошли в первоначальную петербургскую версию цикла, и то, как Цветаева представила свой родной город столичным читателям, а через его образы заявила о себе как о московском поэте.

Открывало цикл, как уже упоминалось, стихотворение «Канун Благовещенья», уже даже в названии которого обозначается важная символика и одна из подтем (если за основную принять тему Москвы) цикла – тема веры. Использование символики московских церквей и соборов, их архитектурных особенностей, с одной стороны, погружает читателей в атмосферу глубокой исторической и духовной связи с городом, формирует атмосферу Москвы, а с другой, раскрывает внутренний мир поэта, создавая множество ассоциаций и эмоциональных оттенков.

Первой московской локацией, куда Цветаева приглашает читателей петербурго-петроградской версии «Стихов о Москве», становится Благовещенский собор – православный храм, расположенный на Соборной площади Московского Кремля, первое упоминание которого связано с XIV веком, сохранившийся до наших дней. Освященный в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, он стал первый домовым храмом великих московских князей и царей.

В стихотворении, по своей ритмической структуре приближенном к духовным стихам и молитвам, заключены достаточно детализированные описания как самого храма, так и проводимой в нем литургии. Кроме того, в стихотворении нашла отражение тема материнства, с которой связан образ, казалось бы несопоставимый с общей религиозностью текста, но часто возникающий в поэзии Цветаевой:

*Чтоб не вышла как я – хищницей,
Чернокнижницей.*

Исследователи также обращают внимание на наличие в стихотворении «Канун Благовещенья» и одного из любимых, часто встречающихся в поэзии Цветаевой, мотива бессонницы. Так, М. Бельская отмечает, что в стихотворении «расширение границ мотива бессонницы до масштабов целого неспящего мира» становится «новым витком развития метасюжета». А в строчке: «Черной бессонницей / Сияют лики святых», «образы святых показаны через приём оксюморона: от икон обычно исходит лучезарный свет, а здесь подчеркивается бессонница, да ещё и черная: это изнемождённость, страдание, мученичество во имя Бога» (Бельская 2013).

Начавшееся с посещения богослужения в одном из храмов Кремля, стихотворение «Канун Благовещенья» завершается легкой и беззаботной «прогулкой» по набережной Москвы-реки:

*Бегу к Москва-реке
Смотреть, как лед идет.*

Безусловно, образ самого Кремля, отраженного в «Стихах о Москве», – является не только основным для всего цикла, но и главной точкой духовного притяжения цветаевской лирической героини. Знакомство Цветаевой с Кремлем произошло в раннем детстве, когда ее вместе с сестрой водили гулять по территории и в Александровский сад. Позднее она сама часто прогуливалась там с дочерью, о чем, например писала П. Юркевичу в письме от 21 июля 1916 года:

«Я рада Москве, хожу с Алей гулять в Кремль, она чудный ходок и товарищ. Смотрим на соборы, на башни, на царей в галерее Александра II, на французские пушки...» (Цит. по: Каган 1992: 105).

Возвращаясь к истории написания цикла, отметим, что именно Кремль обозначался самой Цветаевой как символ своего поэтического дара Ахматовой, именно его она хотела бы подарить Анне Андреевне.

Начиная свою поэтическую прогулку от Благовещенского собора, Цветаева проводит читателей и по другим кремлевским строениям религиозного культа, среди которых важное значение имеет Иверская часовня, расположенная у Воскресенских ворот и ведущая на Красную площадь. О ней мы уже упоминали, говоря об одарении Мандельштама золотым ларчиком в стихотворении «Мимо ночных башен...». Она же, названная «звездной», встречается и в стихотворении «Из рук моих – нерукотворный град...»:

*Часовню звездную – приют от зол –
Где вытертый – от поцелуев – пол;*

До тех пор, пока во второй версии цикла «Стихов о Москве» не зажглась по велению самой Марины Ивановны красная кисть рябины, фактически в Иверской часовне и заканчивалась стихотворная прогулка по цветаевской Москве:

*А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, –
Там Иверское сердце
Червонное горит.*

Как отмечает И.Б. Ничипоров, «именно Иверская часовня обретает в изображении Цветаевой теснейшую эмоциональную связь с драматичной душевной жизнью ее героини, а в стихотворении «Мимо ночных башен...» (1916) «горящая», «как золотой ларчик», она символизирует свет духовной истины в сгущающейся тьме предреволюционных лет» (Ничипоров 2009).

Образы церквей в цикле «Стихов о Москве» приближают его к традициям русской православной культуры. Сам город становится масштабным, единым символом святости.

Цветаева словно подчеркивает, что несмотря на то, что Москва уже не является столицей, она остается центром и сердцем русской земли.

Однако цикл «Стихов о Москве», хотя и фактически сосредоточен вокруг Кремля, но не ограничивается исключительно его локациями и пространством. В нем встречаются еще две точки притяжения двух противоположных, но важных для творчества Цветаевой мотивов – смерти и рождения. Удивительно, что оба мотива гармонично переплетены во втором стихотворении, которое впоследствии стало открывающим цикл «Стихов о Москве». Оно, начатое столь невесомо, с воздушной, благословенной легкостью:

*Облака – вокруг,
Купола – вокруг,
Надо всей Москвой
Сколько хватит рук!*

– уже во второй строфе пронизано мотивом смерти. При этом в тексте, кроме констатации неминуемой конечности жизни лирической героини, читается и неподвластная смерти любовь к Москве, которая будет передана ее первенцу, уже не в дар, как в некоторых других стихотворениях цикла, а в наследство:

*В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой – мне
Будет радостно, –
Царевать тебе,
Горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!*

Заканчивается же стихотворение упоминанием Ваганьковского кладбища, на котором к моменту написания уже покоились родители Цветаевой – Мария Александровна умерла в 1906, а Иван Владимирович в 1913 году. Так изящно Марина Ивановна словно замыкает круговорот жизни, поднимая еще одну важную для своего творчества тему рода и преемственности поколений.

Мотив рождения и отчего дома встречается и в стихотворении «Семь холмов – как семь колоколов...». Только связан он уже не с мотивом наследования, а с самой лирической героиней Цветаевой:

*В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом – пряник, а вокруг плетень
И церковки златоголовые.*

Очевидно, что речь здесь идет об одноэтажном деревянном доме с антресолями в Трехпрудном переулке, 8. В нем родились сестры, брат и сама Марина Ивановна. До наших дней дом, увы, не сохранился. После смерти главы семейства Цветаевых брат Андрей во время Первой мировой войны в 1914 году передал его под госпиталь, а позже продал на

дрова соседней типографии. В 1919 году остатки дома-пряника еще можно было увидеть, но в 1920 от него уже ничего не осталось. В 1926 году на его месте началось строительство 4-этажного кооператива «Творчество», который впоследствии увеличился до 6 этажей.

Цветаевская Москва 1916 года, подаренная не только коллегам-поэтам, но и всем читающим жителям Петрограда, а впоследствии, пусть и в несколько измененном, откорректированном виде, всем нам, переплетаясь с историческими событиями и личными переживаниями поэта, формирует уникальный образ города, который становится отражением внутреннего мира Марины Ивановны. Кремлевские (и не только) локации и пространства, в первую очередь религиозного плана, описанные Цветаевой, становятся не просто архитектурно-поэтическими памятниками, а символами любви к своему родному городу и культурной идентичности. Цветаева мастерски использует эти образы, чтобы передать глубину своих чувств и мыслей о городе, который она любила и который имел для неё множество значений. Город, в котором она выросла, стал неотъемлемой частью её культурной и личной идентичности.

В стихах цикла Москва становится местом, где переплетаются личные переживания и общественные реалии. Цветаева использует город как метафору для выражения своих чувств, что позволяет читателю глубже понять её внутренние конфликты и стремления. Историческая устойчивость образа Москвы в творчестве Цветаевой, запечатленного в движении от прошлого к настоящему, демонстрирует, как поэтесса осмысляет изменения, происходящие в её родной стране. Она не только фиксирует моменты времени, но и создает вечный образ города, который, несмотря на все испытания, остается символом силы и стойкости, ничуть не уступая в этом столичному Петрограду. Однако стихотворения «Цикла о Москве» – это не просто гимн любимому городу. В них Марина Ивановна вплетает и свою личную историю, создавая тем самым двухмасштабную мифологию города – общественную (в контексте истории, культуры, веры и географии) и индивидуальную.

Как писала сама Марина Ивановна спустя почти 20 лет после рождения цикла «Стихи о Москве» в январе 1937 года Ю.П. Иваску: «Да, я в 1916 г. первая так сказала Москву. (И пока что последняя, кажется.) И этим счастлива и горда, ибо это была Москва – последнего часа и раза. На прощанье. «Там Иверское сердце – Червонное, горит». И будет гореть – вечно. Эти стихи были – пророческие. Перечтите их и не забудьте даты.

Но писала это не «москвичка», а бессмертный дух, который дышит где хочет, рождаясь в Москве или Петербурге – дышит где хочет» (Цит. по: Каган 1992: 96).

ЛИТЕРАТУРА

Бельская М.Ю. Мотив бессонницы в книге стихов М.И. Цветаевой «Версты». URL: <https://clck.ru/3LiKUT> (16.04.2025).

Быстрова Т. «Стихи о Москве» Марины Цветаевой: к вопросу о формировании московского цикла. URL: <https://clck.ru/3LiKVb> (16.04.2025).

Каган Ю.М. Марина Цветаева в Москве. Путь к гибели. М.: Отечество, 1992.

Москва Марины Цветаевой: адреса, имена, судьбы / Масловский В.И. (сост.). 2-е изд. М.: Беслан, 2023.

Ничипоров И.Б. «Московский текст» в русской поэзии XX века: М. Цветаева и Б. Окуджава. URL: <https://clck.ru/3LiKSk> (16.04.2025).

Саакянц А.А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Элисс Лак, 1997.

Цветаева М. Нездешний вечер. URL: <https://clck.ru/3LiKQn> (16.04.2025).

Цветаева М. Собрание стихотворений и поэм в одном томе. М.: Эксмо, 2017.

© Верин С.А., 2025

НЕЙРОСЕТИ В ОБРАБОТКЕ ТЕКСТОВЫХ ОБЪЕКТОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию возможностей и ограничений нейросетевых технологий при работе с текстовыми объектами русской литературы в образовательном процессе. Материалом исследования послужили ответы нейросети ChatGPT-4o на вопросы, составленные на основе учебной программы по истории русской литературы для студентов-филологов. В фокусе анализа – три ключевых аспекта: интерпретация рассказа В. Шукшина «Срезал», анализ рассказа А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и систематизация направлений в русской поэзии второй половины XX века. Результаты демонстрируют, что ChatGPT способен генерировать структурно целостные ответы, имитирующие академический стиль, однако качество анализа варьируется в зависимости от типа задания. Наибольшие расхождения с оригинальными текстами выявлены в интерпретации художественных произведений: нейросеть допускает фактологические ошибки (искажение имён персонажей, сюжетных деталей), а также поверхностные трактовки конфликтов. В то же время при перечислении историко-литературных фактов (направления поэзии, имена авторов) точность значительно выше. Исследование подтверждает, что использование ИИ в обучении литературе требует разработки чётких методик верификации. В статье предлагается модель критической работы с нейросетевыми инструментами, включающая перекрёстную проверку источников и акцент на развитии аналитических навыков у студентов.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, нейросети, образование, литература, ChatGPT, достоверность информации, фактологические ошибки, академическое обучение.

Сведения об авторе: Набиуллин Илья Вадимович, магистрант кафедры филологии лингводидактики и перевода Нижневартковского государственного университета; ORCID 0009-0004-5285-438X.

Контактная информация: 628615, г. Нижневартовск, ул. Северная, д. 60А, кв. 509А; тел. 8(923)4266105; e-mail: soyfranque@gmail.com

I.V. Nabiullin

**NEURAL NETWORKS IN PROCESSING TEXTUAL OBJECTS
OF RUSSIAN LITERATURE**

Abstract. This article explores the capabilities and limitations of neural networks in processing textual objects of Russian literature within educational contexts. The study material comprises responses generated by ChatGPT-4o to questions based on a university-level Russian literature curriculum for philology students. The analysis focuses on three key aspects: interpretation of V. Shukshin's short story "Srezal", analysis of A. Solzhenitsyn's "One Day in the

Life of Ivan Denisovich”, and classification of trends in 20th-century Russian poetry. The results indicate that while ChatGPT produces structurally coherent answers mimicking academic discourse, their quality varies by task type. The most significant discrepancies with original texts occur in literary analysis: the AI introduces factual errors (misnamed characters, distorted plot details) and oversimplifies narrative conflicts. Conversely, its accuracy improves when listing historical-literary facts (poetic movements, authors’ names). The study underscores that integrating AI into literary education necessitates robust verification protocols. The article proposes a framework for critical engagement with neural networks, emphasizing source cross-referencing and the cultivation of students’ analytical competencies.

Key words: artificial intelligence, neural networks, education, literature, ChatGPT, information reliability, factual errors, academic learning.

About the author: Nabiullin Ilya Vadimovich, Master's student at the Department of Philology, Linguodidactics, and Translation, Nizhnevartovsk State University; ORCID 0009-0004-5285-438X.

Contact information: 60A Severnaya St., Apt. 509A, Nizhnevartovsk, 628615, Russia; Tel. +7 (923) 426-61-05; e-mail: soyfranque@gmail.com

В современных реалиях образования и обучения литературы существует проблема изучения литературных источников, произведений и фактов о писателях в связи с нежеланием разбираться с большими объёмами материалов. Однако, технологическое развитие привело к тому, что в решении многих проблем, связанных с поиском информации, составлением текстов помогают нейросети. Популярность такого феномена, как искусственный интеллект, уже не ставится под сомнение; наоборот, она порождает почву для новых исследований и позволяет открывать новые возможности в обучении школьным и академическим дисциплинам, в частности – обучению литературе. Под термином нейросеть в данной статье подразумевается генератор текста, что в свою очередь является программой или онлайн-платформой с графическим интерфейсом, которая порождает письменный монологический текст, соответствующий поставленным целям и задачам в зависимости от сферы, где этот текст используется (Всероссийская лига педагогов МЭО 2023). Как правило, большинство ИИ-платформ реализованы в формате чата. Под чатом подразумевается разговор, передаваемый Интернет, сервисная, многопользовательская, многоканальная система синхронного общения (Овчарова 2008).

Согласно исследованию международной консалтинговой компании Tyton Partners, проведённому среди преподавателей и студентов вузов под руководством управляющего директора К. Шоу в 2023 году, было выявлено, что ИИ-инструменты оказывают положительное влияние на обучение. Среди респондентов исследования это мнение было распространено не только у студентов, но и среди преподавателей (Shaw et al. 2023). Это свидетельствует о том, что нейросети можно использовать в образовательных целях.

Если говорить про частные случаи использования инструментов искусственного интеллекта, то согласно опросу, проведённому в Белорусском государственном

университете, результаты которого приведены в статье О.Н. Касперович-Рынкевич, можно отметить тот факт, что студенты очень активно используют сгенерированный контент с целью написания курсовых работ, рефератов, научных статей и переводов текстов, а также для подготовки к экзаменам. Нейросети здесь воспринимаются как способ получения быстрого доступа к нужной информации, ответам на сложные вопросы, которые очень трудно найти в интернете или, когда нет желания самостоятельно что-либо искать (Касперович-Рынкевич 2023). В связи с этим возникает проблема критического подхода и правильной оценки фактов, которые содержатся в сгенерированном тексте, ведь очень часто нейросети допускают фактологические ошибки, придумывают несуществующие фамилии и имена, могут допускать искажение сюжета произведений, на которые был ориентирован запрос в ИИ-инструмент. У генераторов текста часто встречается ситуация, когда они порождают галлюцинации – когда нейросеть, подбирая нужную информацию, выдумывает собственную (Baron 2023).

Далеко не все пользователи нейросетей проверяют на действительность сгенерированные факты, что подтверждают результаты исследования, приведённые в статье Е.С. Тереховой, Н.Н. Пучковой, Л.В. Новиковой. Согласно опросу, всего 21% студентов указали в качестве проблемы работы с нейросетями необходимость перепроверять и дорабатывать результат вручную (Терехова и др. 2024). Этот показатель порождает тревогу, ведь при подготовке к занятиям или составлении итоговых работ, студенты могут принимать недостоверную информацию за действительную и таким образом, получать неправильные знания.

Целью данной статьи является проверить, насколько качественный и соответствующий литературным фактам текст генерируют выбранные ИИ-инструменты. Объектом исследования является сам сгенерированный текст, который будет исходить из запросов, связанных с заданиями по истории литературы 4 курса филологического направления. Сгенерированный текст необходимо подвергнуть проверке фактов на действительность. Для проверки на соответствие взяты и изучены произведения авторов, содержащие действительные факты о событиях, именах и действиях в сюжете.

В качестве генераторов текста были выбрана нейросеть ChatGPT-4o, которая разработана американской компанией OpenAI и представлена широкой публике в 2024 году. Нейросеть имеет возможность бесплатного пользования после прохождения процедуры регистрации, которая является очень простой и для которой нужна электронная почта и подходящий правилам пароль.

Летом 2023 года ЮНЕСКО опубликовало подробное руководство по использованию ChatGPT в высшем образовании, которое содержит возможности, проблемы и рекомендации по интеграции ИИ в учебный процесс. В начале работы с нейросетью авторы руководства, Э. Сабзалиева и А. Валентини, предлагают пользователю поставить перед собой несколько основополагающих вопросов, среди которых следующий: «Для меня важно, чтобы ответ соответствовал истине?» (Сабзалиева, Валентини. 2023). Этот вопрос стал ключевым в исследовании и учитывался при проведении эксперимента.

Так как совсем недавно разработчики представили функцию «Поиск» на платформе своего продукта, которая заключается в том, что нейросеть теперь может предоставлять ответы на вопросы согласно информации из сети Интернет, можно полагать, что ответы могут соответствовать действительности с большим успехом.

Для исследования было взято домашнее задание одного из студентов 4 курса филологического направления Нижневартковского Государственного Университета по дисциплине История русского языка и литературы. Задание состояло из 3 вопросов по 3 разным темам. Тексты вопросов приведены ниже:

1. В. Агеносов пишет «Ситуации, нарисованные автором, обыденны, нередко комичны. Чаще всего это бытовые и семейные истории, но за легко узнаваемыми сюжетами скрываются острейшие схлесты и конфликты» (Агеносов 2004). На примере одного из рассказов В. Шукшина покажите своеобразие конфликта, сочетание драматических и комических элементов.

2. Почему день, изображённый в рассказе А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», герой считает счастливым?

3. Назовите направления в поэзии 50–90-х гг. XX века и представителей этих направлений.

Исследование было проведено следующим образом:

- В ChatGPT было создано три отдельных чата, в каждом из которых были последовательно заданы вопросы из списка домашнего задания.
- Полученные ответы в каждом чате были проанализированы на соответствие фактам литературных произведений.
- Было проверено, существуют ли на самом деле указанные в сгенерированных текстах представители литературы.

После генерации ответов для первого вопроса в трёх чатах ChatGPT были выявлены множественные нарушения фактов о взятом в пример рассказе Василия Шукшина «Срезал». Нейросеть в двух чатах из трёх называет главного героя Иваном:

«В рассказе В. Шукшина «Срезал» описана, на первый взгляд, обыденная ситуация: встреча сельского мужика – Ивана («Ивана-дурака», как его называют) – с интеллигентом в поезде.»

«Герой рассказа – деревенский мужик Ивана Лапшин – оказывается в компании интеллигентов и вступает с ними в спор.»

В третьем чате имя героя не упоминается, он обозначен просто как «деревенский мужик». На самом деле, имя главного героя – Глеб Капустин. Наряду с этим, в приведённых фрагментах ответов есть ещё одна ошибка: герои встретились не в поезде, а в доме Агафьи Журавлёвой. Также ChatGPT делает не совсем верный вывод о том, что Константин Журавлёв, один из главных героев, «интеллигент пытается «поставить на место» простого человека, демонстрируя свою эрудицию и высокомерие». В самом рассказе Константин является воспитанным человеком, не желающим никого обидеть.

При ответе на второй вопрос, нейросеть правильно указала имя и фамилию главного героя, но относительно того, почему же герой считал день удачным, ChatGPT отвечал поразному. Так, в одном из чатов, сказано, что Ивану Денисовичу удалось «достроить стену (получить удовлетворение от честного труда)», в другом, что «работа на стройке была продуктивной, и он чувствовал удовлетворение от хорошо выполненного дела», а в третьем нейросеть утверждает, что герою удалось «найти дополнительную работу, на которой можно подзаработать (кладка кирпича)». В самом рассказе, кладка стены являлась обязательным трудом, а не дополнительной работой. Кроме того, герой получил удовольствие от самого труда, поэтому второй ответ ближе к действительности. В остальных ответах расхождений с сюжетом не было. В данном случае, ответы нейросети были ближе к реальным фактам сюжета, однако небольшие искажения всё же присутствуют.

При ответе на третий вопрос проверялись на действительность только приведённые имена поэтов и соответствие перечисленных направлений к деятельности поэтов. Во всех случаях ответы были идентичными и соответствовали реальным фактам. В некоторых местах нейросеть изменяла формулировки названий периодов, называя в одном из чатов философское течение «Лирикой «тихого голоса»», а неофициальную поэзию обозначая как «андерграунд».

Проведённый эксперимент с нейросетью ChatGPT-4o показал, что, несмотря на её способность генерировать связные и логичные тексты, достоверность предоставляемой информации остаётся нестабильной. Вопросы, связанные с анализом литературных произведений, продемонстрировали как сильные, так и слабые стороны ИИ. На примере рассказа В. Шукшина «Срезал» выявились серьёзные фактологические ошибки: нейросеть ошибочно назвала главного героя, исказила место действия и неверно интерпретировала мотивы персонажей. Это свидетельствует о том, что ChatGPT может допускать грубые неточности даже в известных литературных текстах. В то же время при ответе на вопрос о рассказе А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» ИИ в целом правильно передал суть сюжета, однако допустил мелкие, но существенные искажения в деталях, что может повлиять на понимание произведения.

Наиболее точными оказались ответы, требующие перечисления фактов, таких как направления поэзии XX века и их представители. Здесь ChatGPT продемонстрировал высокую степень соответствия реальным данным, хотя и с некоторой вариативностью в формулировках. Это позволяет предположить, что нейросеть эффективнее работает с чёткими, структурированными запросами, чем с интерпретацией художественных текстов. Важно отметить, что даже с включённой функцией поиска ChatGPT не всегда корректно обрабатывает информацию из интернета. Это означает, что пользователям необходимо критически оценивать сгенерированные ответы и сверяться с авторитетными источниками. Таким образом, нейросеть может служить вспомогательным инструментом, но не заменяет проверенных учебных материалов.

Современные технологии искусственного интеллекта открывают новые возможности в образовании, однако их применение требует осознанного подхода. Как показало

исследование, нейросети способны ускорить поиск информации и помочь в систематизации знаний, но их использование сопряжено с рядом рисков. Одним из ключевых недостатков ИИ остаётся склонность к фактологическим ошибкам, особенно при анализе художественных произведений. Неточности в именах персонажей, искажение сюжетных линий и неверные интерпретации могут привести к формированию ошибочных представлений у студентов. При этом, как свидетельствуют данные других исследований, далеко не все пользователи перепроверяют сгенерированные тексты, что повышает риск распространения недостоверной информации.

Тем не менее потенциал ИИ в образовании нельзя недооценивать. Нейросети могут быть полезны для составления конспектов, структурирования данных и даже тренировки аналитических навыков, если учащиеся будут подходить к их использованию критически. Важно развивать у студентов привычку верифицировать информацию, сопоставляя её с проверенными источниками. В дальнейшем интеграция ИИ в учебный процесс должна сопровождаться разработкой чётких методических рекомендаций. Это позволит минимизировать риски и максимально эффективно использовать технологические возможности. Подобные исследования помогут выработать оптимальные стратегии применения нейросетей в гуманитарных дисциплинах, сохраняя баланс между инновациями и академической достоверностью.

ЛИТЕРАТУРА

Агеносов В.В. Русская литература XX века. 11 класс. Часть 2. М.: Дрофа, 2004. 508 с.

Всероссийская лига педагогов МЭО: сайт. Москва, 2023. URL: <https://ligaedu.ru> (29.03.2025).

Касперович-Рынкевич О.Н. Искусственный интеллект и нейросети в восприятии белорусской молодежи // Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения: сб. материалов ежегодного 62-го Междунар. науч. форума. 2023. Т. 2. С. 39–40.

Овчарова К.В. Компьютерные чаты в Интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008. 240 с.

Сабзалиева Э., Валентини А. ChatGPT и искусственный интеллект в высшем образовании // Цифровая библиотека UNESDOC. URL: <https://clck.ru/3LiKyа> (29.03.2025).

Терехова Е. С., Пучкова Н. Н., Новикова Л. В. Анализ востребованности использования нейросетей для решения учебных задач // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2024. № 08. С. 1–17. URL: <https://clck.ru/3LiL2M> (дата обращения: 29.03.2025). <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2024-11123>.

Baron N. S. How ChatGPT robs students of motivation to write and think for themselves // The Conversation. 2023. URL: <https://clck.ru/3LiL3F> (29.03.2025).

Shaw C., Yuan L., Brennan D. et al. GenAI in Higher Education: fall 2023. Update time for class study. Tyton Partners, 2023. URL: <https://clck.ru/3LiL78> (29.03.2025).

МЕТОДИКА РАБОТЫ НАД БЕЗЛИЧНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НАУЧНОГО СТИЛЯ РЕЧИ СТУДЕНТАМИ-КАЗАХАМИ

Аннотация. На занятиях русского языка студенты-казахи работают над языком специальности, оттачивают научный стиль речи. Одной из тем является изучение синтаксических особенностей научного стиля речи, где среди односоставных предложений важное место занимают безличные. В ходе исследования применялись общенаучные методы, однако основным подходом стал структурный, который в соответствии со способами выражения сказуемых позволил отграничить безличные предложения от других односоставных, двусоставных и синонимичных предложений. Были выявлены лингвистические и экстралингвистические факторы, негативно влияющие на усвоение данной темы студентами. Рассматривались отдельные классификации безличных предложений, разработанные как в традиционном, так и в новом формате, детально выстроенные, расширенные. При обучении студентов-казахов мы остановились на классификации безличных предложений П.А. Леканта, представленной в учебнике «Современный русский язык. Синтаксис» (2007). Методом сплошной выборки из учебного пособия по физике были извлечены безличные предложения, которые позволили выявить в составе безличных предложений более и менее частотные модели. Для освоения грамматики безличных предложений студентам были предложены упражнения обучающего характера, в том числе упражнения для самостоятельного выполнения с опорой на образцы, упражнения на синонимию безличных предложений и других односоставных предложений. Практическая значимость работы заключается в предложенной методике обучения безличным предложениям студентов-казахов, обучающихся на физико-математических направлениях. Авторы считают, что данная разработка будет полезна молодым педагогам, а также всем, кто интересуется теорией и практикой преподавания русского языка как иностранного.

Авторы приходят к выводу, что при изучении синтаксических особенностей научного стиля преподавателям следует проводить в помощь студентам дополнительные занятия, которые, несомненно, дадут положительные результаты.

Ключевые слова: русский язык; СРСР; научный стиль речи; лингвистические и экстралингвистические факторы; безличные предложения; классификация безличных предложений; модели безличных предложений; упражнения.

Сведения об авторах: Саньярова Найля Смадыровна, кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, ORCID: 0000-0002-0723-8893; Таттимбетова Куралай Омирлановна, доктор PhD, доцент, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, ORCID: 0000-0002-7713-0757.

Контактная информация: 050040, Казахстан, г. Алматы, проспект аль-Фараби, 71, Алматы, тел.: +77023335242, n.s.sanjarova@gmail.com; + 77014652433, tattimbetova@gmail.com

N.S. Sanjarova, K.O. Tattimbetova

METHODOLOGY FOR WORKING ON IMPERSONAL SENTENCES WHEN STUDYING SYNTACTIC FEATURES OF THE SCIENTIFIC STYLE OF SPEECH BY KAZAKH STUDENTS

Abstract. At Russian language classes Kazakh students work on the language of their specialty, sharpen the scientific style of speech. One of the topics is the study of syntactic features of scientific style of speech, where impersonal sentences occupy an important place among one-joint sentences. In the course of the research we applied general scientific methods, but the main approach was structural, which according to the ways of predicate expression allowed us to distinguish impersonal sentences from other one-, two- and synonymous sentences. Linguistic and extra-linguistic factors negatively influencing the students' mastering of this topic were revealed. Separate classifications of impersonal sentences, developed both in the traditional and new format, elaborated in detail, extended, were considered. When teaching Kazakh students, we focused on P.A. Lecant's classification of impersonal sentences presented in the textbook "Modern Russian Language. Syntax" (2007). Impersonal sentences were extracted from the textbook on physics by the method of continuous sampling, which allowed us to identify more and less frequent models in the composition of impersonal sentences. To master the grammar of impersonal sentences, students were offered exercises of instructional character, including exercises for independent performance with the support of samples, exercises on synonymy of impersonal sentences and other one-joint sentences. The practical value of the work consists in the fact that the article proposes a methodology of work on impersonal sentences in the training of Kazakh students who study in the field of physics and mathematics. We hope that the methodical development will be useful and informative first of all for young practicing teachers, who will be able to get acquainted with new classifications in the theory of impersonality. The authors conclude that when studying syntactic features of the scientific style, teachers should hold additional classes to help students, which will undoubtedly give positive results.

Keywords: Russian language; SRSP; scientific style of speech; linguistic and extra-linguistic factors; impersonal sentences; classification of impersonal sentences; models of impersonal sentences; exercises.

About the authors: Sanjarova Nailya Smadjarovna, PhD, Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University, ORCID: 0000-0002-0723-8893; Tattimbetova Kuralay Omirlanovna, PhD, Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University, ORCID: 0000-0002-7713-0757.

Contact information: 050040, Kazakhstan, Almaty, Al-Farabi Avenue, 71, Almaty, tel.: +77023335242, n.s.sanjarova@gmail.com; + 77014652433, tattimbetova@gmail.com

Введение

В Республике Казахстан изучение русского языка в школах, вузах проводится в соответствии с единым образовательным стандартом, а сам уровень преподавания русского языка, который изучается параллельно с казахским и английским, по-прежнему высок. Согласно государственной языковой политике русский язык занимает статус официального языка и языка межнационального общения, что очень важно для казахстанцев, проживающих в многонациональном полиязыковом пространстве.

В Казахском национальном университете имени аль-Фараби обучение казахскому, русскому и английскому языкам начинается с 1-го курса и продолжается в течение академического года, то есть 15 учебных недель в каждом семестре. Иначе говоря, согласно кредитной технологии обучения студентам на изучение языков отводится 5 кредитов, где один кредит равняется 30 академическим часам, а академический час – 50 минутам. Обучение языкам традиционно контролируется на зимней и летней экзаменационных сессиях. При этом студенты казахского отделения изучают русский язык, студенты русского отделения – казахский язык и все одновременно – английский язык. Такова общая тенденция изучения языков в КазНУ имени аль-Фараби.

Цель дисциплины «Русский язык» – формирование языковой, речевой и коммуникативной компетенций во всех видах речевой деятельности, обусловленной учебно-профессиональной сферой общения. Одним из результатов обучения является функциональный аспект, реализация которого состоит в том, что студенты должны уметь аргументированно доказывать принадлежность текста к научному стилю речи. В качестве индикатора достижения результатов обучения выступает способность студентов охарактеризовать стилевые и языковые черты текста и аргументировать свою позицию. По завершении курса студенты-казахи должны уметь применять русский язык в дальнейшей учебно-профессиональной сфере общения для поиска, анализа, интерпретации информации по специальности с целью осуществления коммуникации в устной и письменной формах.

Так, учебной программой на изучение темы «Научный стиль речи» предусмотрено три часа. Одной из подтем является изучение синтаксических особенностей научного стиля речи, где важное место отводится рассмотрению односоставных предложений. Усвоение односоставных предложений, в частности безличных, сопряжено с определенными трудностями, вызванными не только языковыми, но и экстралингвистическими причинами. Об этом свидетельствуют высказывания ученых и, в частности, С.А. Поляковой в статье «Безличные предложения инфинитивного типа и проблемы определения в них типов сказуемого»; автор пишет, что «изучение односоставных предложений является одной из самых трудных тем в школе. Если говорить об отдельных структурных типах, то, с точки зрения актуальности, мы бы на первое место поставили безличные предложения, так как в таких предложениях очень трудно школьникам определить способ выражения сказуемых» (Полякова 2020: 107).

Методы и материалы

Материалами для исследования стали научные труды в периодических научных изданиях, освещающие различные вопросы теории безличности, в том числе и безличных предложений, публикации в монографиях, сборниках трудов и материалов конференций, а также диссертационные исследования, посвященные проблеме безличных предложений, и другие источники.

В ходе исследования применялись общенаучные методы, такие как наблюдение, сравнение, описание, анализ и синтез. Основным подходом стал структурный, позволяющий в соответствии со способами выражения сказуемых, разграничивать безличные предложения, а также безличные предложения и синонимичные односоставные/двосоставные предложения.

Целью статьи является определение оптимальной классификации безличных предложений для обучения студентов-казахов; а также демонстрация методики работы над безличными предложениями при изучении синтаксических особенностей научного стиля студентами, обучающимися на физико-математическом факультете по специальностям «Физика и нанотехнологии», «Материаловедение и технологии новых материалов», «Киберфизика» и др.

Результаты и обсуждение

Безусловно, для вчерашних школьников восприятие и усвоение безличных предложений в научном тексте представляется сложным и трудоемким процессом. Причина таких затруднений подтверждается рядом ученых, и, в частности, И.Г. Казачук, Н.В. Глухих и А.А. Мироновой, которые считают, что «тема “Безличные предложения”, изучаемая в школе и вузе, относится к одной из наиболее трудных синтаксических тем, так как по сравнению с другими типами односоставных предложений безличные характеризуются структурным и семантическим разнообразием: наличием большого количества типов и моделей с присущими им синтаксическими значениями, множеством способов выражения главного члена» (Казачук, Глухих, Миронова 2022: 67). Аналогичное мнение высказывает и О.Г. Кузнецова: «Практика работы показывает, что наиболее трудной для усвоения является тема “Безличные предложения”. Возможно, это объясняется разнообразием данных предложений по форме и значению» (Кузнецова).

Следовательно, основной причиной, затрудняющей усвоение безличных предложений, является их структурно-семантическое разнообразие. Как следствие, это отражается на качестве домашних работ, негативно сказывается на результатах выполнения заданий, связанных с анализом текста по стилю, а также не лучшим образом влияет на выполнение самостоятельной работы, когда студенты должны подготовить, например, групповой или индивидуальный проект «Функциональные стили речи».

Для эффективного усвоения темы «Безличные предложения» мы подготовили методическую разработку практического занятия, в которой предлагаются упражнения, ориентированные на специфику безличных предложений. В упражнениях обучающей единицей являются предложения, заимствованные из учебного пособия по специальности.

Представляется, что методическая разработка будет небезынтересна и полезна не только для студентов, но и для практикующих преподавателей, которые обучают русскому языку студентов-казахов физико-математического факультета.

Прежде чем обратиться к методике работы над безличными предложениями, рассмотрим лингвистические и экстралингвистические факторы, которые, безусловно, негативно отражаются на восприятии студентами данной темы.

Лингвистический фактор заключается в том, что тема «Синтаксические особенности научного стиля речи» является для студентов, закончивших школьное обучение на казахском языке, довольно трудной в силу своей специфики.

Работая с научным текстом по специальности, студенты должны видеть синтаксические особенности научного стиля, уметь различать типы односоставных предложений. При этом распознавание безличных предложений проходит слабо, студенты проявляют пассивность при их усвоении. Другие типы односоставных предложений усваиваются гораздо быстрее за счет приема подстановки подлежащего без ущерба для смысла предложения. Сопоставляя односоставные и двусоставные предложения, студенты понимают, что в двусоставных предложениях имеются реальное подлежащее и сказуемое, а в односоставных – «скрытое» подлежащее и что в этом заключается их сходство и отличие. Определение безличного предложения, в котором четко прописано, что в нем нет и не может быть подлежащего, чаще всего «не работает», так как в отдельных разновидностях безличных предложений студентам крайне трудно разграничить подлежащее и прямое дополнение; вследствие этого безличное предложение воспринимается ими как двусоставное. Основная причина слабого усвоения безличных предложений кроется в их природе: безличные предложения неоднородны, прежде всего, по способам выражения сказуемого. Естественно, что пестрая глагольная мозаика не способствует их запоминанию и различению по сравнению со знакомыми формами выражения сказуемых. В семантическом плане они также отличаются от привычных двусоставных предложений. Все эти факторы порождают несколько разновидностей безличных предложений, которые, в свою очередь, осложняются переходными безличными предложениями, находящимися на периферии двусоставных и односоставных предложений. Отсюда полноценное усвоение студентами-казахами безличных предложений в научном тексте становится затруднительным.

Кроме этого, усвоение безличных предложений проходит на основе научного текста по специальности, что осложняет восприятие не только содержания самого научного текста, но и его синтаксических особенностей. В школе обучающиеся изучали синтаксис на материале художественного стиля, кроме того, широко применялись предложения из разговорного стиля, которые воспринимались легче и понятнее. В вузе студенты работают с научными текстами по специальности, которые должны в определенной мере подготовить их к будущей профессиональной деятельности. Поэтому усвоение научного стиля дается студентам нелегко: понимание научного текста требует от них немалых усилий не только в силу его языковых особенностей, но и потому, что научный текст насыщен терминами и терминосочетаниями, которые также влияют на понимание причинно-следственных связей.

К экстралингвистическому фактору мы относим то обстоятельство, что тема «Безличные предложения» была предметом изучения в 8-м классе, тем более что студенты заканчивали школу с казахским языком обучения.

Презентация безличных предложений в учебнике «Русский язык и литература» для 8 класса общеобразовательной школы с нерусским языком обучения имеет следующую специфику. Данный учебник подготовлен в соответствии с Типовой учебной программой обновленного содержания по предмету «Русский язык и литература» для 5–9 классов уровня основного среднего образования (с нерусским языком обучения) и утвержден Министерством образования и науки РК. В контент-плане указано, что грамматические темы и литературоведческие понятия привязаны к лексическим темам уроков. Справедливости ради стоит отметить, что в содержательном плане материал полностью соответствует Типовой учебной программе. Помимо теоретических сведений о двусоставных и односоставных предложениях, авторы учебника интересно сформулировали задания упражнений, разработали грамматический тренинг, где предложена отработка упражнений с переводом на казахский язык, речевой тренинг в виде ответов на вопросы по лексической теме. Привлекают внимание обучающихся рубрики «Работа в группах», «Сегодня на уроках вы: ...» и др.

Материал об односоставных предложениях завершается темой «Безличные предложения». Для того, чтобы иметь полное представление о том, какой объем знаний о безличных предложениях получили обучающиеся во время изучения данной темы, приведем сведения теоретического характера:

«Безличные предложения (жақсыз сөйлемдер) – это односоставные предложения со сказуемым, при котором нет и не может быть подлежащего, например: *Быстро смеркается*. Сказуемое в безличных предложениях обычно выражается безличными глаголами (*На дворе темнеет*), но нередко в них используются личные глаголы в значении безличных (*Пахнут свежим хлебом*). В качестве сказуемого могут выступать глаголы в неопределенной форме (*Быть дождю*), а также наречия на -о и -е (*На улице было темно*)» (Русский язык и литература 2018: 21).

На отработку теоретических сведений в общей сложности направлено два упражнения и текст, к которому последним, четвертым представлено задание, ориентированное на безличные предложения: «Найдите односоставные предложения. Преобразуйте, где возможно, двусоставные предложения в безличные» (Русский язык и литература 2018: 23). На этом презентация теоретического и практического материала о безличных предложениях в учебнике завершается. Как видим, теоретические сведения и практическая реализация материала представлены в небольшом объеме, что вполне объяснимо: обучаемым контингентом являются учащиеся 8-го класса казахской школы. Исходя из сказанного, мы тоже считаем, что представленного материала для усвоения безличных предложений вполне достаточно.

Между тем в вузовском курсе изучение русского языка проходит намного глубже, тема «Безличные предложения» рассматривается подробнее в соответствии с синтаксическими

особенностями научного стиля. В результате лингвистические и экстралингвистические факторы вкупе и стали объективными причинами, затрудняющими понимание и усвоение темы «Безличные предложения» студентами-казахами.

Однако следует признать, что при обучении студентов-казахов русскому языку имеется и положительный фактор, крайне важный как для студентов, так и для преподавателей. Он проявляется в том, что в своем большинстве студенты-казахи – билингвы, для которых русский язык является не иностранным языком, а вторым родным. Студенты, обучающиеся на казахском отделении, достаточно хорошо владеют русским языком, легко переходят с казахского языка на русский и наоборот.

Мы считаем, что преподаватель должен прежде всего четко представлять те трудности, которые испытывают студенты при усвоении безличных предложений, чтобы помочь им как можно быстрее настроиться на данную работу. Внимательное отношение к студентам, к их вышеупомянутым трудностям поможет преподавателю оказать им психологическую помощь, то есть убрать психологический зажим, неуверенность, мотивировать их на достижение цели: «узнавать» в научном тексте безличные предложения.

Практика показала, что для усвоения безличных предложений трех аудиторных часов катастрофически не хватает, так как на практическом занятии студентам предстоит усвоить, закрепить и другие синтаксические явления научного стиля речи: лексику и морфологию. Однако при желании преподавателя проблема времени может быть решена: во всех вузах Казахстана предусмотрена специальная форма занятий, которая называется СРСП – самостоятельная работа студентов с преподавателем. СРСП организована в помощь студентам, чтобы они при необходимости могли повторить или изучить (если студент по какой-либо причине отсутствовал на занятии, не понял тему и т. д.) ту или иную тему с преподавателем. Собрать студентов на СРСП для преподавателя не составляет труда, так как СРСП проходит согласно установленному графику в соответствии с конкретными темами. В каждом семестре предусмотрено проведение шести занятий по СРСП, где для каждой группы указаны учебные недели, время проведения, аудитория. СРСП позволяет дополнительно провести занятие по теме «Безличные предложения», чтобы еще раз объяснить, закрепить материал, заостря внимание студентов на трудных моментах.

Однако, прежде чем приступить к изучению безличных предложений, нам следует определиться с выбором классификации безличных предложений, которые широко представлены как в вузовской литературе, так и в специальных публикациях в виде статей, монографий, диссертаций, в трудах ученых, исследующих теорию безличности.

Кратко рассмотрим отдельные классификации безличных предложений в синтаксической системе русского языка.

Безличные предложения до сих остаются в поле зрения исследователей. Имеются различные их классификации; помимо традиционных, разрабатываются новые, расширенные, детально выстроенные. Вместе с тем, ученые считают, в частности, И.Ю. Свинцова, что «вопросы, связанные с типологией русских безличных глагольных предложений и их местом в системе простых и структурно односоставных конструкций,

способами их распространения решаются в отечественной лингвистике неоднозначно и противоречиво» (Свинцова). Подобное высказывание встречаем у О.Е. Орловой: «Безличные предложения продуктивны в современном русском языке. Категория безличности была и остаётся предметом споров среди лингвистов, актуальными они остаются и сейчас» (Орлова 2013: 36).

Впервые безличные предложения были всесторонне описаны в 1958 году в фундаментальном труде профессора Е.М. Галкиной-Федорук «Безличные предложения в современном русском языке». Согласно ее определению, «безличное предложение – это бесподлежащая конструкция с одним главным членом – сказуемым, в форме которого не выражено значение лица и нет указания на него в данном контексте» (Галкина-Федорук 1958: 123). В безличных предложениях выделяются сказуемые глагольного образования и именного. Безличные предложения соответственно морфологическому составу разбиваются на две группы:

I. Безличные предложения с глагольным сказуемым.

II. Безличные предложения с именным сказуемым и именным сказуемым в сопровождении инфинитива.

В первую группу включены пять типов безличных предложений:

1. Безличные предложения, сказуемое которых выражено невозвратным глаголом в форме 3-го лица настоящего, прошедшего и будущего времени: *светает, тошило, заметет, дует*.

2. Безличные предложения со сказуемым, выраженным возвратным глаголом: *смеркается, нездоровится, хочется, не спится*.

3. Безличные предложения утвердительного и отрицательного характера, сказуемое которых выражено глаголами бытия, существования в сочетании с родительным падежом: *не хватает силы, хватает денег, нет воды, не было времени, не будет войны*.

4. Безличные предложения, сказуемое которых выражено формой инфинитива, в котором выявляются различные модальные значения: *не видать бы тебе злого горюшка, не догнать тебе бешеной тройки, не сметь ходить*.

5. Безличные предложения, сказуемое которых выражено краткой формой страдательных причастий: *сказано – сделано, куплено*.

Ко второй группе отнесены две конструкции:

1. Безличные предложения, сказуемое которых выражено безлично-предикативными словами на -о без инфинитива и с примыкающим инфинитивом.

2. Безличные предложения, сказуемое которых выражено безлично-предикативными словами с формами существительного без инфинитива и с примыкающим инфинитивом: *грех обижать, стыд молчать* (Галкина-Федорук 1958: 127-128).

Е.М. Галкина-Федорук детально описала многообразные подтипы безличных предложений, прежде всего – различные способы выражения сказуемых, а затем тщательно и подробно охарактеризовала их семантические группы.

Классификация безличных предложений Е.М. Галкиной-Федорук не утратила своей актуальности и значимости; более того, исследователи проблемы безличности широко используют этот труд, так как время показало, что монография ученого давно перешла в разряд современной классики русского языкознания. Например, Е.С. Паташкова, вслед за Е.М. Галкиной-Федорук, разработала классификацию безличных предложений в современном русском языке на основе прежде всего семантики безличных предложений, а затем и их грамматических показателей. Вывод автора о том, что «количество безличных предложений растет не только в связи со все более развивающимися и уточняющимися формами мышления, с расширением средств изобразительности, но и в связи различными грамматическими процессами, которые в конечном итоге обусловлены также осложнением содержания речи» (Паташкова 2023: 307), вполне закономерен.

Ровно через десять лет, в 1968 году, В.В. Бабайцева опубликовала монографию «Система односоставных предложений в современном русском языке». В 2004 году некоторые разделы монографии были дополнены и расширены. При описании односоставных предложений автор опирается на логический, структурный, семантический и коммуникативный подходы, основным является комплексный структурно-семантический.

Согласно В.В. Бабайцевой, «безличные предложения – это такие односоставные предложения, в которых выражается действие или состояние (признак), возникающее и существующее независимо от производителя действия либо носителя признака» (Бабайцева 2004: 169). Исследователь считает, что безличные предложения являются центром односоставности, это самая большая и неоднородная по структуре и по семантике группа, в которой выделяются разновидности и переходные случаи (Бабайцева 2004: 168).

В основу классификации безличных предложений положены разнообразные способы выражения сказуемого:

- 1) безличные глаголы;
- 2) личные глаголы в безличном значении;
- 3) возвратные глаголы в безличном значении;
- 4) глаголы с модальным значением (*следует, полагается, приходится* и т. п.);
- 5) глаголы с бытийным значением (*быть, существовать* и др.) в отрицательных предложениях;
- 6) краткие страдательные причастия в форме среднего рода;
- 7) категория состояния (имена состояния), часто в сочетании с инфинитивом;
  - а) имена состояния с эмоционально-оценочной семантикой (*жаль, грустно, весело, стыдно* и т. п.);
  - б) имена состояния с модальным значением (*надо, нужно, можно, необходимо* и др.);
  - в) слова *видно, слышно* (Бабайцева 2004: 182-184).

Труд профессора В.В. Бабайцевой также стал современной классикой русского языкознания и пользуется большим спросом у авторов, разрабатывающих теоретические и методические аспекты односоставных предложений.

Исследования безличных предложений продолжают, разрабатываются новые классификации, которые кардинально отличаются от привычных традиционных. Так, в докторской диссертации А.В. Петрова «Категория безличности в современном русском языке» (2007) безличность рассматривается как семантико-грамматическая категория русского языка, которая передает особый образ безличности при помощи безличных предложений, характеризующиеся односоставностью, бесподлежащностью, грамматической бессубъектностью (Петров 2007: 3). Не отождествляя грамматическую бессубъектность и семантическую бессубъектность, автор в соответствии с грамматической бессубъектностью безличного предложения, формирующегося безличным предикатом и подкрепленного конструктивно-синтаксическим способом, предлагает классификацию безличных предложений, которая реализуется в двадцати безличных синтаксических моделях. При этом им разработана семантическая классификация в соответствии с семантикой бессубъектности, которая включила в себя шесть семантических типов предикатов: предикаты состояния, стихийного действия, отношения, существования, оценки и модальности (Петров 2007: 15). Помимо структурной и семантической классификаций, А.В. Петров разработал комбинированную – структурно-семантическую классификацию безличных предложений.

Интерес к теории односоставных предложений не уменьшается. Ученые находят все новые грани их структурно-семантических возможностей в коммуникативном, текстовом аспектах. В 2010 году в свет вышла монография Э.Н. Осиповой «Русский синтаксис: односоставность предложения». Безличные предложения активно употребляются в художественном, разговорном стилях речи, встречаются они и в публицистическом стиле. Коммуникативная задача безличных предложений в научном стиле совершенно иная. Именно поэтому большой интерес в методике обучения представляет тонкое замечание Э.Н. Осиповой относительно использования безличных предложений в научном тексте. Ученый пишет, что «в научном стиле к безличным глагольным конструкциям автор прибегает всякий раз, когда не хочет подчеркивать определенность деятеля (свое «я»), придает своеобразную мягкость своему мнению, например: *Предлагается доказать существование значительных сил взаимодействия между атомами или молекулами* (Г. Мякишев, Б. Буховцев. Физика)» (Осипова 2009: 90). Действительно, в безличных предложениях научного текста отсутствует категоричность, давление, которые присущи другим типам односоставных предложений и тем более, двусоставным, в которых имеется субъект, производитель действия. В безличных предложениях действия происходят как бы сами по себе, самостоятельно, никого не затрагивая, не привлекая к себе внимание.

В монографии В.И. Казариной «Простое предложение в аспекте структурно-семантического подхода» (2017) также рассматривается типология односоставных предложений русского языка. Исследователь считает, что «основными типами односоставных предложений, традиционно выделяемых в русском языке, являются определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, генитивные, инфинитивные и номинативные предложения» (Казарина 2017: 67). Дополнительно

рассматриваются конструкции, совпадающие по форме с номинативными предложениями. Классификация односоставных предложений построена, прежде всего, с учетом структуры, морфологической природы выражения главного члена, семантической и грамматической семантики предложения; при этом учитывается такой логико-семантический показатель, как определенность – неопределенность, которые, являясь категориями мышления, выражаются языковыми средствами.

Согласно В.И. Казариной, «под безличными предложениями традиционно понимаются предложения, грамматическая основа которых представлена одним главным членом – сказуемым, морфологическая природа которого исключает позицию именительного падежа со значением предмета речи, т. е. подлежащего» (Казарина 2017: 92).

Интересные результаты исследования представлены в статье Ю.Е. Величко «Особенности употребления безличных конструкций в научных текстах медицинского профиля» (на материале статей «Медицинского журнала»), в которой сделан тщательный анализ 500 безличных конструкций, наглядно показывающий степень их употребительности в научном тексте. Автор пишет, что «самую многочисленную группу (219 единиц) составляют безличные конструкции с предикатом, выраженным формой среднего рода краткого страдательного причастия» (Величко 2011: 51). Сюда же относятся и редко встречающиеся (2 случая) сочетания краткого страдательного причастия с инфинитивом: *предложено направлять и принято считать*. Следующая по численности группа (152 единицы) объединяет безличные конструкции с предикатами, выраженными словами категории состояния, как независимыми, так и в сочетании с инфинитивом. Третью группу составляют безличные конструкции с глагольным предикатом – формой 3-го лица ед. ч. личного глагола в безличном значении (52 единицы). В третьей группе востребованными и потому частотными являются безличные конструкции с предикатом *следует + инфинитив* (71 единица). Выделяется и несколько конструкций (6 единиц), представляющих собой экзистенциально-отрицательную модель отсутствия существования, которые входят в состав генитивных конструкций, например: *не существует, не было, не происходит*.

Очевидно, что результаты исследования Ю.Е. Величко относительно частотности употребления безличных предложений в научных текстах вполне применимы и к научным текстам по специальностям в области естествознания.

Заметим, что в вузовской литературе весьма популярна книга О.Д. Митрофановой «Научный стиль речи: проблемы обучения» (1985), в которой при рассмотрении синтаксических особенностей научного текста отмечается: «Широко представлены в научной прозе безличные предложения, отличающиеся сравнительным многообразием типов и провоцирующие распространённость глаголов в форме инфинитива, которая в итоге оказывается, наряду с формами настоящего времени, наиболее употребительной в научных текстах» (Митрофанова 1985: 83-84). Автор среди безличных предложений выделяет три группы, в которых безличные предложения представлены как:

– модальные слова, выражающие возможность / невозможность, необходимость (*можно, надо, нельзя* и др.), в сочетании с инфинитивом;

– безличные глаголы или личные глаголы в безличном употреблении с частицей *-ся* и *без нее*;

– предикативные наречия на *-о* (Митрофанова 1985: 84).

Теоретические сведения подкреплены в работе богатым иллюстративным материалом, извлеченным из научных текстов по нескольким специальностям, а самое главное – дается четкий, доступный для понимания комментарий. Именно поэтому книга О.Д. Митрофановой является ценной и привлекательной для большинства преподавателей, которые, несомненно, обращаются к ней при подготовке к практическим занятиям.

Классификацию О.Д. Митрофановой в целом поддерживают другие ученые и в частности Н.И. Тарасова в статье «Трактовка понятия “обобщенная личность” в научном тексте: лингводидактический подход». Правда, наблюдается небольшое расхождение относительно инфинитивного предложения: если О.Д. Митрофанова говорит о провоцирующем распространении инфинитива как безличного предложения, то Н.И. Тарасова, ссылаясь на авторов известного пособия «Основы научной речи» Н.А. Буре, М.В. Быстрых, С.А. Вишнякову и др. (Тарасова 2019: 389), – о близости к безличным предложениям в научных текстах инфинитива, который представляет собой безличную структуру.

Краткий обзор классификаций безличных предложений показал, что в лингвистической литературе имеются как традиционные типологии, с минимальными отличиями, так и расширенные, детально разработанные.

При обучении студентов-казахов мы решили остановиться на классификации безличных предложений, представленной коллективом известных ученых в учебнике «Современный русский язык. Синтаксис» (2007) под редакцией П.А. Леканта.

Классификация односоставных предложений построена в учебнике следующим образом: «С учетом глагольных форм и специфики предикативных значений модальности, времени, лица выделяется пять структурно-семантических видов глагольных односоставных предложений: 1) определенно-личные; 2) неопределенно-личные; 3) обобщенно-личные; 4) безличные; 5) инфинитивные» (Современный русский язык 2007: 425).

Согласно П.А. Леканту, «в односоставных безличных предложениях выражается независимое действие безотносительно к деятелю. Глагольные формы главного члена предложения не указывают на деятеля и не способны делать это по своей морфологической природе: главный член имеет формальные показатели 3-го лица единственного числа или прошедшего времени среднего рода» (Современный русский язык 2007: 430).

В учебнике П.А. Леканта были точно обозначены основные формы сказуемого безличного предложения: полнозначный безличный глагол; безличная форма полнозначного личного глагола; безличная форма вспомогательного фазисного или модального глагола, сочетающегося с инфинитивом; слова категории состояния (Современный русский язык 2007: 431).

В классификации безличных предложений П.А. Леканта четко указаны структурные разновидности сказуемого, выявлены продуктивные модели безличных предложений,

которые показывают, с какими разновидностями безличных предложений мы можем столкнуться в научном тексте. Все эти моменты стали решающими при выборе нами данной классификации безличных предложений.

Итак, представляем методику работы над безличными предложениями, используемую при обучении студентов-казахов 1-го курса физико-математического факультета. Упражнения построены на основе предложений, извлеченных из учебного пособия по специальности. При подборке материала мы обращали внимание на семантику безличных предложений и способы выражения сказуемого.

Относительно безличных предложений, сказуемые которых выражены безличными глаголами, Э.Н. Осипова писала, что «безличные глагольные конструкции, коммуникативно нацеленные на выражение сложных субъектно-объектных отношений, с живым регистром выразительности и эмоциональности, прежде всего служат разговорному и художественному стилям, и хотя в книжных стилях их функционирование ограничено, но важна сама возможность их использования для представления недеятельностного характера субъекта в том или ином отношении» (Осипова 2009: 93). В целом соглашаясь с мнением автора, хотели бы отметить, что в научных текстах безличные предложения встречаются часто. Причем среди безличных моделей можно выделить более и менее продуктивные, о чем мы скажем ниже.

Практическое занятие начинается с повторения пройденного материала. На доске написаны двусоставные и односоставные предложения (кроме безличных). Перед студентами ставится задача: сравнить односоставные и двусоставные предложения, отметить их отличительные признаки и сделать вывод. Задача преподавателя – снять психологическое напряжение студентов посредством создания комфортной, доброжелательной и спокойной обстановки, быстро реагировать на ответы студентов, комментировать их, поощрять активность, подбадривать.

Затем переходим к объяснению особенностей безличных предложений. Для экономии времени и усилий преподавателя обеспечиваем студентов распечатанным материалом: классификацией безличных предложений П.А. Леканта. Студенты вместе с преподавателем изучают безличные предложения, обращают внимание на их семантические особенности, определяют формы выражения сказуемых, делают выводы. При этом задача преподавателя остается неизменной – следить за реакцией студентов, за тем, как они воспринимают материал, комментировать ответы, подбадривать.

После небольшой лингвистической разминки переходим к работе с упражнениями, выполнение каждого из которых студентами сопровождается проверкой работ, комментированием преподавателя, словами поддержки.

Упражнение 1. Перед вами безличные предложения. Обратите внимание на подчеркнутые двумя чертами сказуемые, которые выражены модальными словами – наречиями в сочетании с инфинитивом.

1. Дать строгое определение предмета физики довольно сложно, потому что границы между физикой и рядом смежных дисциплин условны. 2. На данной стадии развития нельзя

сохранить определение физики только как науки о природе. 3. Поэтому для описания движения материальной точки надо знать, в каких местах пространства и в какие моменты времени эта точка находилась в том или ином положении. 4. В случае неравномерного движения важно знать, как быстро изменяется скорость с течением времени. 5. Для вычисления этого интеграла надо знать зависимость силы F_s от пути s вдоль траектории 1–6.

Упражнение 2. В предложенных безличных предложениях выделите и подчеркните сказуемые двумя чертами, определите формы их выражения. Объясните, как в безличных предложениях происходит действие и как проявляется субъект действия.

1. Можно доказать, что в любом теле существуют три взаимно перпендикулярные оси, проходящие через центр масс тела, которые могут служить свободными осями. 2. Сила может изменяться как по модулю, так и по направлению, поэтому в общем случае формулой пользоваться нельзя. 3. Продемонстрировать абсолютно неупругий удар можно с помощью шаров из пластилина (глины), движущихся навстречу друг другу. 4. Для запуска ракет в космическое пространство надо в зависимости от поставленных целей сообщать им определенные начальные скорости, называемые космическими. 5. Однако законы динамики можно применять и для них, если кроме сил, обусловленных воздействием тел друг на друга, ввести в рассмотрение силы особого рода – так называемые силы инерции.

Комментарий. Между отдельными типами двусоставных и односоставных предложений возможны синонимические отношения. Так, Э.Н. Осипова пишет, что «в научном стиле определено-личные предложения могут быть синонимичны безличным односоставным предложениям, они также встречаются в текстах рядом» (Осипова 2009: 76). Возможны и другие виды синонимии. В связи с этим предлагаем студентам выполнить Упражнение 3.

Упражнение 3. Спишите предложения. Перестройте безличные односоставные предложения в двусоставные определено-личные. Выделите в двусоставных предложениях предикативный центр – подлежащее и сказуемое. Сравните их, сделайте выводы.

Образец: Модель идеального газа можно использовать также при изучении реальных газов. – Модель идеального газа мы можем использовать также при изучении реальных газов.

1. Для объяснения этих и некоторых других опытных данных необходимо было создать новую теорию, которая, объясняя эти факты, содержала бы ньютоновскую механику как предельный случай для малых скоростей. 2. Следует учитывать, что ни импульс, ни сила не являются инвариантными величинами. 3. Нельзя говорить о температуре одной молекулы. 4. Кроме того, внося поправки, учитывающие собственный объем молекул газа и действующие молекулярные силы, можно перейти к теории реальных газов. 5. Необходимо, однако, учитывать, что реально молекулы движутся к площадке, под разными углами, имеют различные скорости.

Комментарий. Это упражнение поможет студентам научиться отличать подлежащее от дополнения, которое тоже может выражать субъект действия. Поэтому следует обратить внимание на то, чтобы они производили замену правильно. Например, по предложению 3

неверно: «Нам нельзя говорить о температуре одной молекулы», верно: «Мы не можем (не должны) говорить о температуре одной молекулы».

Упражнение 4. Приведите аргументы, подтверждающие, что данные предложения являются безличными.

1. При некоторых условиях силы инерции и силы тяготения невозможно различить.
2. Сжимаемостью жидкости и газа во многих задачах можно пренебречь и пользоваться единым понятием несжимаемой жидкости – жидкости, плотность которой всюду одинакова и не изменяется со временем. 3. Таким образом, по картине линий тока можно судить о направлении и модуле скорости в разных точках пространства, т. е. можно определить состояние движения жидкости. 4. Линии тока в жидкости можно «проявить», например, подмешав в нее какие-либо заметные взвешенные частицы. 5. Однако в ряде случаев ими можно пренебречь. Измерив скорость равномерного движения шарика, можно определить вязкость жидкости (газа).

Комментарий. Не проводя специального исследования с целью выяснения наличия продуктивных частотных безличных предложений, используемых в научном тексте по физико-математическим специальностям, можем уверенно сказать, что среди разновидностей безличных предложений самой частотной оказалась модель «модельное предикативное наречие (слово категории состояния) + инфинитив», например: «Зная радиусы цилиндров, их угловую скорость вращения, а также измеряя s , можно вычислить скорость движения атомов серебра при данной температуре проволоки». Этот вывод сделан на основании сплошной выборки безличных предложений из учебного пособия. Именно эта модель встречается более часто, чем другие разновидности безличных предложений. Отмечая близость безличных предложений к некоторым предложениям с обобщенным высказыванием, Н.И. Тарасова считает, что это касается, прежде всего, моделей с «безлично-предикативными словами модального значения (*можно, нужно, нельзя, должно, следует, необходимо* и т. д.) и с глаголами в безличном употреблении (*требуется, предполагается* и т. д.), вводящими инфинитив» (Тарасова 2019: 385).

Упражнение 5. Перед вами безличные предложения. Обратите внимание, что сказуемые в них выражены формами безличных глаголов.

1. Казалось бы, первый закон Ньютона входит во второй как его частный случай.
2. Как уже указывалось, состояние некоторой массы газа определяется тремя термодинамическими параметрами: давлением p , объемом V и температурой T .
3. При выводе формулы предполагалось, что движение рассматривается в инерциальной системе отсчета, так как иначе нельзя было бы использовать законы Ньютона.
4. Однако в конце XIX в. выяснилось, что выводы классической механики противоречат некоторым опытным данным, в частности при изучении движения быстрых заряженных частиц оказалось, что их движение не подчиняется законам классической механики.
5. Как уже отмечалось, законы Ньютона выполняются только в инерциальных системах отсчета.

Комментарий. Как уже было сказано, между безличными и другими типами предложений (определено-личными, двусоставными и т. д.) наблюдаются синонимичные

отношения. Э.Н. Осипова пишет: «В научном стиле определенно-личные предложения могут быть синонимичны безличным односоставным предложениям, они также встречаются в текстах рядом. Например: Наконец, ... пробегают значения, о которых *будет сказано* дальше. *Полагаем...* (И. Виноградов. Избр. труды). – Пробегают значения, о которых *скажем* дальше» (Осипова 2009: 77). О синонимии различных предложений говорит и О.Г. Кузнецова: «Понятие безличного предложения можно раскрыть при помощи сопоставления соотносительных личных и безличных конструкций» (Кузнецова). В связи с этим предлагаем студентам выполнить Упражнение 6.

Упражнение 6. *Спишите безличные предложения и трансформируйте их в двусоставные или односоставные личные. Сравните их, сделайте вывод об их сходстве и отличиях.*

Образцы: 1. Для крыла самолета требуется большая подъемная сила при малом лобовом сопротивлении. – Крыло самолета требует большую подъемную силу при малом лобовом сопротивлении. 2. Всегда решается много задач. – Решили много задач.

1. Однако в конце XIX в. выяснилось, что выводы классической механики противоречат некоторым опытным данным. 2. При выводе основного уравнения молекулярно-кинетической теории газов и максвелловского распределения молекул по скоростям предполагалось, что на молекулы газа внешние силы не действуют, поэтому молекулы равномерно распределены по объему. 3. Для модельного изображения кристаллических структур из атомов и ионов пользуются системой плотной упаковки шаров. 4. Таким образом, каждой составляющей кристаллическую решетку частице приписывается три колебательных степени свободы, каждая из которых, согласно закону равнораспределения энергии по степеням свободы, обладает энергией кТ. 5. Однако, как оказалось впоследствии, это согласие теоретического значения с опытным случайно.

Комментарий. Заметим, что модель, в которой сказуемое выражено как «безличный глагол с частицей -ся», является второй по степени употребительности среди безличных предложений в научном стиле.

Упражнение 7. *Перед вами безличные предложения. Обратите внимание, что сказуемые в них выражены глаголами в форме 3-го лица в безличном значении.*

1. Из закона сохранения импульса вытекает, что центр масс замкнутой системы либо движется прямолинейно и равномерно, либо остается неподвижным. 2. Абсолютно упругий удар – столкновение двух тел, в результате которого в обоих взаимодействующих телах не остается никаких деформаций и вся кинетическая энергия, которой обладали тела до удара, после удара снова превращается в кинетическую энергию. 3. Если бы этой силы не было, то плоскость колебаний качающегося вблизи поверхности Земли маятника оставалась бы неизменной (относительно Земли). 4. Таким образом, из уравнения следует, что давление идеального газа при данной температуре пропорционально концентрации его молекул. 5. Из этого определения следует, что к внутренней энергии не относятся кинетическая энергия движения системы как целого и потенциальная энергия системы во внешних полях.

Комментарий. Следует отметить, что в текстах по специальности в модели «глагол в форме 3-го лица в безличном значении» часто используется глагол «следует»: «Из соображений симметрии следует, что линии напряженности будут направлены по радиусам круговых сечений цилиндра с одинаковой густотой во все стороны относительно оси цилиндра», «Из опыта следует, что разные проводники, будучи одинаково заряженными, имеют различные потенциалы».

Упражнение 8. *Перед вами безличные предложения. Обратите внимание, что в безличных предложениях сказуемые выражены формами кратких прилагательных.*

1. Из опыта известно, что всякое тело, движущееся по горизонтальной поверхности другого тела, при отсутствии действия на него других сил с течением времени замедляет свое движение и в конце концов останавливается. 2. Однако существенно, что во всех случаях энергия, отданная (в той или иной форме) одним телом другому телу, равна энергии, полученной последним телом. 3. Из опыта известно, что при одинаковых воздействиях различные тела неодинаково изменяют скорость своего движения, т. е., иными словами, при обретают различные ускорения. 4. Видно, что конкретный вид функции зависит от рода газа (от массы молекулы) и от параметра состояния (от температуры T). 5. Из повседневной практики известно, что капля воды растекается на стекле и принимает форму, изображенную на рис. 100, в то время как ртуть на той же поверхности превращается в несколько сплюснутую каплю (рис. 101).

Комментарий. Данная модель, в которой использованы «сказуемые, выраженные краткими прилагательными», является частотной для научных текстов. Наиболее употребительным кратким прилагательным являются прилагательные «известно» и «видно».

Упражнение 9. *Перед вами безличные предложения. Обратите внимание, что сказуемые выражены формами кратких страдательных причастий.*

1. Опытным путем установлено, что инерциальной можно считать гелиоцентрическую (звездную) систему отсчета. 2. В условиях невесомости капля любой жидкости (независимо от ее размеров) имеет сферическую форму, что доказано экспериментально на космических кораблях. 3. В настоящее время доказано, что инертная и гравитационная массы равны друг другу (с точностью, не меньшей 10~12 их значения). 4. В гл. 14 было показано, что электрические токи создают вокруг себя магнитное поле. 5. Опытным путем было также установлено, что значение индукционного тока совершенно не зависит от способа изменения потока магнитной индукции, а определяется лишь скоростью его изменения.

Комментарий. В научном тексте модель, в которой использованы «сказуемые, выраженные краткими страдательными причастиями», встречается крайне редко. Для нее характерны причастия «установлено», «доказано», «показано». По этой причине мы не предлагаем студентам выполнение упражнения на синонимию безличных предложений, выраженных краткими причастиями, и других типов предложений.

Упражнение 10. *Подберите текст из учебника или учебного пособия по физико-математическому направлению. Выделите в них безличные предложения. Укажите*

способы выражения сказуемых. Охарактеризуйте их синтаксические и семантические особенности.

(Примечание. Все примеры взяты из учебного пособия Т.И. Трофимовой (Трофимова 2006)).

После завершения выполнения упражнений преподаватель вместе со студентами обсуждает полученные результаты. Студенты должны поделиться трудностями, которые они испытали при усвоении безличных предложений; ответить на вопросы преподавателя:

- 1) какие формы выражения сказуемых в безличных предложениях они плохо «видели» или же затруднялись при их квалификации;
- 2) какие формы выражения сказуемых они «видели, узнавали» сразу;
- 3) насколько тема «Безличные предложения» является для них сложной;
- 4) смогут ли впоследствии, после занятия СРСП, правильно выделять в научном тексте по специальности безличные предложения;
- 5) продолжают ли они испытывать психологическое напряжение, боязнь после прохождения данной темы.

Выводы

В заключение статьи процитируем Э.Н. Осипову, которая считает, что «безличные глагольные конструкции, коммуникативно нацеленные на выражение сложных субъектно-объектных отношений, с живым регистром выразительности и эмоциональности, прежде всего служат разговорному и художественному стилям, и хотя в книжных стилях их функционирование ограничено, но важна сама возможность их использования для представления недеятельностного характера субъекта в том или ином отношении» (Осипова 2009: 93). Во многом соглашаясь с мнением автора, заметим, что в научном стиле наличие безличных предложений обязательно, особенно такой частотной модели, как «слово категории состояния + инфинитив». Другие модели встречаются реже, но тоже присутствуют в научном тексте. Причина их использования заключается в том, что в безличных предложениях научных текстов важно подчеркнуть не сам субъект, а недеятельностный характер субъекта. Н.И. Тарасова рассматривает обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения, пассивные и безличные конструкции, инфинитивные придаточные как «наиболее частотные, центральные по значимости для научного стиля речи» (Тарасова 2019: 389), с чем мы согласны.

ЛИТЕРАТУРА

Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке: монография. М.: Дрофа, 2004. 512 с.

Величко Ю.Е. Особенности употребления безличных конструкций в научных текстах медицинского профиля (на материале статей «Медицинского журнала») // Язык и социум: мат. IX Междунар. науч. конф.: в 3 ч. Ч. 2 / отв. ред. Л.Ф. Гербик. Минск: БГУ, 2011. С. 50-53.

Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: Моск. ун-т, 1958. 332 с.

Казарина В.И. Простое предложение в аспекте структурно-семантического подхода: монография. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2017. 182 с.

Казачук И.Г., Глухих Н.В., А. Миронова А.А. Педагогические возможности изучения безличных предложений на уроках русского языка в школе и вузе // Вестник Южно-Уральского гос. гуманитарно-педагогического университета. 2022. № 1. С. 67-87.

Кузнецова О.Г. Отработка языковых навыков при изучении односоставных предложений. URL: <https://clck.ru/3LkzUH>

Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. М.: Русский язык, 1985. 128 с.

Орлова О.Е. Продуктивная форма безличных предложений с модально-субъективным значением // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2013. № 6. С. 36-39.

Осипова Э.Н. Русский синтаксис: односоставность предложения: монография. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2009. 150 с.

Паташкова Е.С. Безличные предложения в синтаксической системе языка // Вестник Южно-Уральского гос. гуманитарно-педагогического университета. Языкознание и литературоведение. 2023. № 3. С. 298-308.

Петров А.В. Категория безличности в современном русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. М., 2007. 43 с.

Полякова С.А. Безличные предложения инфинитивного типа и проблемы определения в них типов сказуемого // Сб. науч.-исслед. ст. студентов. Вып. 3. Липецк: Липецкий гос. педаг. ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. С. 106-111.

Русский язык и литература: учебник для 8 класса общеобразовательной школы с нерусским языком обучения / У.А. Жанпейс, Н.А. Узекбаева, Р.Д. Даркембаева, Г.А. Атембаева. Алматы: Атамур, 2018. 192 с.

Свинцова И.Ю. Содержательная двусоставность русских безличных предложений // Междунар. научно-исслед. журнал. 2022. № 12 (126). URL: <https://clck.ru/3LkzXt>.

Современный русский язык: учебник / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин и др.; под ред. П.А. Леканта. М.: Дрофа, 2007. 557 с.

Тарасова Н.И. Трактовка понятия «обобщенная личность» в научном тексте: лингводидактический подход // Русистика. 2019. Т. 17. № 3. С. 382-396.

Трофимова Т.И. Курс физики: учебное пособие для вузов. М.: Академия, 2006. 560 с.

© Саньярова Н.С., Таттимбетова К.О., 2025

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИДИОСТИЛЯ В. ГАВРИЛОВА В СБОРНИКЕ СТИХОВ «ВРЕМЕНА. CODA»

Аннотация. В статье проводится анализ идиостиля Виктора Гаврилова как современного югорского писателя, обладающего уникальным, гибридным стилем, близким к ленинградскому андеграунду. Особое внимание уделяется приему «языковой игры», как одному из доминантных в некоторых произведениях из сборника «Времена. Coda». Основываясь на трактовках подходов нескольких научных школ, на материале стихотворения «(М)арт», комплексно исследуются характерные особенности поэтики Гаврилова, синтезирующей элементы игрового постмодернизма и экзистенциальной лирики. Методологическая основа исследования сочетает элементы структурного анализа (выявление лексико-синтаксических особенностей) и интертекстуального подхода (выявление аллюзий и реминисценций). Особое внимание уделяется пародийным стратегиям (использование сниженной лексики, неологизмов, аллюзий на классические тексты), экзистенциальным мотивам (свобода, время, творческий акт), специфическому синтезу разговорной интонации и философской рефлексии. Результаты исследования демонстрируют, что идиостиль Гаврилова характеризуется диалектикой игрового и серьезного начал, интертекстуальной насыщенностью, семантической полифонией, особым типом лирического субъекта. Эти художественные приемы позволяют писателю проявить свою языкотворческую свободу, манипулировать нормами языка для создания эстетического и выразительного эффекта. Проведенный анализ вносит вклад в изучение поэтики современных писателей, трансформаций постмодернистского текста в русской литературе, специфики современного идиостиля. Научная новизна работы заключается в введении в научный оборот текстов современного югорского автора, выявлении особенностей регионального идиостиля и влияний, определении места творчества Виктора Гаврилова в современном литературном процессе. Статья отражает целостный подход к изучению регионального текста, что соответствует современным тенденциям в изучении отдельных произведений в общем отечественном литературном процессе.

Ключевые слова: Виктор Гаврилов; идиостиль; языковая игра; прием выразительности; анализ текста; интертекстуальность; андеграунд.

Сведения об авторе: Себелева Анастасия Валериевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартковского государственного университета; ORCID 0000-0002-9545-0105.

Контактная информация: 628609, Россия, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; 8-912-935-7841, e-mail: sebelevaa@mail.ru

A.V. Sebeleva

**PECULIARITIES OF THE MANIFESTATION OF V. GAVRILOV'S IDIOSYNCRASY
IN THE COLLECTION OF POEMS «TIMES. CODA»**

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of Viktor Gavrilov's idiosyncrasy as a modern Ugra writer with a unique, hybrid style close to the Leningrad underground. Special attention is paid to the «language game» technique, as one of the dominant ones in some works from the collection “Times. Coda”. Based on the interpretations of the approaches of several scientific schools, based on the material of the poem “(M)art”, the characteristic features of Gavrilov's poetics, synthesizing elements of playful postmodernism and existential lyrics, are comprehensively investigated. The methodological basis of the research combines elements of structural analysis (identification of lexical and syntactic features) and an intertextual approach (identification of allusions and reminiscences). Special attention is paid to parody strategies (the use of reduced vocabulary, neologisms, allusions to classical texts), existential motives (freedom, time, creative act), a specific synthesis of colloquial intonation and philosophical reflection. The results of the study demonstrate that Gavrilov's idiosyncrasy is characterized by a dialectic of playful and serious principles, intertextual saturation, semantic polyphony, and a special type of lyrical subject. These artistic techniques allow the writer to show his linguistic freedom, to manipulate the norms of language to create an aesthetic and expressive effect. The analysis contributes to the study of the poetics of modern writers, the transformations of postmodern text in Russian literature, and the specifics of modern idiosyncrasy. The scientific novelty of the work consists in introducing the texts of a modern Ugra author into scientific circulation, identifying the features of the regional idiosyncrasy and influences, and determining the place of Viktor Gavrilov's work in the modern literary process. The article reflects a holistic approach to the study of regional text, which corresponds to modern trends in the study of individual works in the general Russian literary process.

Keywords: Victor Gavrilov; idiostyle; language game; expressive technique; text analysis; intertextuality; underground.

About the author: Sebeleva Anastasia Valerievna, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation at Nizhnevartovsk State University; ORCID0000-0002-9545-0105

Contact information: 3b Mira Street, room 305, Nizhnevartovsk, 628609, Russia; 8-912-935-7841, e-mail: sebelevaa@mail.ru

Понятие «идиостиль» в современном литературоведении рассматривается многозначно в зависимости от научной школы и подхода. Так, формальная школа рассматривает идиостиль как систему формальных приемов, отличающих одного автора от другого (Жирмунский 1977, Томашевский 1996). Представителями этой школы делается акцент на языковых средствах: лексике, синтаксисе, ритме, звукописи.

Члены школы структурализма видели идиостиль как знаковую систему, где форма и содержание неразделимы. Виноградов вводит понятие «образ автора» (Виноградов 1959), т.е. стиль отражает не только языковые особенности, но и мировоззрение писателя. Лотман рассматривает стиль как «культурный код» (Лотман 1970), который нужно расшифровать в контексте культуры.

Психологический подход в трактовке термина основывается на эмоционально-образном мышлении автора. Стиль в их представлении связан с творческим процессом (Леонтьев 1975) и субъективным восприятием мира (Выгодский 1925).

Герменевтическая школа обращает внимание на диалог между автором и читателем, исторический и культурный контекст произведения. Так, Бахтин говорит о «голосе автора» (Бахтин 1963) в полифонии текста. Приверженцы этого направления исследования авторского стиля отмечают его не статичность, зависимость от интерпретации.

Рассматривая произведение с позиции лингвостилистических исследований, можем заключить, что идиостиль – это функциональная система языковых средств (Гальперин 1981), служащая для выражения авторской индивидуальности. В данном случае анализируются доминантные приемы (Арнольд 1990): метафоры, символы, грамматические особенности.

Таким образом, идиостиль – это многоаспектное явление, уникальная система выразительных средств, отражающая и добавляющая новые аспекты и закономерности в понимании индивидуального стиля. Художественное произведение несет на себе отпечаток мировоззрения, поэтического видения действительности, языка, стиля автора. С точки зрения теории и психологии творчества художественный текст есть авторский поток сознания, выраженный в языковой форме. Поток языкового сознания имеет определенную идеологическую направленность, свою поэтическую структуру и специфические средства их выражения.

В художественном тексте выделяются различные и вместе с тем взаимосвязанные уровни: идейно-эстетический, жанрово-композиционный и собственно языковой (Новиков 2003: 15). В данном исследовании нас интересует более всего языковой уровень – это система изобразительных средств языка, посредством которых выражается идейно-эстетическое содержание художественного произведения. Языковой уровень обнаруживает, в свою очередь, различные ярусы: лексический, грамматический, словообразовательный, фонетический.

Говоря о языковой образности текста, следует иметь в виду, что не все его компоненты одинаковы: одни из них представляют образный центр, другие – носят вспомогательную функцию, оттеняя или дополняя основные. Образность как бы пропитывает всю структуру текста и, соответственно, требует ее исследования. В настоящем исследовании мы обратимся к пониманию поэтического языка как особой формы эстетического освоения действительности.

Для создания эффекта художественного общения авторы используют различные приемы, одним из которых является языковая игра. «Феномен «языковых игр» относительно

недавно привлек внимание отечественных исследователей и как феномен языка, и как феномен культуры. В последнее время термин «языковая игра» стремительно упрочивается в обиходе лингвистов» – пишет современный исследователь Е.Б. Лебедева в своей статье (Лебедева 2014: 49).

Зарождение теории о языковой игре связывают с именем Людвиг Витгенштейна и его научной работой «Философские исследования» (1945). Он утверждал, что элементы языка обретают смысл лишь в узком контексте, т.к. в языке нет непреложных правил и, сочетаясь в иных речевых моделях, высказывания приобретают новое значение (Витгенштейн 1994). Публикация данной работы в нашей стране состоялась в 1985 году. Среди отечественных исследователей в этот период также были работы, посвященные вопросу языковой игры (Земская, Китайгородская, Розанова 1983). Это подтверждает мысль о том, что термин «языковая игра» покинул пределы философского понятия и укрепился в лингвистике. Е.Б. Лебедева пишет: «Авторы предложили обозначать данным термином те намеренные отклонения от языковых норм, «которые имеют место, когда говорящий “играет” с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» (Лебедева 2014: 50).

Однако существует мнение, отличное от представленного выше. Современные исследователи предпринимают попытку уточнения термина «языковая игра»: А. Вежбицкая (Вежбицкая 1994), Н.А. Николина (Николина 2000), Е.Б. Лебедева (Лебедева 2014).

Таким образом, научное определение понятия языковой игры у лингвистов транслируется в двух прагматических подходах: широкого (то есть употребление языка вообще) и более узкого (неканоническое употребление языка). В первом случае, как, например, по Л. Витгенштейну, языковая игра – это само употребление языка и его законов, правил его функционирования в разных сферах коммуникации. Во-втором, опираясь на работы оппонентов, можно сказать, что языковая игра активизирует скрытые потенциалы языка и приводит в действие творческие способности говорящего.

Исходя из изложенного выше, рассмотрим особенности идиостиля в сборнике югорского поэта Виктора Гаврилова, опубликованного в 2020 году. Первые исследования произведений в этом сборнике были сформулированы Т.А. Сироткиной, М.А. Садагян (Сироткина, Садагян 2021). Они делают вывод о том, что «приемы языковой игры, основанные на использовании фонетических, лексических, графических, словообразовательных средств, помогают автору передать настроение лирического героя, свое отношение к окружающему миру» (Сироткина, Садагян 2021: 48).

Сразу обращает на себя внимание название собрания – «Времена. Coda». В основе лежит лексико-семантический прием реализации внутренней формы слова. В данном случае мы видим переосмысление значения словосочетания «времена года». Смена времен года предполагает круговорот жизни, некий закон бытия. Таким образом, можем предположить, что автор в своем сборнике стихов поднимает философские вопросы о вечном, о жизни и смерти, о смене поколений и времен, о возрождении. Однако языковая игра позволяет придать элегическому звучанию жизнеутверждающий смысл. *Coda* – это музыкальный

термин. Поэзия и музыка всегда идут рядом, воспевая в звуках торжество бытия. Он обозначает дополнительный раздел музыкального произведения, не принимающийся в расчет при определении его построения. Исходя из этого, смеем заключить, что поэт вкладывает в свои произведения не только основной – философский – контекст, но и хочет сказать своими произведениями нечто большее, дополнительно затронув иные темы. Автор разделяет два слова точкой, таким образом отделяя части одна от другой.

Рассмотрим некоторые произведения из раздела «Времена», посвященные весне. В таких стихотворениях как «Богатырская», «Похожие на ижицы», «(М)арт», «Весна ломает все, что ветхо...» В. Гаврилов использует номинативную функцию языковой игры. В «Богатырская» читаем:

Не лежится, если лягу,
Не зовется и не просится...
Как-то все через корягу,
Как-то все чересполосица (Гаврилов 2020: 19).

Чересполосица – образовано от предлога *через* и существительного *полоса*. Исходя из контекста, понимаем, что автор использует в акте номинации фонетический облик уже существующей языковой единицы, в основу которого положено расхожее выражение о том, что жизнь – это чередование полос – полоса белая, полоса черная. Налицо вторичная номинация в своей словообразовательной форме, благодаря которой появляется яркий образ чересполосицы, т.е. смены жизненных удач неурядицами. Здесь – недовольство текущей жизнью, жажда перемен.

В основе всех видов вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления. Ассоциативные признаки, актуализируемые в художественном контексте, связаны с такими смысловыми признаками, которые соотносятся с уже существующим, интуитивным знанием носителей языка о данной реалии. Так в «Похожие на ижицы...» отметим:

Выкрикиваю «Эге-гей!»,
Опять впадаю в раж.
И счетчик офигейгера
Зашкаливает аж... (Гаврилов 2020: 18).

В представленном отрывке номинативная игра приводит к образованию окказиональной лексемы – «*офигейгер*». В условиях авторского контекста данный окказионализм играет изобразительно-выразительную роль, обозначая прибор-измеритель человеческой радости, воодушевления от наступившей весны. Изобразительность и яркость выражения здесь усиливается за счет создания авторского неологизма по уже существующим и актуальным словообразовательным моделям языка. По своей художественной значимости он близок метафоре, т.к. в основе его создания лежит стремление наделить слово новыми смысловыми гранями.

При языковой игре в художественном тексте этимологизация может происходить на письме. В результате графической интерпретации слово получает новое значение,

отличающееся от первоначального. А.А. Потебня пишет: «...в любом слове есть внешняя форма, то есть членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутренняя форма или ближайшее этимологическое значение слова» (Потебня 1999: 156). Так, используя семантический вид внутренней формы слова, В. Гаврилов в стихотворении «(М)арт» (Гаврилов 2020: 21), вынося за скобки первую букву, создает метафорический образ весны как природного арт-пространства.

Разновидностью языковой игры является игра слов и паронимазия, когда эффект остроты достигается трансформацией семантики или состава слов и словосочетаний. В стихотворении «Весна ломает все, что ветхо...», В. Гаврилов подвергает изменению, ставшую крылатым выражением цитату из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» «Любви все возрасты покорны» и пословицы «голь на выдумки хитра»:

Тревожит гомон законный
И сердца глупого игра.
Любви все возрасты – покорны,
А боль на выдумку хитра... (Гаврилов 2020: 17)

В первом случае мы наблюдаем паронимазию, где автор стремится найти дополнительные лексико-семантические связи между близко звучащими словами. В представленном примере они носят несовместимый характер: созвучие слова *покорны* с должным *покорны* заставляет осмыслить фразу, а лексическое несоответствие усиливает эффект ирреальности происходящего вокруг лирического героя. Второй пример иллюстрирует игру слов, когда происходит подмена языковой единицы во фразе созвучной ей (но не полностью), при этом формальная структура высказывания сохраняется. Для решения авторской задачи было принципиально заменить слово *голь*, что означает бедные слои населения, на *боль*. Теперь смысловой акцент смещается с внешнего фактора, побуждающего к действию, на внутренний. Т. е. не беднота, а страдания вынуждают лирического героя находить выход из сложной ситуации.

Таким образом, мы можем заключить, что феномен языковой игры носит выразительную, эстетическую функцию. Он позволяет углубить толкование художественного текста и точнее понять авторский замысел, раскрыть идейное содержание произведения. Слово в художественном тексте, наделенное особой эстетической функцией, часто неповторимо по своему употреблению, индивидуально, что способствует складыванию особого идиостиля писателя. Компилируя исследования различных школ, проведем комплексный анализ авторского стиля В. Гаврилова посредством стихотворения «(М)арт».

Можно предположить, что данное стихотворение демонстрирует постмодернистский стиль, который проявляется в синтезе бытового и метафизического, где ирония и лиризм сосуществуют, а бунтарский дух скрывается за кажущейся простотой.

Это транслируется через языковые особенности произведения. Например, разговорно-просторечная лексика («раскуроченной реке», «щебечем», «пацаны», «посылаем на четыре буквы») создаёт эффект спонтанности, молодёжного сленга, а поэтически возвышенная («Сияет солнце, словно в Коктебеле», «девственно чиста») отсылает к классической

традиции. Здесь видны черты влияния советского неофициального искусства. Так, сочетание просторечия и высокой поэтичности отсылает к приему снижения возвышенного через бытовое, как у И. Бродского в «Письмах римскому другу».

К языковым особенностям отнесем и умелое оперирование окказионализмами и неологизмами («маревно и угло», «Сорвиголовие») – такая игра напоминает стилизацию Н. Заболоцкого, создает как у него эффект «языковой археологии».

Важной стилевой доминантой творчества В. Гаврилова является необычный синтаксис: короткие, рубленые фразы («Пора! Мы выбираемся из тьмы») – дают динамику, а сложные метафорические конструкции («на подножку солнечного утра / Запрыгиваем, как сто лет назад») – лирическое медитативное прочтение. Такой контраст передает напряжение между порывом и рефлексией.

Ключевыми мотивами данного произведения являются:

– мотив свободы и бунта, мотив побега. Так образы «выбираемся из тьмы», «садовая решет(ка)» находят стилевое воплощение в приёме контрастной тюремной метафоры («тьма», «решётка») и вольного жеста («запрыгиваем», «посылаем»), как у О. Мандельштама в «Сохрани мою речь...», но с постмодернистской иронией («смешная подзапретовость»);

– мотив времени. Здесь амбивалентность «Конец недели, месяца, зимы» – как финал, завершение цикла и «Солнце никогда не заходило» – вечность, бесконечность, создает, в духе экзистенциальной лирики, эффект цикличности, но опять же с постмодернистской иронией (образ «пацаны с рогатками»);

– мотив творчества. Читаем «Когда стихи выводим на стене» и понимаем как намёк на анти-искусство, стихи как граффити. Это демонстрирует авторскую позицию как полемичную официозу. Так, игра с табу «Иные видят в этом матерщину» – это вызов традиционному восприятию поэзии.

Исходя из проведенного анализа, можно заметить усиленную интертекстуальность стихотворения. Так, Коктебель – отсылка к М. Волошину и поэтической традиции Серебряного века, но у Гаврилова это ироничный парафраз романтического топоса. «Rasa» (санскр. «суть») у автора в примечании трактуется как сознание – намёк на экзистенциальную чистоту, возможно, отсылка к Н. Гумилёву («раджа-йога») или влияние восточной философии через призму творчества В. Хлебникова. «Четыре буквы марта» – игра с обценной лексикой в духе Е. Евтушенко или И. Бродского.

Подводя итоги, можем резюмировать, что все вышесказанное демонстрирует уникальность идиостиля В.В. Гаврилова. Автор создаёт гибридный стиль, где сочетаются андеграундная эстетика (смешение высокого и низкого, taboo-лексики и метафизики), «игровая поэтика» (неологизмы, пародийные отсылки, «языковая игра») и экзистенциальный подтекст (мотивы свободы, времени, творчества как бунта). Это придает авторскому стилю глубокую интеллектуальность, не чуждую хулиганскому духу, что роднит его с ленинградским андеграундом.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Stylistics of Modern English): Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» 3-е изд., перераб. и доп. Л.: Просвещение, Ленинградское отделение, 1990. 295 с.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Советский писатель, 1979. 320 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. Москва: Русские словари, 1996. 416 с.

Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 654 с.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 2. С. 77–319.

Выготский Л.С. Психология искусства. Анализ эстетической реакции. М.: Искусство, 1968. 576 с. (Первое издание 1925)

Гаврилов В.В. Времена. Coda. Стихи. / В.В. Гаврилов. Тюмень: Аксиома, 2020. 352 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.

Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. 407 с.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.И. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 172–214.

Лебедева Е.Б. Уточнение понятия «языковая игра» в лингвистике. // Язык и культура. 2014. № 4(28). С. 48-63.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. 304 с. (Первое издание 1975)

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.

Николина, Н.А. Языковая игра в структуре современного прозаического текста / Н.А. Николина, Е.А. Агеева // Русский язык сегодня: сб. статей. М.: Просвещение, 2000. С. 553-557.

Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.

Потебня А.А. Полное собрание сочинений: Мысль и язык. Издательство «Лабиринт», М., 1999. 300 с.

Сироткина Т.А., Садагян М.А. Языковая игра в поэзии В.В. Гаврилова // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 1(5). С. 48-56.

Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.

© Себелева А.В., 2025

УДК 811.111

doi.org/10.36906/2500-1795/25-1/07

Горшунов Ю.В.

РИФМОВАННЫЙ СЛЕНГ, КОДИРУЮЩИЙ ТОРГОВЫЕ МАРКИ И БРЕНДЫ, В СОЦИКУЛЬТУРНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Аннотация. Статья нацелена на рассмотрение случаев кодирования и обыгрывания рекламных реалий (торговых марок и брендов), называющих фирменную продукцию и производителей такой продукции на материале рифмованного сленга. Тема рассмотрена на примере образцов рифмованного сленга, отражающих рекламные реалии, представленные прагматонимами и эргонимами. Анализируемые рифмы построены на хорошо знакомых обывателю и жителю Великобритании фирменных названиях и брендах, которые и входят в так называемую «культурную грамотность» носителей английской лингвокультуры. Рифмы заимствованы из словарей рифмованного и общего сленга и интернет-источников, а социокультурная информация – из энциклопедических словарей и словарей культуры. Рекламные реалии еще не были предметом специального анализа и, несомненно, заслуживают лингвистического и социокультурного описания. В статье представлен социокультурный анализ более 40 рифм, отсылающих к рекламным реалиям – прагматонимам и эргонимам. В результате выявлено, что среди рифм, соотносимых с наименованиями товаров и фирм-производителей, наиболее репрезентативны рифмы, кодирующие напитки и, в первую очередь, различные марки и сорта пива, что оправдывает утверждения о том, что пиво остается самым любимым напитком жителей Великобритании. Популярны также рифмы, кодирующие заведения питания (рестораны) и транспортные средства (марки автомобилей). Отражая культурно-прецедентные феномены – имена, ситуации, исторические реалии в контексте культурной грамотности, анализируемые в статье рифмы обладают лингвострановедческой и лингвокультурологической ценностью. Результаты исследования могут быть полезны и интересны специалистам, разрабатывающим темы межкультурной коммуникации, лингвострановедения, лингвокультурологии, контрастивной лингвистики английского и русского языков, культуре речи и в практике преподавания английского языка.

Ключевые слова: рифмованный сленг; рекламная реалья; прагматоним; эргоним; торговая марка; бренд; социокультурный контекст.

Сведения об авторе: Горшунов Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Уфимского университета науки и технологий (Бирский филиал); ORCID 0000-0003-4389-4385.

Контактная информация: 452450, г. Бирск, ул. Ленина, д.41; тел. 8(34784)40470; e-mail: gorshunov_@rambler.ru

Yu.V. Gorshunov

RHYMING SLANG ENCODING TRADE NAMES AND BRANDS IN SOCIOCULTURAL SETTING

Abstract. The article aims to examine the cases of encoding of advertising culturally-determined items (trademarks and brands) that name branded products and manufacturers producing branded products, based on rhyming slang material. The topic is explored through the examples of rhyming slang that reflect advertising items represented by pragmatonyms and ergonyms. The analyzed rhymes are based on company names and brands that are well known to the average British citizen and are included in the so-called “cultural literacy” of the speakers of English linguistic culture. The rhymes are borrowed from dictionaries of rhyming and general slang, as well as Internet sources, while the sociocultural information is provided from encyclopedic dictionaries and dictionaries of culture. Advertising culturally-determined items have not yet been the subject of special analysis and undoubtedly deserve linguistic and sociocultural description. The article presents a sociocultural analysis of more than 40 rhymes that refer to pragmatonyms and ergonyms. As a result, it was revealed that among the rhymes correlated with the names of goods and manufacturing companies, the rhymes encoding beverages are the most representative, particularly various brands and types of beer, which justifies the statement that beer remains the most favorite drink of the inhabitants of Great Britain. Rhymes encoding restaurants and means of transport (car brands) are also popular. Reflecting culturally precedent phenomena – names, situations, and historical culturally-determined items within the context of cultural literacy, the rhymes analyzed in the article have linguocultural value. The results of the study may be useful and interesting to specialists developing topics in intercultural communication, linguistic and cultural studies, linguoculturology, contrastive linguistics of the English and Russian languages, speech culture and the practice of teaching English as a foreign language.

Key words: rhyming slang; advertising culture-specific item; pragmatonym; ergonym; trademark; brand; sociocultural setting.

About the author: Gorshunov Yuri Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Romance-Germanic Philology and Linguodidactics, Ufa University of Science and Technology (Birsk Branch); ORCID 0000-0003-4389-4385.

Contact information: 452450, Birsk, st. Lenina, 41; tel. 8(34784)40470; e-mail: gorshunov_@rambler.ru

Введение. В данной статье мы продолжаем разрабатывать темы, так или иначе затронутые в работах автора (Горшунов, Горшунова 2017), (Горшунов, Горшунова 2021), (Горшунова, Горшунов 2013). Статья нацелена на рассмотрение случаев кодирования и

обыгрывания брендов, торговых марок и слоганов, называющих фирменную продукцию и производителей фирменной продукции: бытовые товары и товары роскоши (например, транспортные средства), продукты питания (напитки, снеки), заведения питания (рестораны, кафе, кофейни), табачные изделия и другие, на примерах образцов рифмованного сленга. В фокусе нашего внимания находятся рифмы, построенные на фирменных названиях и брендах, хорошо знакомых обывателю и жителю Великобритании, входящих в так называемую «культурную грамотность» (Hirsh 1988). Анализируемые рифмы заимствованы из словарей рифмованного и общего сленга (Ayto 2003), (Green 2003), (Green 2002), (Perkins 2004), (Кудрявцев, Куропаткин 2004) и интернет-источников, а социокультурная информация из энциклопедических словарей и словарей культуры (Кто есть кто 2007), (НБИЭС 2004), (Великобритания 1980), (Томахин 2003), (Longman 1999), (Room 1990). Рекламные реалии представлены прагматонимами и эргонимами.

Под прагматонимами принято понимать имена собственные товаров, которые также называют маркировочными обозначениями (маркировками), номенами, товарными марками, товарными знаками, номенклатурными знаками. К эргонимам принято относить наименования деловых объединений людей, например, названия фирм (фирмонимы), названия государственных и общественных учреждений, благотворительных организаций, учреждений сферы обслуживания и развлечений: парикмахерских, баров, кафе, бильярдных клубов, названия магазинов (эмпоронимы) и др. (Подольская 1988). Бренд трактуется как торговая марка товара или продукта в наиболее предпочтительном образе, имеющем высокую репутацию у потребителя.

Основные результаты. Анализ рифм, отсылающих к товарным знакам и названиям фирм, выявил, что среди 43 рифм, соотносимых с наименованиями товаров и фирм-производителей (с учетом сокращенных версий), наиболее ярко представлены рифмы, кодирующие напитки и, в первую очередь, различные марки и сорта пива (19 полных рифм, соотносящихся с названиями напитков, 16 полных рифм имеют отношение к различным сортам и маркам пива). За ними следуют рифмы, кодирующие табачные изделия, затем рифмы, отсылающие к названиям учреждений сферы обслуживания и развлечений (ресторанам быстрого питания, кафе, кофейням) и к названиям транспортных средств (автомобилям и мотоциклам).

Рифмы представим тематически и в алфавитном порядке: а) названия алкогольных, слабоалкогольных и безалкогольных напитков; б) названия снежков; в) названия табачных изделий; г) названия учреждений сферы обслуживания; д) названия транспортных средств; е) названия бытовых товаров; ж) названия фирм.

а) названия алкогольных, слабоалкогольных и безалкогольных напитков. Две рифмы кодируют белый ром Бакарди: **kiss me, Hardy** или **kiss me hardy** [20C] = a measure of **Bacardi** rum и **Laurel and Hardy** [20C] = a **Bacardi** (rum).

Первая рифма якобы воспроизводит прощальные слова национального героя английского флотоводца, адмирала Горацио Нельсона, который был смертельно ранен в битве при Трафальгаре (Кто есть кто: 796), (НБИЭС: 672). Вторая рифма основана на именах

артистов популярного в первой половине 20 века американского комедийного дуэта в составе Стэна Лорела и Оливера Харди. В дуэте худощавый англичанин Стэн Лорел играл роль неуклюжего друга напыщенного, властного и часто раздражаемого американца Оливера Харди. Они стали широко известны в конце 1920-х – середине 1940-х годов благодаря своей фарсовой комедии. За свою творческую карьеру артисты-комики сняли вместе более 100 фильмов и привнесли во многие фильмы свой характерный фарс. Рифма обычно сокращается до первого компонента **Laurel**, а поскольку многие люди пьют ром Бакарди, разбавляя кока-колой (Longman 1999: 74), заказ коктейля Бакарди с Кока-колой может принять форму ‘**a Laurel and Holy**’ (зд. **Holy** ← **holy smoke = Coke**).

В рифмованном сленге образовался впечатляющий список синонимичных рифм для широкого спектра алкогольных напитков. Это мир, в котором правит пиво. Сегодня пиво остается самым любимым напитком. Его пьют из стеклянных бокалов, и каждый паб обычно имеет свои сорта. (Павловская 2004: 162).

Торговые марки некоторых сортов пива стали настолько известны, что потеряли свою «марочность» и используются как родовое понятие для обозначения пива как такового. В этом случае они легко могут привлечь внимание сленгстеров-рифмовальщиков. В Великобритании во второй половине XIX века название пивоваров **Bass and Co.** из города Бертон-он-Трент с их общепризнанным логотипом в виде красного треугольника стало почти синонимом пива – просто просили «бутылочку Басса» (‘a bottle of Bass’). С конца XIX века по 1930-е годы рифмы не замедлили отреагировать на то, что заказ **beggar boy’s ass** (или, короче, **beggar boy’s**) дал бы требуемый результат в лондонском пабе. (Ayto 2003: 148). Речь идет о рифме **beggar-boy’s** [late 19C. – 1930s], соотносимой с фирменным названием светлого горького пива **Bass** – «Басс» одноименной компании. Рифма представляет собой сокращенную версию рифмы **beggar-boy’s ass** = 1) **Bass ale**, a bottle of **Bass ale**; 2) **brass**, money (зд. **ass** = donkey). О популярности пива Bass свидетельствует иллюстративный пример: Leonard got up and left Smith, walked down the street to Victoria Bar where he had a Scotch and a **chaser of Bass**. (Cronin 1976: 155).

Флагманское пиво **Pale Ale Bass** компании Bass с логотипом в виде красного треугольника когда-то путешествовало по миру, распространяясь на кораблях развивающейся британской империи. Одна историческая истина, которую невозможно опровергнуть, заключается в том, что на борту Титаника, когда он затонул в Атлантическом океане в 1912 году, было 500 ящиков (12 000 бутылок) пива Bass. Во время экспедиции и поисково-спасательных работ корабля в конце 1990-х годов было обнаружено девять бутылок (<https://beerandbrewing>).

Две рифмы соотносятся с разговорным названием пива **Ben Truman** в форме **Ben**, ставшим настолько популярным, что **Ben** ассоциируется с пивом вообще: **jenny wren** [20C] = **Ben**; **never again** [20C] = the beer **Ben Truman**. Известное у любителей пива как **Ben**, английское пиво **Ben Truman**, варится в Восточном Лондоне на пивоварне the Truman Brewery, названной в честь предпринимателя сэра Бенджамина («Бена») Трумана (Sir Benjamin Truman). Труман способствовал расширению производства. Его портрет был

помещен на этикетки пива (на которых он изображался как веселый толстяк с деревянной ногой) и использовался в рекламе вплоть до 1970-х с запоминающейся рекламной фразой “There’s more hops in Ben Truman” («В пиве Бен Труман больше хмеля»). Пивоварня закрылась в 1989 году, однако бренд был возрожден в 2010 году, и с 2013 года пиво снова варится в Восточном Лондоне с названием Truman’s. В рекламе пива «Бен Труман» (1980 и 1982 гг.) говорится, что Англия изменилась, но пиво «Бен Труман» по-прежнему варится с тем же традиционным мастерством и тщательностью под лозунгом «Вы можете вкушать хмель в Бене Трумане» (“You can taste the hops in Ben Truman”).

Рифма **pants and vest** [20C] = 1) **Best** (bitter beer); 2) **chest** кодирует полнотелое сухое пиво **Best Bitter** с идеальным балансом английского хмеля и солодового ячменя.

Пиво марки **Burton** или **Burton’s** (производное от **Burton beer** / **Burton’s beer** – бертонское пиво; пиво из Бертона), как и в случае с пивом **Bass**, которое варилось там же, и пивом **Ben**, которое варится в Восточном Лондоне, стало названием пива вообще. Его кодирует рифма **lace curtain** [20C] = **Burton beer** / **Burton’s beer**. Английский город Бертон считается родиной бертонского пива (пейл-эля), экономика которого на протяжении столетий была основана на производстве пива, получившего мировую известность в XIX веке. О популярности пива говорит отрывок из романа: And after his wife died, he’d drop over of a Saturday afternoon and smoke a pipe and drink a glass of ale. **Burton** he favoured; I always kept it for him (Cronin 1976: 260).

Две рифмы ассоциируются с популярными в Великобритании марками пива **Carling**. Первая рифма **Alistair/Alistair Darling = Carling**: You’re having a pint of **Yuri Gellar** (= **Stella**) and I’ll have **an Alistair**. Рифма употребительна в сокращенной версии. Она эксплуатирует имя бывшего британского политика-лейбориста, пожизненного пэра Алистера Маклина Дарлинга, барона Дарлинга Руланишского, который в годы премьерства Гордона Брауна выполнял обязанности министра финансов с 2007 по 2010 год. С 1987 по 2015 год Дарлинг был парламентарием и представлял шотландские округа. Он считался ключевым союзником Тони Блэра и Гордона Брауна, которые стремились модернизировать лейбористскую партию и превратить ее в Новую Лейбористскую партию (New Labour). Покинув Палату общин в 2015 году, Дарлинг стал пэром и состоял в ней до 2020 года. По данным Financial Times, Дарлинг был «одним из самых влиятельных послевоенных канцлеров в современной британской истории» (Giles 2024). Тони Блэр присоединился к дани уважения, назвав лорда Дарлинга «раритетом в политике».

Нам не удалось идентифицировать личность человека, ассоциируемого со второй рифмой **Roger Starling = Carling**.

Реклама Carling Lager утверждает, что это «лагер номер один в Великобритании». Сорт лагера **Carling Black Label** («Карлинг – Черная этикетка»), продаваемый в Великобритании, особенно известен своей юмористической рекламой, в которой персонаж говорит: «Держу пари, что он пьет Carling Black Label» (“I bet he drinks Carling Black Label”), когда другой персонаж делает что-то очень сложное или необычное (Longman 1999: 187).

Устоявшаяся рифма **Simple Simon** = 1) [1920s+] a **diamond**, usu. a diamond ring; 2) [1960s+] (drugs) psilocybin/psilocin [Green 2003: 1075] приобрела еще одно значение, важное в контексте торговых марок: **Simple Simon** = **Double Diamond** («Дабл дайамонд», фирменное название пива). В основу рифмы положено имя персонажа Саймона-простака в стихах для детей. Имя **Simple Simon** используется для обозначения глупого мужчины или мальчика, т. е. простофили, недотепы. (Томахин 2003: 511). Первоначально так звали глупого мальчишку из длинной детской песенки, который встретил пирожника, идущего на ярмарку, и попросил попробовать выпечку, а когда пирожник спросил, если у него пенни, чтобы заплатить, мальчик ответил, что у него нет ни гроша. Глупый мальчик также ловил кита в ведре, хотел узнать, растет ли слива в чертополохе и носил воду в решете (Горшунов 2024).

Не совсем точная рифма **photo finish** [20C] = (a pint of) **Guinness** (stout), the beer **Guinness** отсылает к фирменному названию крепкого темного пива одноименной ирландской компании (Великобритания 1980: 196), (Томахин 2003: 410), (Room 1990: 157). Когда портер наливают в стакан или кружку, на поверхности пива образуется кремово-белая пена. Можно предположить, что рифма намекает на легкую невнятность речи человека, много выпившего пива. В речи любителей Гиннеса рифма редуцируется до первого компонента **photo**. Гиннес считается национальным напитком Ирландии, и многие помнят фразу из старой рекламы: «Гиннес Вам полезен» ('Guinness is good for you') (Longman 1999: 587).

Несколько рифм соотносятся с разговорным названием крепкого лагеря **Stella Artois** – **Stella**, знаменитого на весь мир бельгийского пива, которое пользуется большим спросом в Великобритании, например, рифма **Cinderella** = **Stella** (beer): I've been drinkin' **Cinderellas** all night. Это многозначная рифма, соотносимая с несколькими референтами: **Cinderella** = 1) **Stella**, beer; 2) **smeller**, the nose; 3) the colour **yellow**; 4) **yellow**, cowardly. Рифма отсылает к Золушке из сказки, известной по редакциям Шарля Перро, братьев Гримм и Джамбаттисты Базиле. Это хрестоматийная история о бедной девушке, оставшейся без матери. Ей приходится жить со злой мачехой и её дочерьми, которые унижают и обижают бедную девушку. На помощь Золушке приходит добрая крестная фея и помогает ей обрести своё счастье. Кроме обычной поддержки, фея превращает тыкву в карету, мышей в лакеев, дарит Золушке хрустальные туфельки и непередаваемой красоты платье, чтобы она смогла посетить королевский бал, где ее принимают за принцессу.

Рифма **David Mellor** = **Stella** (Artois) построена на имени Дэвида Джона Меллора, наделенного многими талантами и выполняющего разные роли. Меллор - британский политик, член Консервативной партии, телеведущий, журналист, королевский адвокат и футбольный эксперт. В качестве члена Парламента он представлял округ Патни с 1979 по 1997 год; работал в кабинете Джона Мейджора до ухода в отставку после серии скандалов в 1992 году.

Рифма **Keith / Keith Dellar** = **Stella** (beer), сокращаемая до первого компонента: I'll have a pint of **Keith**, отсылает к бывшему профессиональному игроку в дартс Киту Деллару, который выиграл чемпионат мира по дартсу среди профессионалов the Embassy World

Professional Darts Championship в 1983 году, став первым игроком, когда-либо выигравшим этот чемпионат в столь юном возрасте.

Имя Нельсона Мандела (**Nelson Mandela**), первого чернокожего президента ЮАР (с 1994 по 1999 год), одного из самых известных активистов в борьбе за права человека, ставшего могучим символом против апартеида, лауреата Нобелевской премии мира 1993 года (НБИЭС 2004: 578) также рифмуется с маркой знаменитого бельгийского пива «Стелла Артуа»: **Nelson Mandela = Stella** (Artois), причем рифма нередко употребляется в эллиптированной форме: A couple of **nelsons** please.

Рифма **Paul Weller = 1) Stella** (beer): Give us a **Paul Weller**; 2) **feller** эксплуатирует имя британского рок-музыканта, певца и автора песен Джона Уильяма Уэллера, наиболее известного как Пол Уэллер. Он добился наибольшей известности в 1979 - 1982 годах как гитарист-фронтмен рок-группы The Jam, которая была в коммерческом отношении наиболее успешной группой первой волны британского панк-рока.

Еще одна рифма, ассоциируемая с пивом Стелла, встречаемая в альтернативном написании и сводимая до первого компонента - **Uri / Uri Gella(r) / = Yuri Geller = Stella**, pint of **Stella**: Get us a pint of **Uri**. Она отсылает к иллюзионисту, мистификатору, телеведущему и самопровозглашенному экстрасенсу Ури Геллеру, который стал известным на весь мир благодаря сгибанию металлических ложек и другим предполагаемым психическим эффектам, в частности, остановке механических часов на лондонской башне Биг-Бен. Карьера Геллера как артиста насчитывает более четырех десятилетий: он участвовал в телевизионных шоу и выступлениях во многих странах, на протяжении многих лет используя простые фокусы для имитации эффектов психокинеза и телепатии.

И, наконец, шутивная рифма **Ooh Aah = Stella Artois** (beer): I'll have an **ooh aah**, которая кодирует полное название пенного напитка. Лагер Stella Artois известен тем, что он продается дороже других сортов пива (Longman 1999: 1325); бельгийское пиво сейчас в основном варят в Великобритании. Пенный напиток, с которым рифмуются имена политиков, музыканта и экстрасенса, с удовольствием пьют более чем в 80 странах мира, и он является пятым по величине международным пивным брендом.

Безалкогольная продукция представлена скромнее. Всемирно известную **Coca-Cola** чаще называют просто **Coke**, разг. «Кок». Ей посвящена рифма **holy smoke** [20C] = 1) **coke**, the fuel; 2) **Coke**, the drink **Coca-Cola**, которая встречается в редуцированной форме **holy**.

б) названия снежков. Рифмы, кодирующие названия снежков, легких закусок, включая сладости, немногочисленны. К этому сектору рифмованного сленга относятся две рифмы из нашей коллекции: **small geezers = maltesers** (Go down the frog and toad (= road) & get me a packet of **small geezers**) и **Stockport County = Bounty**.

Maltesers – «Молтизерз» - фирменное название шоколадного драже с пористой начинкой производства филиала компании «Марс» (Великобритания 1980: 265), (Томахин 2003: 399). Шоколад, впервые поступивший на рынок в 1936 году, несколько десятилетий подряд считался самым популярным кондитерским изделием в Великобритании. В ранних рекламных объявлениях содержалась фраза 'the chocolates with the less fattening center'

(«шоколадные конфеты с начинкой, не ведущей к ожирению») (Longman 1999: 824). Шоколадное драже Malteser изначально предназначалось для женщин. Оно продается по всему миру: в Европе, Австралии, Новой Зеландии, Канаде, США и на Ближнем Востоке.

Рифма **Stockport County = Bounty** кодирует фирменное название шоколадных конфет с начинкой из кокосовых орехов «Баунти» (Великобритания 1980: 67).

в) названия табачных изделий. Несколько рифм кодируют фирменные названия табачных изделий. Так, рифма **Dustin Hoffmans = Rothmans (cigarettes)** ассоциируется с фирменным названием сигарет «Ротманз» компании Rothmans International (Великобритания 1980: 358), (Томахин 2003: 418). Рифма основана на имени американского киноактера Дастина Хоффмана, который получил «Оскара» за лучшую роль в фильме «Крамер против Крамера». После потрясающей игры в «Тутси», Хоффман снова получил престижную премию за роль в фильме «Человек дождя» (НБИЭС 2004: 1089).

Прочной популярностью у солдат во время Первой и Второй мировых войн и в рабочей среде в начале 20 века пользовались дешевые крепкие сигареты без фильтра **Woodbine** (Wills Woodbine cigarettes brands): By the time she gets back to Number Thirty-five, Mrs Minney is installed in the kitchen, with a copy of Sporting Life spread out on the table, a pot of tea at her elbow and a **Woodbine** dangling from her hairy slit of a mouth (Mullaly 1971: 40).

Многие курильщики считают и уверяют, что курение им не вредит, а скорее приносит пользу и удовольствие. Идею удовольствия и пользы передает многозначная рифма **do me good** [late 19C] (BrE) = 1) a **Woodbine** cigarette; 2) **wood**; 3) (Aus.) **firewood** (рифма вошла в обиход в конце XIX века) и более поздняя рифма **do me goods = Woods** (Woodbines), как еще одно обозначение популярной марки сигарет **Woodbine**, известных в народе как **Woods**. Сигареты Woodbine были названы в честь жимолости; их выпуск был запущен в 1888 году компанией W.D. & H.O. Wills (Wills' Woodbine cigarettes, a cheap UK brand). Версия с фильтром была запущена в Соединенном Королевстве в 1948 году, но их производство было прекращено в 1988 году. Эти дешёвые сигареты были настолько популярны среди английских солдат, что стали прозвищем любого английского солдата. Сигареты **Woodbine** ассоциируются с курильщиками из рабочей среды и среднего класса. В народе сигареты часто ласково называли **woody/-ie** [20C] - «Вуди». Расширительно, так стали называть любые дешевые сигареты (any cheap cigarette).

Популярная марка сигарет разговорном названии **Wood(s)** получила прописку в рифмованном сленге также благодаря альтернативным рифмам **Robin Hood** = 1) [late 19C+] **good**, well-behaved; 2) **wood**, a **Woodbine** cigarette и **robin hoods** [20C] = 1) (material) **goods**; 2) **woods**, Woodbine cigarettes. Рифмы построены на имени полупоупендарного героя английских и шотландских баллад Робина Гуда, который предположительно жил в 12-13 веках, боролся против феодалов, помогал беднякам, раздавая им добро, отнятое у богачей.

г) названия учреждений сферы обслуживания. На очереди рифмы, кодирующие названия учреждений сферы обслуживания, а именно заведения быстрого питания. Одно из них – Бургер Кинг (**Burger King**) американской компании, которая владеет глобальной сетью ресторанов, специализирующихся на гамбургерах. Реклама уверяет, что Бургер Кинг – это

место, где готовят мясо на огне и это единственный массовый ресторан быстрого питания, где подают бургеры с мраморной говядиной Блэк Ангус. Основанный в 1954 году, Бургер Кинг занимает второе по величине место в мире среди сетей ресторанов быстрого питания, специализирующихся на гамбургерах. Ежедневно рестораны Бургер Кинг во всем мире обслуживают более одиннадцати миллионов посетителей. Кодированное данное заведение быстрого питания рифма **Itchy Ring = Burger King: I right fancy an Itchy Ring**.

Американская компания по продаже кофе и одноимённая сеть кофеен, предлагающая посетителям высоко качественный кофе и пирожные Starbucks Corporation – «Старбакс» – основана в Сиэтле в 1971 году. В разговорной речи название **Starbucks** может употребляться в форме диминутива – суффиксированного усечения по отношению к кофейне и кофе Старбакс, что нашло отражение в рифмованном сленге: **Ken and Barbies = Starbies** (Starbucks), а coffee from Starbucks. Рифма эксплуатирует имена «сладкой парочки» – куклы Барби (**Barbie**) и ее приятеля Кена (**Ken**). «Барби», популярная модель куклы (названа дизайнером по имени дочери) поступила на рынок в конце 1950-х годов; к ней выпускается огромное количество предметов одежды, туалета, игрушечных домов с предметами домашнего обихода и пр. После большого коммерческого успеха Барби компания «Маттел» стала выпускать и куклу-мальчика Кена, приятеля Барби, а также других друзей и подруг. Фирма выпускала куклу-мальчика Кена с 1961 по февраль 2004, когда компания решила устроить парочке «развод» и объявила о прекращении производства Кена.

Еще одна рифма, имеющая отношение к «Старбакс» – **Lisa Tarbucks = Starbucks** (Let's head for **Lisa Tarbucks!**), эксплуатирует имя неподражаемой комедийной актрисы Лизы Тарбак, теле- и радиоведущей, лицо которой стало одним из самых узнаваемых лиц на телеэкране. Большой успех пришел к актрисе, когда она сыграла Памелу Линч в комедийном сериале «Watching», который регулярно выходил с 1987 по 1993 год, где она появилась в 53 эпизодах. Долгое присутствие в сериале резко возвысило имя Лизы Тарбак в киноиндустрии. Она привлекла к себе внимание появлением в главной роли в романтической комедии «Линда Грин». Тарбак также отличилась как ведущая в таких шоу, как Without Prejudice («Без предвзятости»), The Big Breakfast («Большой завтрак») и Time Team («Команда времени»).

д) названия транспортных средств. Относительно репрезентативен сектор рифмованного сленга, кодирующий транспортные средства, включающий три рифмы из нашей коллекции: **Henry Fonda = Honda** 90 cc motorbike; **Scooby-Doo = 1) Subaru** (Let's have a go in ya **scooby-doo**); 2) (British prison sl.) **screw** (a prison warder) и **whiskey and soda 1) Voda** (mobile phone); 2) **Škoda**.

Рифма **Henry Fonda = Honda** эксплуатирует имя американского актера Генри Фонда, обаятельная манера исполнения которого сделала актера идеальным в роли американского пионера и благородного человека. Он снимался во многих фильмах и был удостоен премии «Оскар» как лучший актер за фильм «На Золотом пруду», в котором также снималась его дочь Джейн Фонда (НБИЭС 2004: 1059). **Хонда** – автомобиль или мотоцикл производства одноименной японской компании (Longman 1999: 638).

В основу рифмы **Scooby-Doo = Subaru** положено имя вымышленной собаки Скуберт «Скуби» Ду, главного персонажа одноименной серии мультсериалов, ставшей героем 1970-х. Мультсериал про говорящего немецкого дога и его друзей-подростков стал чрезвычайно популярным. Скуби и его друзья распутывают очередное преступление и передают преступников в руки закона. Кодированный референт – **Subaru** – автомобилестроительный бренд компании Subaru Corporation, выпускающей автомобили высокого качества сборки: надежность автомобилей Subaru подтверждают крупнейшие из авторитетных мировых рейтингов надежности. Так, в рейтинге 2021 года автомобили Subaru вошли в Топ-3 лучших автомобилей года, включая компактный кроссовер Subaru Forester, внедорожный универсал Subaru Outback.

Škoda – автомобиль одноименной компании, которая является крупнейшим производителем автомобилей в Чешской Республике. Автомобили **Škoda** продаются более чем в 100 странах.

е) названия бытовых товаров. Бытовые товары представлены рифмой **Vancouver = Hoover**, а vacuum cleaner. Рифма построена на названии канадского города Ванкувер на юго-западе штата Вашингтон, на северном берегу р. Колумбия, основанном в 1825 как форт Ванкувер. Сегодня Ванкувер – динамичный морской порт, один из самых густонаселенных и разнообразных в этническом плане городов Канады. Благодаря живописным горным пейзажам его часто выбирают для съемок фильмов. Город получил ошутимое развитие в 1860-е в период «золотой лихорадки».

Кодируемая рифмой торговая марка пылесосов **Hoover** производится одноименной компанией, которая на протяжении XX века являлась на Британских островах одной из доминирующих в отрасли электрических пылесосов до такой степени, что торговая марка Hoover стала синонимом пылесосов в Великобритании и Ирландии. Несмотря на то, что Hoover больше не является лидером продаж пылесосов в Великобритании, термин “hoover” (в значении «пылесос», «пылесборник») остался обобщенным товарным знаком.

ж) названия фирм. Завершим анализ рифм необычной рифмой **mops / Mop and broom = fruit of the loom** (Get yer mops on), которая отсылает к американской компании **Fruit of the Loom**, производящей одежду, в частности нижнее белье. В рекламном каталоге компании Fruit of the Loom, мирового производителя качественной продукции, представлен большой выбор нижнего белья, трусиков, бюстгалтеров, футболок, спортивных костюмов, брюк, толстовок, носков, термобелья и многого другого.

Заключение. Таким образом, в статье, нацеленной на рассмотрение случаев кодирования и обыгрывания рекламных реалий (торговых марок и брендов), называющих или выпускающих фирменную продукцию, на материале рифмованного сленга были рассмотрены 34 рифмы, но с учетом эллиптированных версий, которые иногда регистрируются как отдельные рифмы, их число увеличивается до 43.

Рифмы были представлены тематически и в алфавитном порядке и отразили: а) названия алкогольных, слабоалкогольных и безалкогольных напитков; б) названия снежков; в) названия табачных изделий; г) названия учреждений сферы обслуживания; д) названия

транспортных средств; е) названия бытовых товаров; ж) названия фирм. Торговые марки и бренды, кодируемые рифмами, представлены в сводной таблице:

Напитки	Снэки	Табачные изделия	Рестораны	Производители	Транспортные средства	Бытовые товары
Bacardi Bass Ben Best (bitter beer) Burton Carling Double Diamond Guinness Stella (Artois) Coke	Malteasers Bounty	Rothmans Wood	Burger King Starbies Starbucks	Fruit of the loom	Honda Skoda Subaru	Hoover
10	2	2	3	1	3	1

Рифмы, представленные в статье, построены на фирменных названиях и брендах, хорошо известных и хорошо знакомых носителям англоязычной культуры, так как они входят в их «культурную грамотность». Анализ рифм, отсылающих к рекламным реалиям – прагматонимам и эргонимам, выявил, что среди рифм, соотносимых с наименованиями товаров и фирм-производителей, получившим социокультурную характеристику в статье, наиболее ярко представлены рифмы, кодирующие напитки и, в первую очередь, различные марки и сорта пива (из 19 полных рифм для напитков 16 полных рифм имеют отношение к различным сортам и маркам пива), что свидетельствует о большой и давней популярности пива, которое остается самым любимым напитком жителей Великобритании. Внимания заслуживают также рифмы, кодирующие заведения питания (рестораны и кафе) и транспортные средства (автомобили и мотоциклы).

Рифмы, анализируемые в статье в социокультурном освещении, обладают лингвострановедческой и лингвокультурологической ценностью, поскольку отражают культурно-прецедентные феномены (имена, ситуации, исторические реалии) в контексте культурной грамотности.

ЛИТЕРАТУРА

Горшунов Ю.В. Фольклорные ассоциации рифмованного сленга / Ю. В. Горшунов // Многоязычие в образовательном пространстве. Том 16. Выпуск 1 (20), 2024. С. 88-95.

Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю. Обыгрывание торговых марок, брендов и слоганов в юмористических, шуточных и ироничных контекстах // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 44, № 2. С. 55-59.

Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю. Рекламные реалии, обыгрываемые в английских детских шутках и загадках // Язык и литература в поликультурном пространстве: материалы Межд. науч.-практ. конф. 21 ноября 2021. Выпуск 15. Бирск: Бирский филиал БашГУ, 2021. С. 24-29.

Горшунова Е.Ю., Горшунов Ю.В. Рифмованный сленг как средство маскировки алкогольной и наркотической зависимости // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 1. С. 212-217.

Кто есть кто в мире: большой биографический справочник / Гл. ред. Г. П. Шалаева. М.: СЛОВО, Эксмо, 2007. 1264 с.: ил.

Кудрявцев А.Ю., Куропаткин Г.Д. Англо-русский словарь сленга и ненормативной лексики. М.: Издательство АСТ; Харьков: Торсинг, 2004. 383 с.

Новый большой иллюстрированный энциклопедический словарь: М.: Издательство «АСТ»: Издательство Астрель: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2004. ЛШ, [1256] с.: ил., карт.

Павловская А.В. Англия и англичане. М.: Изд-во Моск. ун-та; Триада, ЛТД, 2004. 264 с.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. М.: Наука, 1988. 192с.

Рум А.Р.У., Колесников Л.В., Пасечник Г.А. и др. Великобритания. Лингвострановедческий словарь. 9500 единиц. М.: Рус. яз., 1980. 480 с.

Томахин Г.Д. Лингвострановедческий словарь Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003. 720 с.

Ayto John. Oxford dictionary of Rhyming Slang // John Ayto. Oxford University Press, 2003. 309p.

Cronin A.J. The Northern Light. Kiev: Dnipro Publishers, 1976. 263 с.

Giles C. Alistair Darling, UK chancellor, 1953–2023 / Chris Giles // Financial Times. (30 November 2023). Retrieved 21 May 2024.

Green J. The Big Book of Rhyming Slang // Jonathon Green. London: Cassel, 2002. 334 p.

Green J. Cassell's Dictionary of Slang // Jonathon Green. London: Cassel, 2003. 1316p.

Hirsh E.D.Jr. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know / E. D. Hirsh. N.Y.: Vintage Books: Random House, 1988. 251 p.

Longman Dictionary of English Language and Culture: Longman, 1999. 1568 p.

Mullally F. Clancy // Frederic Mullally. London: Pan Books Ltd, 1971. 576 p.

Perkins D. C. Cockney Rhyming Slang / D. C. Perkins. A Domino Book, 2004. 48p.

Room A. An A to Z of British Life: Dictionary of Britain / Adrian Room: Oxford University Press, 1990. 480 p.

URL: <https://clck.ru/3LiM5C>

© Горшунов Ю.В., 2025

ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В ИГРОВОЙ СФЕРЕ И СЛОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА

Аннотация. Молодежный сленг отражает актуальные тенденции, социальные изменения и культурные трансформации в современном обществе. Этим фактором объясняется интерес ученых-лингвистов к процессам языковой эволюции – языковых и культурных трансформаций, которые происходят в результате лингвокультурного взаимодействия. В теории перевода и переводоведения важным становится поиск путей транскодирования и передачи информации – расшифровки явлений, событий и предметов объективной действительности, вербализованных в молодежном сленге. Настоящая статья посвящена анализу структурно-семантических особенностей игрового интернет-сленга и описанию способов перевода молодежных сленговых слов и выражений с английского языка на русский. Для анализа молодежного сленга, а также дифференциации способов и приемов перевода лексических единиц игрового интернет-сленга молодежи используются описательный метод с целью классификации и интерпретации анализируемых единиц, словообразовательный анализ, метод сравнительного анализа, позволяющий сопоставить англоязычные и русскоязычные лексемы и высказывания. Отмечается, что одной из особенностей сленговых единиц является их изменчивость и недолговечность в связи с динамическим характером развития молодежного сленга и утратой функциональной и прагматической нагрузки в коммуникативном процессе (вытеснение уже существующих единиц новыми языковыми средствами, снижение активности использования – передвижение от центра к периферии, выпадение из речевого употребления и т.п.). Основными способами номинации, типичными для образования молодежного сленга, являются: аббревиация (акроним), сокращение, словосложение и аффиксация; а также заимствования, метафорика и омонимия. Авторы приходят к выводу, что процесс перевода сленговых выражений с английского языка на русский требует особого подхода, т.к. сленг обладает уникальным семантическим богатством, эмоциональной выразительностью и культурной спецификой.

Ключевые слова: молодежный сленг; социальный жаргон; игровой интернет-сленг; модель словообразования; переводческий прием.

Сведения об авторе: Обухова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, декан факультета лингвистики Вятского государственного университета; ORCID:0000-0002-8658-6000; Никулина Евгения Александровна, студент четвертого курса Вятского государственного университета.

Контактная информация: 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36; тел. 8(83332) 208534; e-mail: obuchova.75@mail.ru; stud145190@vyatsu.ru

O.N. Obukhova, E.A. Nikulina

PECULIARITIES OF YOUTH SLANG IN THE GAMING SPHERE AND DIFFICULTIES OF TRANSLATING

Abstract. Youth slang reflects current trends, social changes and cultural transformations in modern society. This factor explains the interest of linguists in the processes of language evolution - linguistic and cultural transformations that occur as a result of intercultural interaction. In the theory of translation and translation studies, it is important to search for ways of transcoding and transmitting information - decoding phenomena, events and objects of objective reality verbalized in youth slang. This article is devoted to the analysis of structural and semantic features of online gaming slang and a description of the methods of translating youth slang words and expressions from English into Russian. To analyze youth slang, as well as to differentiate the methods and techniques for translating lexical units of youth online gaming slang, the descriptive method is used in translation to classify and interpret the analyzed units, word-formation analysis, and the comparative analysis method, which allows comparing English and Russian lexemes and expressions. It is noted that one of the features of slang units is their variability and fragility due to the dynamic nature of youth slang development and the loss of functional and pragmatic load in the communicative process (displacement of existing units by new linguistic means, decreased activity of use - movement from the center to the periphery, falling out of speech use, etc.). The main methods of nomination typical for the formation of youth slang are: abbreviation (acronym), reduction, compounding and affixation; as well as borrowings, metaphors and homonymy. The authors come to the conclusion that the process of translating slang expressions from English into Russian requires a special approach, since slang has its own unique semantic richness, emotional expressiveness and cultural specificity.

Keywords: youth slang; social jargon; gaming Internet slang; word formation model; translation technique.

About the author: Obukhova Olga Nikolaevna, Ph.D. in Philology, Dean of the Faculty of Linguistics, Vyatka State University; ORCID: 0000-0002-8658-6000; Nikulina Evgeniya Aleksandrovna, fourth-year student of Vyatka State University.

Contact information: 610000, Kirov, Moskovskaya St., 36; phone number 8(83332) 208534; e-mail: obukhova.75@mail.ru; stud145190@vyatsu.ru

Феномен «молодежный сленг» является «одной из претензионных к изучению языковых парадигм» (Оберемченко 2022: 74), играющей в эпоху информационных технологий ключевую роль в коммуникативном взаимодействии членов молодежных коллективов. Формирование молодежного сленга как динамично развивающегося аспекта языка обусловлено активным распространением интернета, диктующего способы общения и формирующего уникальные подходы к взаимодействию представителей соответствующих референтных групп, выстраивающих свои представления о реальности, создающих

культурные концепты и выражающие их в онлайн-пространстве, что приводит к появлению уникальных языковых форм со своей отличающейся от литературной нормы кодовой структурой (Гальперин 2016: 29; Беляева, Хомяков 2010: 4; Крысин 2006). Подобно социальным диалектам, молодежный сленг представляет собой специфический лексикон, который питается общенациональным языком и развивается на его фонетической и грамматической основе (Береговская 1996: 32). Под молодежным сленгом в данной работе понимается отличный от нормы язык общения, который выполняет социальную функцию, заключающуюся в объединении большого числа носителей молодежной лингвокультуры, периферийный пласт просторечного языка, лежащий вне пределов литературной разговорной речи, неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий экспрессивно-эмоциональной окраской (Беляева, Хомяков 2010: 4–43; Ахманова 2021: 408; Partridge 2015: 4; Eble 1996: 4–5). Материалом исследования послужили лексемы и высказывания¹ молодежи в англоязычных и русскоязычных Интернет-форумах, Интернет-чатах, Интернет-блогах и социальных сетях: Steam, YouTube, Twitch, Discord, Minecraft Forum, Joyfreak Forum, Slang.net и др. Выбор источников обусловлен тем, что: 1) игровой интернет-сленг стремительно набирает популярность среди пользователей онлайн-ресурсов; 2) данные сетевые ресурсы предоставляют иллюстративный материал в ракурсе «живого среза языка» (Николаева, Заeko 2020: 21). Социальные сети, мессенджеры и онлайн-игры создают новые платформы для коммуникативного, интерактивного и перцептивного общения, что способствует быстрым изменениям в языковой практике молодежи. Молодежный сленг в игровой сфере трансформируется из временного увлечения в новый формат коммуникации геймеров на форумах, блогах и в чатах. Сленг становится неотъемлемой частью игрового процесса, т.к. обуславливает оперативное и эффективное взаимодействие участников, достижение успешных игровых результатов. Он может быть как характерным для определенной игры, так и общепринятым, используемым игроками различных жанров и платформ (Буряк 2024: 21). При этом, игровой сленг, как часть современной культуры, органично вписывается в повседневную речь, отражая изменения в языке и обществе целом (Бочеева, Тарасенко 2024: 52). Термины, фразы и выражения игрового сленга проникают в повседневное общение людей, не связанных с игровой индустрией. Соответственно, эволюция языка обусловлена следующими причинами: распространение игрового видеоконтента, приобщение аудитории к поп- и медиакультуре, популяризация интернет-юмора, массовизация мемов, значительный рост нового сегмента культурных индустрий – индустрии online-развлечений и досуга.

Интенсивность пополнения лексикона молодежного сленга в игровой сфере связана, прежде всего, с развитием электронных технологий и виртуальных коммуникаций. При этом, одной из особенностей сленговых единиц является их изменчивость и недолговечность в связи с активным характером развития молодежного сленга и утратой функциональной и прагматической нагрузки в коммуникативном процессе (вытеснение уже существующих единиц новыми языковыми средствами, снижение активности использования –

¹ В настоящей работе под высказыванием понимается минимальная, законченная целостная коммуникативная единица.

передвижение от центра к периферии, выпадение из речевого употребления и т. п.). Установлено, что сленгизмы образуются по тем же моделям и с использованием тех способов, которые свойственны словам литературного языка (Багдасарова 2015). Рассмотрим подробнее следующие способы пополнения словарного фонда посредством словообразовательного процесса:

- лексико-семантический;
- лексико-синтаксический;
- морфологический;
- морфолого-синтаксический.

Лексико-семантический способ обуславливает обогащение фонда геймерского сленга за счет слов-омонимов, инкорпорирующих в номинирующей языковой единице новое значение, ср.: *salty* (букв. англ. “соленый”) – злиться; *cheese* (букв. англ. “сыр”) – нечестный; *farming* (букв. англ. “фермерство”) – сбор предметов и материалов, необходимых для продвижения в игре / убийство врага.

Лексико-синтаксический способ, детерминирующий образование новых сленгизмов посредством сращения, является продуктивным инструментом обновления языка геймеров, ср.: *AimBot* (англ.) – аймбот (чит в играх, который автоматически наводится на цель, предоставляя тем самым преимущество игроку); *headshot* (англ.) – *хедшот* (попадание в голову противника); *facepalm* (англ.) – фейспалм (жест “рукалицо” для выражения разочарования, раздражения, смущения и т. п.); *speedrun* (англ.) – спидраннинг (прохождение игры за наименьший период времени).

По параметру “морфологические способы формирования молодежного сленга”, проведем анализ сленгизмов в аспекте следующих механизмов:

- аббревиация
- сокращение
- словосложение
- аффиксация
- метатеза.

Тенденция к экономии речи и рационализации языковых усилий (минимизация объема информации ради экономии времени и выражений) отражается в использовании аббревиации и сокращений. Так, путем аббревиации (сокращения начальных элементов словосочетания, либо путем сложения начальных букв слов или начальных звуков) в игровом сленге появляется серия единиц, способных заменить целые выражения, ср.: *BRB* (англ. “be right back”) – скоро буду; *GG* (англ. “good game”) – хорошая игра; *OMG* (англ. “oh my God”) – о, Боже мой; *TBH* (англ. “to be honest”) – честно говоря; *IDK* (англ. “I don’t know”) – я не знаю; *NVM* (англ. “nevermind”) – не имеет значения; *LMK* (англ. “let me know”) – дай знать, *ИМНО* (англ. “in my humble opinion”) – по моему скромному мнению; *AFK* (англ. “away from keyboard”) – далеко от клавиатуры; *PVP* (англ. “player versus player”) – игрок против игрока и т. п. Следует отметить, что главными факторами аббревиации в молодежном жаргоне геймеров являются потребность в сокращении информации и экономия языковых

ресурсов. В дополнение к этому, в англоязычных чатах выявлено использование сокращений, состоящих из букв и цифр, которые визуальнo ассоциируются с частью слова, ср.: *W8* (англ. “wait”) – ждать; *M8* (англ. “Mate, Teammate”) – партнер по игре, приятель; *N1* (англ. “Nice One”) – отлично; *f2p* (“Free To Play”) – играть бесплатно; *l2p* (англ. “Learn To Play”) – учиcь играть; *p2p* (англ. “Pay To Play”) – плати, чтобы играть и т. п. Одним из продуктивных типов сокращений является усечение или апокопа, ср.: *ammo* (англ. “ammunition”) – боеприпасы, *subs* (англ. “subscribers”) – подписчики; *admin* (англ. “administrator”) – администратор (человек, который отвечает за техническое обслуживание компьютеров в организациях или офисах), *toon* (англ. “cartoon”) – аватарка (изображение пользователя в компьютерной игре); *pot* (англ. “potion”) – зелье (для восстановления здоровья в игре) и др.

Словосложение предоставляет возможность более точно описывать новые концепции или заменять устаревшие слова, существовавшие ранее. Лексемы, возникающие таким образом, формируются путем комбинирования двух слов, ср: *facepalm* (букв. англ. “face” + “palm”) – фейспалм; *deagle* (букв. англ. “desert eagle”) – дигл (полуавтоматической пистолет); *instalock* (букв. англ. “instant lock”) – инсталок (мгновенная блокировка); *esports* (букв. англ. “electronic sports”) – киберспорт и т. п.

Геймерский сленг пополняется также за счет дериватов, созданных посредством аффиксации. Наиболее значительной по объему группой лексем являются существительные, которые добавлением префикса и/или суффикса преобразуются в гибридное новообразование и приобретают дополнительную коннотативную окраску, ср.: *progamer* (букв. англ. “gamer” + приставка pro- (букв. англ. “professional) – профессиональный игрок; *newbie* (букв. англ. “new boy” или “new blood” + суффикс -ie) – новичок, неопытный игрок (в таком же значении используется лексема *noob*, имеет однако в отличие от *newbie* негативный оттенок); *pwned* (букв. англ. “own” + суффикс -ed) – побежденный противник (в знач. “уделать”) / взломанный; *nooblet* (букв. англ. “noob” + суффикс -let) – молодой и неопытный игрок; *modder* (букв. англ. “mod” + суффикс -er) – моддер (создатель модификации для игр); *cheater* (букв. англ. “cheat” – обманывать + суффикс -er) – читер; *hacker* (букв. англ. “hack” + суффикс -er) – хакер; *hackish* (букв. англ. “hack” + суффикс -ish) – хакерский; *hackishness* (букв. англ. “hack” + суффиксы -ish, -ness) – хакерство, мастерство программирования.

Рассматривая способы образования слов в игровом сленге отметим случаи преобразований слов на фонетическом уровне, ср.: *ur* (англ. “your”) – ты; *wanna* (англ. “want to”) – хотеть. Такой род словотворчества связан с намеренным звукоискажением слов – метатезой, ср.: *utchker* (англ. “catch”) – ловить; *dab nam* (англ. “bad man”) – плохой человек. Интересным в плане анализа фонда молодежного сленга в игровой сфере становится ряд звукоподражательных слов, ср.: *kekekekeke* – ха-ха-ха; *ИМХО* (букв. англ. “in my humble opinion”) – ИМХО; *LOL* (букв. англ. “laughing out loud”) – ха-ха-ха; *hop* (от англ. в знач. “прыгать”) – войти в систему дистанционно через другой компьютер и др.

В ходе анализа единиц молодежного сленга нами выделен единичный случай словообразования по морфолого-синтаксическому способу, а именно, конверсия

заимствованного и частично ассимилировавшегося предлога *нем. über* в существительное англ. *uber* – убер (отлично или сильный персонаж (с отличной экипировкой)).

Актуализация сленговых выражений в игровой сфере развивается по двум основным направлениям: проникновение во все разновидности разговорной речи и обогащение за счёт новообразований и заимствований (Менон 2007: 45). Например, глагол *hang up* (англ.) – зависнуть может обозначать не только техническую проблему (“висеть в системе или ожидание действия программы”), но и состояние, когда человек долго не может определиться с выбором или теряется в мыслях – заикливаться. Одним из способов пополнения сленгового фонда оказывается заимствование – перенесение иноязычного элемента (слов, грамматических конструкций, морфем, фонем) из фонда одного языка в другой (Береговская 1996: 33; Словарь социолингвистических терминов; Ахманова 2021: 145; Жеребило), ср.: *uber* (*нем. über*) – убер (отлично или сильный персонаж (с отличной экипировкой)); *gosu* (кит. *gao shou*) – госу / госак (высококвалифицированный игрок) и др. Следует отметить, что заимствование – один из самых продуктивных путей пополнения сленгового фонда русскоязычных геймеров. Одной из причин закрепления заимствованных слов из иных языков в жаргоне геймеров является их лаконизм по сравнению с длинными русскими аналогами, которые, как правило, носят описательный характер и состоят из нескольких слов (Крысин 2008), ср.: *vanilla Minecraft* (англ.) – ванильный Minecraft (оригинальная, немодифицированная версия игры); *cybernaut* (англ.) – кибернавт (любитель виртуальной реальности, человек, проводящий много времени в интернете); *cybercide* (англ.) – киберцид (убийство персонажа в онлайн-игре); *flame* (англ.) – флэйм (оживленное обсуждение какого-либо вопроса в сети, обычно начинающееся с чьего-либо зажигательного письма); *smurf* (англ.) – смурф (геймер с высоким уровнем мастерства, который соревнуется с игроками ниже своего уровня, используя новый “смурф-аккаунт” или чужой аккаунт); *camper* (англ.) – кемпер (игрок в засаде, избравший тактику “валить” других); *toxic* (англ.) – токсик (игрок, который постоянно критикует или высказывает недовольство);

Следующим важным источником формирования фонда молодежного сленга является метафорика. Метафорическое использование языка в молодежном сленге придаёт общению новые смысловые оттенки при создании образов и способствует более яркому выражению эмоций и мыслей, ср.: *bulletproof* (от англ. в знач. “пуленепробиваемый”) – защищенный от хакеров; *dead* (от англ. в знач. “мертвый”) – нерабочий, *blue screen of death* (букв. от англ. “синий экран смерти”) – сообщение о критическом сбое операционной системы; *dog water* (букв. от англ. “собачья вода”) – никчемный (оскорбление игрока в Fortnite); *ghosting* (от англ. в знач. “призрак”) – исчезнуть без предупреждения или уйти по-английски; *bleeding edge* (букв. от англ. “кровотокающий край”) – работать с новым неотлаженным оборудованием; *bug* (от англ. в знач. “жук”) – дефект, ошибка, сбой в аппаратуре или компьютерной программе; *hop* (от англ. в знач. “прыгать”) – войти в систему дистанционно через другой компьютер; *moved to Atlanta* (букв. от англ. “переехать в Атланту”) – при клике на ссылку страница не найдена; *easter egg* (от англ. в знач. “пасхальное яйцо”) – скрытое сообщение; *turtle* (от англ. в знач. “черепаха”) – геймер, который играет в обороне и т.п.

Остановимся на дифференциации сленговых единиц игровой сферы в аспекте лексико-семантической типологизации и выделим:

- заимствования из тематической группы “продукты питания”, ср.: *salty* (букв. англ. “соленый”) – злиться, *cheese* (букв. англ. “сыр”) – нечестный, *easter egg* (англ. в знач. “пасхальное яйцо”) – скрытое сообщение, *vanilla Minecraft* (букв. англ. “ванильный Minecraft”) – ванильный Minecraft (оригинальная, немодифицированная версия игры);

- сленговые единицы со значением “внутриигровые действия”: *farming* (букв. англ. “фермерство”) – фарминг, *babysit* (англ. в знач. “нянчиться”) – бейбиситить (игровой термин в League of Legends для обозначения действий игрока с целью дать преимущества своему дуо-партнеру); *hang* (от англ. в знач. “висеть”) – висеть в системе или ожидание действия программы; *moved to Atlanta* (букв. от англ. “переехать в Атланту”) – при клике на ссылку страница не найдена;

- сленговые единицы для обозначения игроков: *smurf* (англ. “смурф”) – смурф; *camper* (англ. “кемпер”) – кемпер, *toxic* (англ. “токсичный”) – токсик; *tank* (англ. “танк”) – игрок, идущий напролом, невзирая на препятствия и сложности; *cybernaut* (англ. “кибернавт”) – кибернавт.

В области теории перевода и переводоведения важным становится поиск путей транскодирования и передачи молодежного сленга. Перевод молодежного сленга в игровой сфере представляет собой сложную задачу, требующую не только лингвистических знаний, но и глубокого понимания игровой культуры и контекста. Ключевой особенностью является необходимость передать не только значение, но и стилистическую окраску, эмоциональную нагрузку и зачастую юмористический эффект. Неудачный перевод может негативно повлиять на восприятие игры и пользовательский опыт, поэтому в переводческой практике рекомендуется использовать стратегии адаптации, такие как замена на эквивалентный сленг в целевом языке (при его наличии), описательный перевод, или же создание неологизмов, отражающих суть исходного выражения. При адаптации сленга также следует учитывать культурные особенности целевой страны. Переводчику необходимо адаптировать контекст и найти эквивалентные средства выразительности, чтобы сохранить юмористический или эмоциональный эффект. Процесс перевода сленговых выражений требует особого подхода, т. к. сленг обладает своим уникальным семантическим богатством, эмоциональной выразительностью и культурной спецификой.

Рассмотрим основные способы и приемы передачи молодежного сленга. Одним из способов перевода сленга является прямое включение ср: *ИМНО he plays better than you.* – ИМХО он играет лучше тебя (перевод – Е.А. Никулина). Данный прием используется в тех случаях, когда из-за специфического состава или звучания не представляется возможным передача иным способом перевода. Способ прямого (буквального) перевода целесообразно использовать при наличии всех соответствующих эквивалентов слов в языке-реципиенте. Еще одним способом передачи сленговых единиц является свободный перевод, который предполагает передачу основного содержания оригинального текста, но выполнен в условиях переводческого акта на более низком уровне эквивалентности. Например: *GG, do u*

wanna play again? – Хорошая игра, сыграем еще раз? (перевод – Е.А. Никулина). Для адекватной передачи сленговых единиц переводчики прибегают к стилистической компенсации – способу перевода, при котором осуществляется замена элементов, исходного языка другими средствами в соответствии с композиционным характером сообщения. При этом, происходит не только компенсация языковых потерь, но и сохранение стилистической окраски оригинала, ср.: *NP, it wasn't a big deal.* – Нет проблем, было не так уж и сложно (перевод – Е.А. Никулина). Переводческие трансформации дают возможность максимально точно передать все нюансы исходного сообщения, учитывая стилистические особенности оригинала. К переводческим трансформациям, применимым к переводу сленга, относятся: конкретизация (ср.: *Pwned, u have no skillz.* – Ты проиграл, у тебя совсем нет опыта (перевод – Е.А. Никулина); калькирование (ср.: *survival mode* – режим выживания (перевод – Е.А. Никулина); описательный перевод (ср.: *easter egg* – секретный элемент в игре (перевод – Е.А. Никулина), транскрипция и транслитерация (ср.: *хедшот* (от англ. “headshot” [hed ʃɑ:t] – в знач. “выстрел в голову”); *чит* (от англ. “cheat” [tʃi:t] – в знач. “обман, мошенничество”; *дамаг* (от англ. “damage” [ˈdæmɪdʒ] – в знач. “урон”, “повреждение”; *сет* (от англ. “set” [set] – в знач. “набор” и др.).

Резюмируем. Молодежный сленг представляет собой эмоциональную речь, свободную от литературных норм, которая служит средством эффективного взаимодействия участников коммуникации в игровой сфере. Находясь в постоянном развитии, сленг подвергается влиянию социокультурных изменений и новых технологических реалий. Его гибкость позволяет адаптироваться к меняющемуся миру и реагировать на актуальные тренды. Интенсивность пополнения лексикона геймеров связана с развитием электронных технологий и виртуальных коммуникаций. Основными способами номинации, типичными для образования молодежного сленга, являются: аббревиация (акроним), сокращение, словосложение и аффиксация; а также заимствования, метафорика и омонимия. На сегодняшний день сленг продолжает оставаться весьма сложным и недостаточно изученным аспектом в рамках теории и практики перевода. Это в первую очередь связано с разнообразием и многогранностью самого понятия «сленг», а также с отсутствием устоявшейся традиции перевода этого сегмента лексики в практике российской переводческой деятельности. При переводе сленговых выражений важно учитывать контекст их употребления. Большинство сленгизмов характеризуется подвижностью и стилистической выразительностью, что, в свою очередь, усложняет процесс их перевода.

ЛИТЕРАТУРА

Агейкина А. В., Тарарина Л. И. Проблема употребления и перевода на русский язык игровых терминов из многопользовательских игр // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием. В 2-х частях, Комсомольск-на-Амуре, 21–23 ноября 2022 года. С. 5-9.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Ленанд, 2021. 576 с.

Багдасарова Э.В. Структурные особенности американского Интернет-сленга // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 9, ч. 2. URL: <https://clck.ru/3LiN5a> (31.10.2024).

Беляева Т.М., Хомяков В. А. Нестандартная лексика английского языка. М.: Либриком, 2010. 138 с.

Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32-41.

Бочеева А.А., Тарасенко В.В. Особенности перевода игрового сленга с английского языка на русский (на материале компьютерной игры day by Daylight) // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира: Сборник материалов XV Международной студенческой научно-практической конференции, Комсомольск-на-Амуре, 25 апреля 2024 года. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2024. С. 52-62.

Буряк Н.Ю. Игровой сленг как новая форма коммуникации в современном мире // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5-6(92). С. 21-23.

Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка: опыт систематизации выразительных средств. М.: КД Либроком, 2016. 375 с.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. URL: <https://clck.ru/3LiNEc> (03.11.2024).

Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 311 с.

Менон Р.Н. Устойчивые единицы русского сленга // Мир русского слова. № 1–2. 2007. С. 45-48.

Николаева Т.А., Заeko О.В. Обзор интернет-ресурсов, применяемых в процессе обучения английскому языку // Научные труды Московского гуманитарного университета, 2020. С. 20-27.

Оберемченко Е.Ю., Дудина А.А. Молодежное аргo в функциональном и переводческом аспектах (на материале англоязычных и немецкоязычных форумов) // Гуманитарные и социальные науки, 2022. Т. 93. № 4. С. 73-78.

Словарь социолнгвистических терминов. URL: <https://clck.ru/3LiNCR> (03.11.2024).

Eble C. Slang and sociability. L.: UNC Press Books, 1996. 244 p.

Partridge E. Slang To-Day and Yesterday. London: Routledge, 2015. 488 p.

© Обухова О.Н., Никулина Е.А., 2025

THE PHENOMENON OF CONCEPTUAL INTEGRATION IN ALLUSIONS

Abstract. Under the framework of the anthropocentric paradigm, the research fields in linguistics have taken a radical turn and enlarged their scope as well as areas of investigation. The study of human factors influencing language usage is being held from different perspectives and along with traditional methods of analysis, newly emerging research methods are being applied in linguistic explorations as well. One of such language means which has been a subject to a line of scientific studies is allusion and it has been under the spotlight of such disciplines as stylistics, text linguistics, cognitive linguistics, linguopragmatics and cultural linguistics. The focus on allusions as a figurative means of language used to indirectly refer to a person, object, place or event has been switched onto the other issues which are entailing the consideration of wider scale approaches to the analysis of this stylistic device. This article sheds light on the religiously marked allusions, their denotation, functions, conceptual significance in the literary text and ways of analyzing and interpreting them from the perspectives of cognitive linguistics. To reveal the conceptual significance of religiously marked allusions in the literary text, the cognitive mechanism of conceptual blending is implemented in the research. According to the results of the analysis, allusions obtain new conceptual senses by activating a specific event, object, or personage anew in the text and the blending theory can effectively be applied in decoding the implicit message conveyed by allusions.

Key words: allusion; religiously marked allusion; conceptual integration; implicit message; precedent text; recipient text; mental spaces.

About the author: Fayzullaeva Mukhayyo Rakhmatillaevna, PhD, Senior Teacher, Department of Linguistics and English literature, Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan; ORCID: 0000-0002-4557-912X

Contact information: 100173. 21A. G-9A, St. Kichik Halqa yoli. Tashkent, Uzbekistan. Eel: +998977572706; e-mail: muhayyo_uzswlu2706@mail.ru

Файзуллаева М.Р.

ФЕНОМЕН КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АЛЛЮЗИЯХ

Аннотация. В рамках антропоцентрической парадигмы исследовательские направления в лингвистике радикально изменились и расширили свои рамки, а также области исследования. Изучение человеческих факторов, влияющих на использование языка, проводится с разных точек зрения, и наряду с традиционными методами исследования и анализа в лингвистических изысканиях применяются новые методы исследования тоже. Одним из таких языковых средств, которое стало предметом ряда научных исследований,

является аллюзия, и оно находится в центре внимания таких дисциплин, как стилистика, лингвистика текста, когнитивная лингвистика, лингвопрагматика и лингвокультурология. Внимание, уделяемое аллюзии как образному средству языка, используемому для косвенного указания на человека, предмет, место или событие, переключилось на другие вопросы, которые влекут за собой рассмотрение более масштабных подходов к анализу этого стилистического приема. В данной статье разъясняются религиозно маркированные аллюзии, их определение, функции, концептуальное значение в художественном тексте и способы их анализа и интерпретации с позиций когнитивной лингвистики. Для выявления концептуального значения религиозно маркированных аллюзий в художественном тексте в исследовании использован когнитивный механизм концептуальной интеграции. Согласно результатам анализа, аллюзии приобретают новые концептуальные смыслы, заново активируя определенное событие, объект или персонажа в тексте, и теория концептуальной интеграции может эффективно применяться для расшифровки имплицитного сообщения, переданного аллюзиями.

Ключевые слова: аллюзия; религиозно маркированная аллюзия; концептуальная интеграция, имплицитное сообщение; прецедентный текст; текст-реципиент; ментальные пространства.

Об авторе: Файзуллаева Мухайё Рахматиллаевна, доктор философии по филол. н. (PhD), старший преподаватель кафедры лингвистики и английской литературы, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан; ORCID: 0000-0002-4557-912X

Контактная информация: 100173, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Кичик Халка Йули. Квартал Г9А, д.21А. Узбекский государственный университет мировых языков. Тел: +998977572706; электронная почта: muhayyo_uzswlu2706@mail.ru

Introduction. Allusion, the subject of study in the fields of linguistics, stylistics, literature and translation studies, has been defined from different perspectives so far. In Linguistic encyclopedic dictionary, the term allusion is delineated as a hint to a well-known literary and historical fact (LED 1990). An extensive denotation is provided in the Dictionary of Foreign Words: 1. Correlation of what is described or what is happening in reality with a stable concept or phrase of a literary, historical or mythological origin. 2. In fiction, oratorical and colloquial speech - one of the stylistic figures: a hint to the real political, historical or literary fact that is assumed to be well-known (СИС 1989). I.R. Galperin considers allusion to be an “indirect reference, by word or phrase, to historical, literary, mythological, biblical facts or to the facts of everyday life made in the course of speaking or writing. The use of allusion presupposes the background knowledge of the event, thing or person alluded to on the part of the reader or listener” (Galperin 1977:334). D.U. Ashurova defines the term from the perspectives of cultural studies and cognitive stylistics. According to her, allusion is a cognitive and culture relevant linguistic unit, that bears conceptual and cultural information and thus serves as one of the objects of investigation within linguoculturology. She proceeds explicating the term by asserting that “In terms of cognitive stylistics the allusive process is presented as a comparison or contrast of two referent situations, one

of which is verbalized on the surface layer of the text, and the other is supposed to be in the person's mind" (Ashurova 2015). An important feature attached to allusion is its depiction as a mechanism activating certain knowledge structures when encountered in the text (Ashurova 2015).

Generalizing all of the definitions, the term "allusion" can be defined as follows: a culturally and conceptually significant linguistic unit that is ascribed as an indirect referent to a person, place, thing and/or event of literary, religious, historical or mythological significance.

Allusions are prescribed an immense role in the literary text: they are used to get a grasp over certain situations, narrated or described in the text and offer an integral insight to the reader. As many scholars state, allusions fulfill different functions in the literary text: 1) allusions serve as a means of foregrounding at the textual level, calling forth the reader's attention to a particular fragment of the text; 2) allusions function as a conceptually significant unit, activating different knowledge structures of religious, mythological, literary on the basis of intertextuality; 3) allusions establish intertextual relationships between the precedent text and the recipient text; 4) allusions function in text as implicatures, the correct interpretation of which, helps to reveal conceptual information laid on the basis of literary work (Kristeva 1980; Ashurova, Galieva 2016, 2018; Dusabaeva 2009; Molchanova 2007, Piege-Gro 2008; Fateeva 2000). The semantic layer of allusion is considered to have fulfilled the stylistic and cognitive task assigned to it, if it does not result in pragmatic failure with its representation in the literary text: it should equally be comprehensible to the reader as is initially aimed by the author. Most importantly, the correct interpretation of the allusion depends on the level of the background knowledge of the reader. As a matter of fact, unlike descriptive language means which are usually made use of to form priorly not known, new relations by being applied to certain objects, people, events in poems or other literary works, allusions, on the contrary, oblige the reader to make use of the existing blocks of information regarding certain objects, people or events. Suffice to say, the addressee is ascribed as the decoder of implicit message, as long as he/she has enough background information of non-linguistic character necessary for the revelation of the disclosure created due to the usage of allusion.

Having enlisted some of the functions of allusions above, we dare to come up with two more no less important functions performed by allusions: 1) allusions create a constant associative attachment to the precedent text, by activating knowledge structures kept in our conceptual worldview referring to both the source and recipient texts; 2) allusions are assigned as means of indirect conveyance of the author's modality in the literary text and its correct interpretation remarkably contributes to the successful revelation of the author's individual world picture. To attain this, the addressee is supposed to have sufficient extralinguistic knowledge to decode and interpret the hidden message that the speaker/writer is trying to convey through specially polished language units.

According to the type of referred source, historical, literary, religious and mythological allusions are distinguished (Galperin 1977; Ashurova, Galieva 2016; Dusabaeva 2009). Within the scope of the current research, religiously marked allusions and their conceptual significance in the literary text are intended to be under thorough consideration.

Religiously marked allusion is a cognitively significant linguistic phenomenon that encompasses religious knowledge structures in its semantic layer and animates them in the process of the addressee's interaction with the precedent text (Galieva 2018). It presents implicit transfer and attachment of the qualities belonging to the heroes, objects and events of religious origin making them equivalent correspondents to those in the text receiver.

Religiously marked allusions embody large-scale encyclopedic information, albeit in small quantities (word, phrase, phraseological unit). As a matter of fact, even presented in the form of the smallest language unit – word, it encodes a considerable amount of information related to the precedent text. To put into simple words, regardless its condensed form, religious allusions can refer to entire texts (Galieva 2018).

When highlighting the cognitive aspect of religiously marked allusions, it is of huge significance to remark that along with conveying information of religious character they bear the potential to carry cultural information about this or that nation: religiously marked allusion is seen as a cultural element, i.e. a linguocultural unit (Ashurova, Galieva 2016). All of these reflect cultural markedness of the religious allusions. Thus, religiously marked allusions require the addressee to be engaged not only in cognitive activity but also in the interpretation of cultural information that might only be realized through the activation of the reader's cultural literacy and individual conceptual world picture.

The role of religiously marked allusions in the literary text as intertextual markers is of paramount importance, as they build an associative bridge between the source and recipient texts, and activate entire precedent situation in the mind of the reader. In the obtained allusive process, two situations, objects or people are compared or contrasted, and the results of contradictions or comparisons affix a new conceptual significance to the literary text, as a consequence, the reader acquires the sequences of events as an integral whole: the insights are gathered firstly on the basis of the outer layer of the text verbalized via linguistic units, and secondly on the basis of the conceptual display of the world collected in the human mind. The process in which a new conceptual essence evolves is accredited as conceptual integration (blending).

The aim of the current article is to reveal the cognitive mechanism of allusion construction and analyze textual representation of religiously-marked allusion in the framework of conceptual integration theory. Thus, proving that allusion is not just a stylistic figure used as a means of decoration but is a linguistic phenomenon characterized by cognitive significance, representing knowledge about the world and projecting this knowledge from one conceptual domain to the other.

Methods. The main research methods include: 1) associative analysis, aimed at identifying associative links of the allusions under research; 2) intertextual analysis, revealing intertextual signals and the relationships between precedent and recipient texts; 3) etymological analysis, focusing on establishment of the sources of allusions used in the literary text; 4) conceptual blending analysis, identifying interconceptual links between the two conceptual inputs aimed at revealing the blend, formed in the result of the projection of one conceptual domain on the other.

Results and Discussion. Conceptual integration theory, proposed by G. Fauconnier and M. Turner and further developed by Coulson and Oakley, postulates that conceptual blending is a

mental operation, that “makes new meanings out of old” (Fauconnier, Turner 2002: 18). According to G. Fauconnier and M. Turner (2002: 44) constructing an integration network is a cognitive activity which “involves setting up mental spaces, matching across spaces, projecting selectively to a blend, locating shared structures, projecting backwards to inputs, recruiting new structure to the inputs or the blend, and running various operations in the blend.” To put into simpler words, generating mental spaces, connections between input domains and creating blended spaces set up a new conceptual integrity and insight, new meaning and novel associative fields. Mental spaces constitute important functioning elements of conceptual blending and they are utilized to categorize and organize “incoming pieces of information within the referential representation” (Coulson, Oakley 2000: 177). Fauconnier and Turner assert that mental spaces consist of elements that are usually presented as frames that are interrelated with each other and may undergo some amendments as thought and discourse change.

The basic mental spaces involved in the process of conceptual integration are conceptual domains, generic space and the blend itself. Below we intend to briefly define each mental space so as to achieve full comprehension over the constituents of blending process. Conceptual (input) domains are the sources that comprise and present totality of knowledge structures out of which further related concepts are drawn. In some cases, input domains are necessitated to be distinctively divided into source and target domains: the former provides background knowledge against which the latter is described, perceived and understood. In the process of conceptual integration, the two domains are incorporated via generic space. This mental space is of huge importance in the blending procedure as it imparts basis for uniting the input domains by bringing together common grounds between them. On the basis of the found correspondences, the blend, a new conceptual meaning turns up. Interestingly, the blended space bears relatively similar elements of both inputs, but at the same time it goes through some modifications as the result of which the integrity of the input domains obtains previously undesignated attributes and as a consequence, a novel meaning is created.

Noteworthy, allusions are based on the mechanism of conceptual integration. The semantics of allusion incorporates the knowledge structures belonging to the conceptual worldview of both the precedent and the recipient text. At the same time, the conceptual meaning, formed as a result of the integration of the associations related to the source text and separate components of the target text, is transferred to the intertext. As a result, the allusion acquires new semantic integrity, descriptive, and figurative properties by activating a specific event, object, or personage anew.

Further we intend to analyze the religious allusions that are based on the mechanism of conceptual integration in the literary texts via the thorough explication of the story “Mammon and the archer” by O’ Henry.

As O’ Henry’s short stories are well-known for the endings that are impossible to anticipate, this story is no exception too. The story narrates about the everlasting battle between the material and spiritual worlds, but the author leaves it at the reader’s disposal to draw conclusions over the winning side: though at first glance, it seems as if financial prosperity overstated its dominance, without the specific conditions created by love, the story would not happen to have a happy end

indeed. So as to reveal conceptual information hidden in the story, it is expediently important first to bring the factual information to the fore.

Mr. Rockwall, a rich soapmaker has always relied on the power of wealth claiming that money can buy everything, even love. He wants his son to suit his status and behave as rich gentlemen. However, Richard, Mr. Rockwall's son, who is characterized as an insecure, reluctant and reserved young man, does not place the same high estimation over the material wealth as his father does. Instead, being in love with Miss Lantry and failing to tell her about his love directly, Richard tries to ensure Mr. Rockwall that money is powerless to buy love of his life. Few days before Miss Lantry's departure from the city, Richard gets a chance of accompanying her to the theatre where she intends to join her family. A sudden drop of the ring that Richard has been presented by his aunt, makes them stop and a little later the coach gets stuck in the traffic jam being unable to make its way to the destination. Despite the encountered inconvenience, the lady turns out to be not so sad about the traffic jam: she confesses about her disinterest in the theatre. Richard who has long intended to have some time with his beloved in private, takes over the chance of saying a word of love to Miss Lantry. The news about their engagement reaches Mr. Rockwall quite soon He remains in complete indifference to the news as he turns out to be the initiator of the artificial traffic jam. Mr. Rockwall once again assures himself how powerful money is, which could buy love for his son. The reader can get to know about the self-assurance of the main hero by his inquiry from the hireling named Kelly about 'a fat naked boy', the portrayal of the character known in Roman mythology Cupid, the idol of love. The man equates his absence to the inexistence of the strength of love.

Though the story is entitled "Mammon and the Archer", the reader does not encounter the interference of such characters throughout the text. It might be explained by the fact that the whole conceptual significance of the literary text is compressed within the title in the form of these two allusions "Mammon" and "the Archer", and despite their total absence in the flow of events, the entire plot is built upon the conceptual significance of concepts "Wealth" and "Love" that they represent and which in the content of the story become binary oppositions (Galieva 2014) . To decode the implicit conceptual sense constructed by the title, we need to first examine each component of it.

Generally, the term "Mammon" dates back to biblical days and stands for the notions of money and wealth. According to the dictionary of Merriam Webster, the term "mammon" is defined as "material wealth or possessions especially as having a debasing influence", similarly Britannica interprets it as "biblical term for riches, often used to describe the debasing influence of material wealth". Originally, the term itself comes from the Greek word "mammonas", which is translated as "money, wealth, and material possessions". The word "Mammon" appears with the same denotations but obtains negative connotations in Bible: "passion towards the possessions of this world, gluttony, greed, and dishonest worldly gain". Such depictions of Mammon can be evidenced by the following biblical verse, which was uttered by Jesus in his Sermon to the disciples:

"No one can serve two masters; for either he will hate the one and love the other, or else he will be loyal to the one and despise the other. You cannot serve God and mammon. "Therefore I say

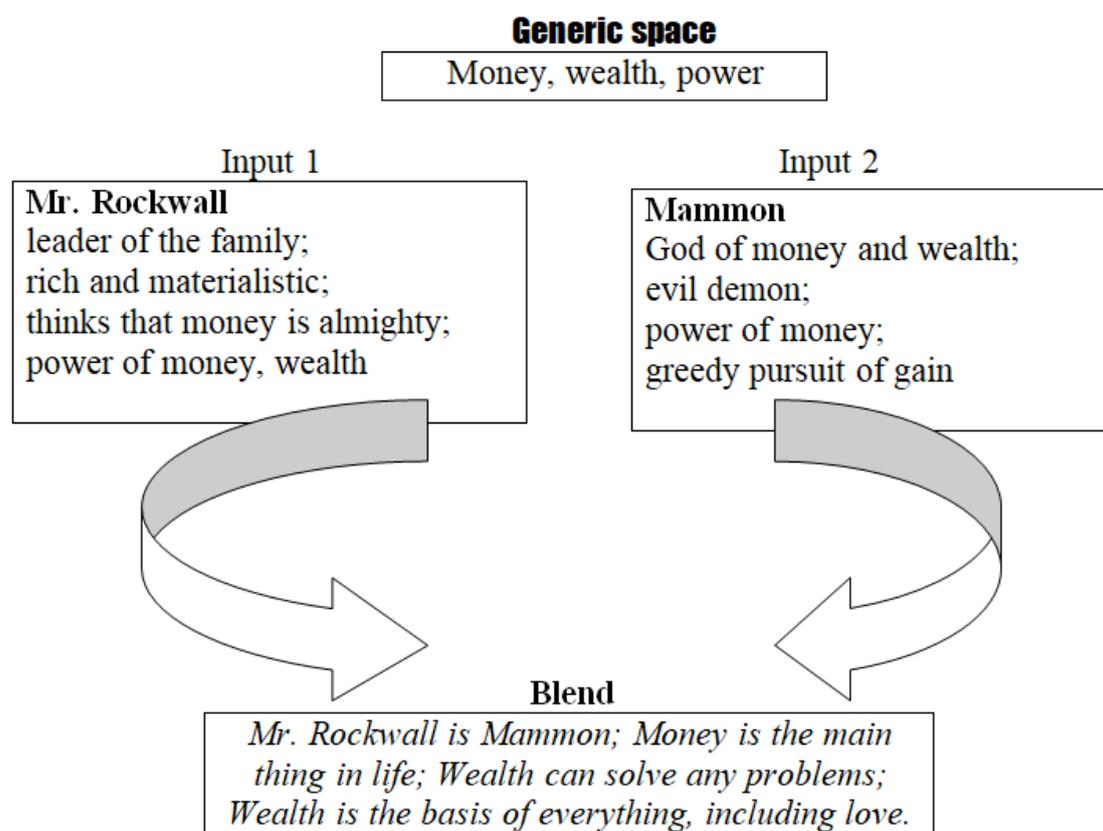
to you, do not worry about your life, what you will eat or what you will drink; nor about your body, what you will put on. Is not life more than food and the body more than clothing? (Matthew 6:24-25)

In his speech, Jesus asserts that one fails to have two springs of love to both God and Mammon (worldly wealth) at a time. This is because those who prioritize gaining wealth in this transient life which is viewed as moral darkness, they surrender themselves with the concerns of materialism, leaving no room for the love towards God in their hearts. So the main inference that can be deduced from the verse is that righteous person sincerely and loyally serving God does not let worldly desires to take over dominance.

As the notion of “Mammon” is synonymously interchanged with the concept of “Money”, undeniably important it is to present the associative fields explicating the lexeme “Money”. The assemblage of the following connotations in the “Rogiet’s Thesaurus of English words and phrases” was constructed to establish denotative meaning of the concept of “Money”: *lucre, pelf, Mammon, wealth, currency, precious metal, gold, silver, pocket money, account, bank, capital, purse, power of the purse, almighty dollar, gold standard, the best, blunt, cash, treasure, money power, financial world, pound, shilling, six-pence, paper money, treasury note, dollar, rich man, moneyed, capitalist, riches, luxury, solidity, fortune, millionaire, wealthy.*

Meanwhile, in the story “Mammon and the Archer” the term Mammon is equated to the concept of “money” too and the following connotations ground the associative links between these two lexemes *rich, gentleman, money, buy one’s time, gold, power, pay, spend, dollar, cent.*

Mr. Rockwall thinks highly of materialism underestimating spiritual values and, in this extent, it can reasonably be claimed that Mr. Rockwall appears in the role of Mammon in the text. If the definitional meaning of the word “Mammon” is compared with the characteristic traits of Mr. Rockwall, alike lines can be drawn. In fact, the implicit integration between the character of Mr. Rockwall and the allusion of Mammon forms a conceptual blend and serve to reveal conceptual significance of the title from one side by now:

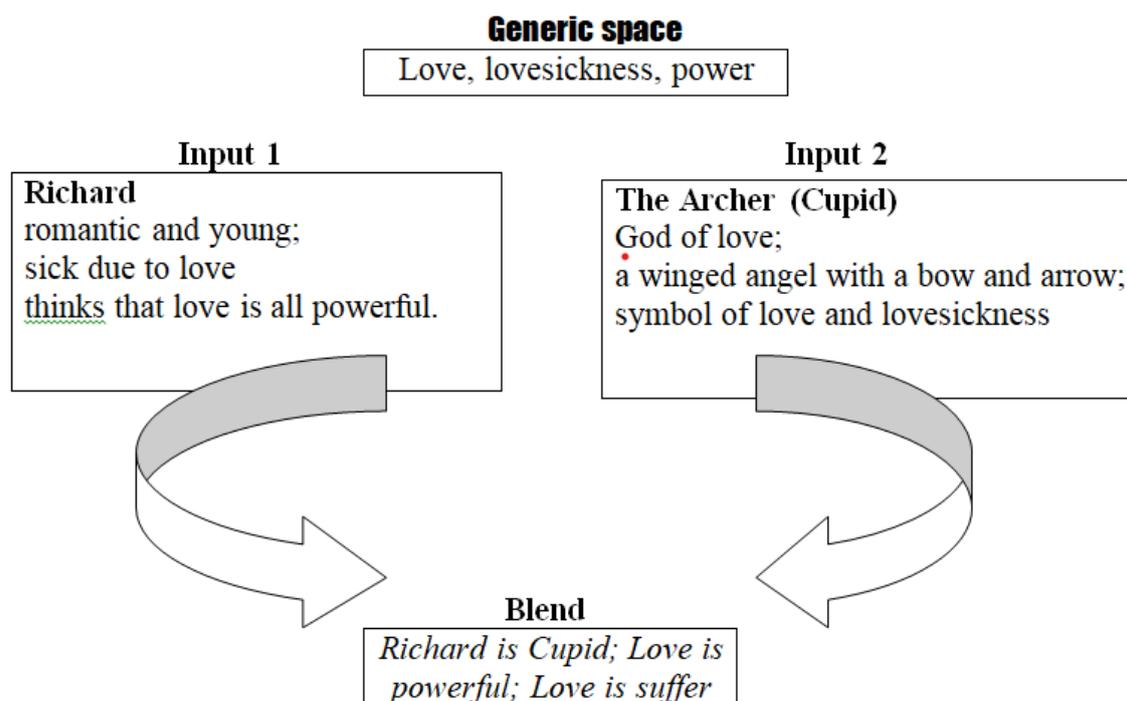
On the other hand, the second unity of the characters, Richard, Mr. Rockwall junior and Ellen, Mr. Rockwall's sister assure that *“money can't help”, “money won't buy time”, “Money is nothing”*.

The other no less important character opposing to the material world and fighting against its devaluation in the story is the archer. The term “archer” possesses almost the same denotations in the dictionaries: “a person who uses a bow and arrow” (Merriam Webster); “someone who shoots arrows from a bow” (Macmillan); “someone who shoots arrows using a bow” (Collins English dictionary).

In myths, the archer is depicted as someone carrying a bow and an arrow too, however, in mythology, the term “archer” obtains additional symbolism: it is the portrayal of passionate love. The best-known archers in classical mythology are Cupid and Eros, Roman-Greek gods of love. He is usually depicted as a winged angel with a bow and arrow. Cupid is believed to locate strong affection in the heart of the person, whom he strikes with his heart shaped arrow. This very interpretation of the term is the most relevant stance in the analysis of the story “Mammon and the Archer”. In fact, the term “archer” connotes the concept of LOVE in the story being analyzed just in the same way that Roman mythology narrates about. In the “Roget's Thesaurus of English words and phrases” the associative fields defining the concept of LOVE are developed as follow: *affection, friendship, Eros, true love, real thing, feeling, kindness, fondness, liking, attachment, devotion, lovesickness, Cupid's sting, passion, love god, Cupid, cupidon.*

The following linguistic means serve for the revelation of the thematic implicature formed by the term “the archer” in the story: *sickness, love, lovers, happiness, powerful, old gold ring, love ring, true love, lover, to be married, a little fat boy with arrows, Cupid, arrows, powerful.*

First, having activated mythological knowledge structures that assisted to remind of Cupid's representation in myths, second, after getting to know that Richard does not take after his father and he is not in the same high thought of money and wealth like his father is, the main inference that can be deduced is the fact that Richard and Cupid, both symbolize the concept of LOVE and the blend that can be obtained from the integration of representational characteristic traits of these literary and mythological characters urges that it is love which is powerful and money cannot buy it.

In brief, adequate interpretation of knowledge structures immensely contributes to the comprehensive explication of the title and enables the reader to attain a full understanding over the conceptual essence of the story.

Conclusion. Summarizing all the data imparted above, the following major implications can be pinpointed below:

- allusion is a conceptually and culturally significant language unit that activates non-linguistic knowledge structures of religious, cultural, literary, mythological, historical character;
- allusion, as an intertextual marker, requires co-functioning of the precedent and recipient texts foregrounding conceptually significant information;
- allusions are based on the mechanism of conceptual integration giving opportunity to explicate additional implicit conceptual information laid on the basis of the fictional text;
- religiously marked allusion regardless its compact form condenses a large amount of extralinguistic and encyclopedic information of mythological-religious character.

REFERENCES

Ashurova D.U. Knowledge and its linguistic representation // Xorijii filologia: til, talim, adabiyot. Samarkand, 2015. № 3 (40). (In Eng.).

Ashurova D.U., Galieva M.R. Cognitive linguistics. Tashkent: Vneshinvestprom, 2018. (In Eng.).

Ashurova D.U., Galieva M.R. Stylistics of literary text. Tashkent: Turon-Iqbol, 2016. (In Eng.).

Coulson S., Oakley T. Blending Basics // Cognitive linguistics. 2000. № 11(3/4). Pp. 175-196. (In Eng.).

Dusabayeva A.A. Lingvokognitivnaya i intertekstualnaya sushnost allyuzii v angliyskom yazike: Avtoref. diss... kand. filol. nauk. Samarkand, 2009. (in Russ.).

Fateyeva N.A. Kontrapunkt intertekstualnosti, ili Intertekst v mire tekstov. M.: Agar, 2000. (in Russ.).

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books? 2002. (In Eng.).

Galiyeva M.R. Kognitivniy prinsip binarnosti v religioznoy kartine mira // Kognitivnaya lingvistika. Nauchno-teoreticheskiy jurnal. Tambov, 2014. №2. S.56-65. (in Russ.).

Galiyeva M.R. Teolingvistika: istoki, napravleniya, perspektivi. Tashkent: Vneshinvestprom, 2018. (in Russ.).

Galperin I.R. English Stylistics. 3rd edition, Moscow: Visshaya shkola, 1981. (In Eng.).

Kristeva J. Word, Dialogue, and Novel. Desire and Language. Ed. Leon S. Roudiez. Trans. Thomas Gora et al. New York: Columbia UP, 1980. (In Eng.).

Molchanova G.G. Angliyskiy yazik kak nerodnoy. Tekst, stil, kultura, kommunikatsiya. M.: Olma Media Grupp, 2007. (in Russ.).

Pege-Gro N. Vvedeniye v teoriyu intertekstualnosti. M.: Izdatelstvo LKI, 2008. (in Russ.).

SOURCES

Collins Cobuild English Language Dictionary. London, Glasgow: Collins, Stuttgart, Klett, 1987. 1702 p.

Lingvisticheskiy Entsiklopedicheskiy Slovar'. Gl. red. V. N. Yartseva. 2-ye izd. Moscow: SE., 1990.

Macmillan Dictionary of English. Macmillan Publishers Ltd. URL: <https://clck.ru/3LiNoi>

Merriam Webster's Collegiate Thesaurus. Springfield, Massachussets: USA, 1988. 712 p. URL: <https://clck.ru/3LiNne>

O'Henry. Mammon and the Archer. URL: <https://clck.ru/3LiNkn>

Roget's New Millenium Thesaurus. 1st edition. Copyright by Lexico Publishing Group, LLC. URL: www.thesaurus.reference.com

Slovar' inostrannykh slov. Moscow: Russkiy yazyk, 1989.

ДИНАМИКА И АДАПТАЦИЯ ПЕРЕВОДА В ЭКСКУРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КУЛЬТУРНЫЕ ЛАКУНЫ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению динамики и адаптации устного перевода в экскурсионной деятельности с учетом локализации культурных реалий, устранения информационных лагун и обеспечения эффективной межкультурной коммуникации. Особое внимание уделено анализу различных типов экскурсий (исторических, этнографических, гастрономических, промышленных) и специфике перевода, связанной с каждой из них. Цель исследования – выявить ключевые стратегии адаптации устного перевода, повышающие качество экскурсионного обслуживания для иностранных туристов, особенно в контексте экскурсий по Северо-Востоку России. Методологическая основа исследования включает сравнительно-аналитический метод, метод дискурс-анализа. В качестве эмпирического материала рассматриваются экскурсионные тексты, связанные с природными особенностями региона, традиционным образом жизни эвенов, коряков, ительменов, историей освоения Колымы. Анализируется влияние перевода на восприятие информации туристами и выявляются типичные ошибки, ведущие к коммуникативным сбоям. Результаты исследования показывают, что успешный перевод экскурсионного материала требует применения различных адаптивных стратегий в зависимости от тематики экскурсии. Для этнографических экскурсий ключевую роль играет пояснительный перевод и культурная интерпретация, для исторических – точная передача реалий с учетом различий в историческом опыте, для природных маршрутов – использование аналогий и адаптация терминологии. Сделан вывод о необходимости гибкого подхода к экскурсионному переводу и интеграции адаптивных стратегий для повышения качества межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: экскурсионная деятельность; локализация; функциональный аналог; Северо-Восток России; межкультурная коммуникация.

Сведения об авторе: Шерстнева Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии Северо-Восточного государственного университета; ORCID 0000-0003-0083-4884.

Контактная информация: 685000, г. Магадан, ул. Набережная реки Магаданки, д. 55, корп. 2, кв. 4. Тел. 89148524477; e-mail: mountaincrystal@mail.ru

E.S. Sherstneva

**DYNAMICS AND ADAPTATION OF TRANSLATION IN EXCURSION ACTIVITIES:
CULTURAL GAPS, LOCALIZATION AND INTERCULTURAL COMMUNICATION**

Abstract. The article is devoted to the study of the dynamics and adaptation of oral translation in excursion activities, taking into account the localization of cultural realities, the elimination of information gaps and ensuring effective intercultural communication. Particular attention is paid to the analysis of various types of excursions (historical, ethnographic, gastronomic, industrial) and the specifics of translation associated with each of them. The purpose of the study is to identify key strategies for the adaptation of oral translation that improve the quality of excursion services for foreign tourists, especially in the context of excursions in the North-East of Russia. The methodological basis of the study includes a comparative analytical method, a discourse analysis method. As empirical material, excursion texts related to the natural features of the region, the traditional way of life of the Evens, Koryaks, Itelmens, the history of the development of Kolyma are considered. The influence of translation on the perception of information by tourists is analyzed and typical errors leading to communication failures are identified. The results of the study show that successful translation of excursion material requires the use of various adaptive strategies depending on the topic of the excursion. For ethnographic excursions, explanatory translation and cultural interpretation play a key role, for historical excursions – an accurate transfer of realities taking into account the differences in historical experience, for nature routes – the use of analogies and adaptation of terminology. A conclusion is made about the need for a flexible approach to excursion translation and the integration of adaptive strategies to improve the quality of intercultural communication.

Key words: sightseeing; localization; functional analogue; North-East of Russia; intercultural communication.

About the author: Sherstneva Ekaterina Sergeevna, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, FSBEI HE “North-Eastern State University”; ORCID 0000-0003-0083-4884.

Contact information: 685000, Magadan, 55 Naberezhnaya reki Magadanki Street, building 2, apt. 4 tel. 89148524477; e-mail: mountaincrystal@mail.ru

Современная экскурсионная деятельность представляет собой сложный процесс межкультурной коммуникации, в котором устный перевод играет ключевую роль в передаче информации о культурных, исторических и природных объектах. Динамика и адаптация устного перевода в данной сфере обусловлены множеством факторов, включая лингвокультурные различия аудитории, специфику экскурсионного контекста, а также необходимость оперативной интерпретации смыслов. Эффективность экскурсионного перевода во многом зависит от способности переводчика адаптировать информацию,

устраняя семантические и прагматические лакуны, возникающие при передаче специфических реалий и культурно маркированной лексики.

Одним из ключевых аспектов экскурсионного перевода является локализация контента, которая предполагает не просто буквальную передачу информации, но её адаптацию с учётом фоновых знаний и когнитивных ожиданий целевой аудитории. В отличие от традиционного перевода, локализация в экскурсионной практике требует глубокой интерпретации культурных феноменов, что особенно важно при работе с историческими текстами, аутентичными названиями и национально-специфическими концептами. Неспособность правильно адаптировать такие элементы может привести к коммуникативным сбоям и затруднить процесс усвоения информации туристами.

В исследованиях, посвящённых переводу туристических текстов, подчёркивается необходимость ориентирования перевода на целевую аудиторию, сохранения рекламного характера оригинала, а также понимания переводчиком и специалистом по локализации структурно-композиционных и лингвостилистических особенностей таких текстов, обусловленных их стилевым разнообразием (Зими́на 2015; Насонова, Привалова 2013; Никитина 2019).

Особое внимание в экскурсионной практике следует уделять переводческим ошибкам, которые могут проявляться на различных уровнях: лексическом (неверный выбор эквивалента при передаче реалий), семантическом (искажение смысла высказывания), прагматическом (отсутствие учёта культурного контекста) и когнитивном (несоответствие ожиданиям слушателей). Эти ошибки могут не только исказить представление о достопримечательностях, но и нарушить общий экскурсионный нарратив, снижая уровень вовлечённости аудитории.

Таким образом, в рамках данной статьи планируется рассмотреть динамику устного перевода в экскурсионной деятельности, а также основные стратегии его адаптации в зависимости от аудитории и контекста. Особое внимание будет уделено межкультурным аспектам экскурсионного перевода, влиянию локализационных процессов на восприятие туристической информации и способам устранения переводческих лагун. Анализ данных вопросов позволит выявить оптимальные подходы к экскурсионному переводу, способствующие улучшению качества туристических услуг и усилению межкультурного взаимодействия.

Обратимся к определению ключевых стратегий адаптации перевода в зависимости от аудитории и контекста.

Как известно, экскурсионный устный перевод в отличие от традиционного устного перевода, динамичен, насыщен локально значимыми реалиями и требует мгновенной адаптации в зависимости от аудитории и экскурсионного контекста. Ошибки в адаптации перевода могут привести к информационным лагунам, коммуникативным сбоям и снижению качества экскурсионного обслуживания.

Рассматриваемая проблема особенно актуальна в условиях глобализации туристической индустрии, когда экскурсоводы и переводчики работают с

мультикультурными группами, имеющими разный уровень подготовки и ожиданий (Волкова, Новикова 2018). В связи с этим возникает необходимость выработки эффективных стратегий адаптации, обеспечивающих точность и доступность передачи информации.

В зависимости от определенных характеристик аудитории и контекста взаимодействия в переводе могут применяться различные стратегии адаптации перевода. Использование той или иной стратегии предполагает не просто механическую передачу информации, а её целенаправленную модификацию с учётом когнитивных, лингвокультурных и прагматических факторов.

– *Лингвистическая адаптация*: когнитивные различия и уровень владения языком.

Одним из важнейших аспектов экскурсионного перевода является учет языковой компетенции аудитории. Туристы могут быть носителями языка, людьми с продвинутым или базовым уровнем владения, а также вовсе не владеть языком экскурсии. Соответственно, стратегии перевода варьируются:

а) Упрощение синтаксических конструкций для слушателей с низким уровнем владения языком. Например, при экскурсии по Лувру вместо фразы “The Venus de Milo is a Hellenistic sculpture from the 2nd century BC, attributed to Alexandros of Antioch” уместнее сказать “The Venus de Milo is an ancient Greek statue, made around 2,000 years ago”;

б) Использование парафразы и аналогий. В русскоязычной экскурсии по Вестминстерскому аббатству для слушателей, не знакомых с английскими монархическими традициями, можно объяснить титул “Poet Laureate” как «официальный придворный поэт, аналог Пушкина при дворе Николая I»;

в) Сокращение информации. Для детской аудитории сложные исторические события можно передавать через образы. Например, при экскурсии в Тауэре вместо сухого факта о казни Анны Болейн можно сказать: “She lost the king’s love, and then... lost her head too”.

– *Культурная адаптация*: устранение лакун и учет ментальных различий.

Культурные лакуны представляют собой значительные барьеры в экскурсионном переводе. В различных культурных традициях аналогичные явления могут восприниматься по-разному, что требует особых переводческих решений.

Для иллюстрации подобного факта адаптации используем следующие примеры:

а) Именные лакуны. На экскурсии по Московскому Кремлю для англоязычных туристов имя Иван Грозный часто вызывает неверные ассоциации. Буквальный перевод Ivan the Terrible создает впечатление его крайней жестокости, тогда как в русском языке «Грозный» означает скорее «могучий, внушающий страх». В данном случае возможна адаптация: “Ivan the Formidable, known in the West as Ivan the Terrible”;

б) Исторические лакуны. При переводе экскурсии по Стоунхенджу на русский язык можно столкнуться с необходимостью адаптации концепта “Druids”. В англоязычной культуре они воспринимаются как древние жрецы, связанные с природными ритуалами, тогда как в русском языке их аналогом может быть слово «волхвы», которое имеет иной религиозно-культурный подтекст. В данном случае целесообразно пояснение: «друиды – это жрецы кельтских племен, аналогично славянским волхвам, но с иной системой верований».

– Эмоциональная адаптация: ритм, темп и экспрессия.

Интонационная и эмоциональная подача экскурсионного материала имеет решающее значение.

а) В англоязычных странах экскурсоводы чаще используют экспрессивную подачу, включающую риторические вопросы (“Can you imagine living here in the 18th century?”), эмоциональные восклицания (“What an incredible view!”) и юмор. Например, при экскурсии по Лондонскому Тауэру британский гид может сказать:

“Anne Boleyn stayed here before her coronation... and before her execution! Quite an irony, right?”;

б) В русском языке экскурсионная манера более сдержанна, что требует адаптации.

«Анна Болейн провела здесь дни перед своей коронацией... и перед казнью. Судьба бывает ироничной».

– Адаптация перевода в зависимости от экскурсионного контекста.

а) Исторические экскурсии. Исторический перевод требует соблюдения точности фактов, но при этом необходимо избегать перегрузки деталями. Так, на экскурсии по Колизею англоязычный турист, не знакомый с латинскими терминами, может не понять слова «Гладиаторы сражались на арене» (“Gladiators fought on the arena”). В таком случае целесообразно дополнить перевод контекстом:

“Gladiators fought in this amphitheater for the entertainment of Roman citizens, much like modern sports events—except with life-or-death stakes”;

б) Гастрономические экскурсии. Передача национальных кулинарных терминов требует пояснительного перевода. Так, при переводе русскоязычной экскурсии по Санкт-Петербургу англоязычным туристам может понадобиться объяснение, что такое «пирожки»:

“Pirozhki are small stuffed pastries, somewhat similar to British pasties or American turnovers, but with a softer dough”.

Таблица 1

Применение функциональных аналогов в переводе

Пример успешной адаптации	Пример неудачной адаптации
В экскурсии по Магаданской области гид объяснял англоязычной группе традиции эвенов, сравнивая их кочевой образ жизни с практиками североамериканских народов, таких как инуиты и саами. Это позволило туристам лучше понять особенности оленеводства, сезонных миграций и быта коренных народов Крайнего Севера. «Как и инуиты в Канаде или саами в Скандинавии, эвенские семьи кочуют по тундре, следуя за оленями и изменяющимися пастбищами, что сохраняет их связь с природой и традициями.»	В английском переводе экскурсии по Магадану название «Дальстрой» было передано как <i>Dalstroy</i> , без пояснения, что вызвало у туристов недоумение. Более точной адаптацией было бы: <i>Dalstroy was a state organization in the Soviet Union responsible for industrial development in the Russian Far East, including mining, infrastructure projects, and settlement expansion in the Kolyma region.</i>

В данном случае перевод реалий при помощи функционального аналога, варианта приблизительного перевода предложенного А. Д. Швейцером, подходит для объяснения реалии, свойственной одной культуре через реалию из другой лингвокультуры, имеющей схожую функцию с реалией из оригинального текста через ассоциацию (Швейцер 1973: 251-

253). Такой прием позволяет улучшить восприятие экскурсии, избежать коммуникативных сбоев и повысить удовлетворенность туристов.

Такой подход в успешной адаптации помогает туристам установить связи с уже известными реалиями, тогда как дословный перевод без пояснения может привести к недопониманию и потере важного культурно-исторического контекста.

в) Технические и промышленные экскурсии. Для переводов на заводах или фабриках важно точное следование терминологии, но при этом необходимо учитывать уровень технической подготовки аудитории. Например, при экскурсии на автомобильный завод для обычных туристов можно сказать «двигатель с турбонаддувом», тогда как для инженеров будет уместно более детализированное объяснение типа «турбокомпрессор с изменяемой геометрией».

г) Природные и экологические туры. Экскурсии данного характера часто включают термины, связанные с флорой и фауной, которые не всегда имеют аналоги в других языках. В таких случаях перевод может сопровождаться пояснениями, иллюстрациями или примерами. Например, в русско-английском переводе можно уточнять, что байкалит – это редкий минерал, названный в честь озера Байкал.

Адаптация устного экскурсионного перевода – это многоуровневый процесс, требующий учета аудитории, культурного контекста и стилистики дискурса. Гибкость, культурная чувствительность и применение пояснительных стратегий позволяют избежать коммуникативных неудач и повысить качество экскурсионного обслуживания.

Принимая во внимание тот факт, что качество экскурсионного перевода напрямую влияет на уровень вовлечённости и удовлетворённости аудитории, отметим, что эффективная адаптация позволяет избежать коммуникативных сбоев и повысить воспринимаемость информации. Приведем еще несколько примеров адаптации различного уровня эффективности.

Ошибки в адаптации. Во время экскурсии по Красной площади для англоязычных туристов переводчик использовал калькированные конструкции типа *The Red Square is beautiful and big*, что звучало неестественно и снижало качество восприятия информации. Корректный вариант, учитывающий стилистические особенности языка, мог бы выглядеть так: *The Red Square impresses visitors with its grandeur and historical significance*.

Проблема терминологической адаптации. Во время промышленного тура по металлургическому заводу японская группа туристов столкнулась с трудностью понимания термина конвертерное производство. Буквальный перевод *converter production* не дал им нужной информации, тогда как пояснительная стратегия (например, *a method of steel production using oxygen-blown converters, similar to LD-process in Japan*) позволила устранить терминологическую лакуну.

Таким образом, переводчик может варьировать уровень детализации, использовать аналогии, пояснительные конструкции и эмоционально выразительные элементы, тем самым повышая качество восприятия информации.

Для более детального рассмотрения адаптации устного перевода в экскурсионной деятельности обратимся к примеру передачи культурных реалий Северо-Востока России для англоязычной аудитории. Этот регион обладает уникальными этнографическими, историческими и природными особенностями, которые требуют особого подхода при переводе. Без тщательной адаптации многие термины и концепты, связанные с традиционным образом жизни эвенов, коряков, ительменов и других народов, могут оказаться непонятными или вызвать искажения в восприятии.

В таблице ниже представлены примеры того, как культурные лакуны и специфические термины могут быть устранены через развернутый перевод с пояснениями, а также адаптацию к познавательному уровню иностранных туристов.

Таблица 2

Примеры культурной адаптации и устранения лакун при переводе экскурсионного материала о Северо-Востоке России

Оригинальный русский текст	Дословный перевод (с лакунами)	Адаптированный перевод (устранение лакун и культурная адаптация)
Магаданская область известна как край вечной мерзлоты, где даже летом в тундре можно встретить участки замерзшей земли.	Magadan Region is known as the land of permafrost, where even in summer you can find frozen ground in the tundra.	Magadan Region, located in Russia's North-East , is part of the permafrost zone, meaning the ground remains frozen year-round . Even in summer, some areas of the tundra retain layers of ice beneath the surface .
Эвены – кочевой народ, традиционно занимающийся оленеводством и охотой в некоторых районах Колымы.	The Evens are a nomadic people traditionally engaged in reindeer herding and hunting in the Kolyma region.	The Evens, an indigenous Tungus-Manchu people in Russia , have traditionally lived a nomadic lifestyle , moving with their reindeer herds across the Kolyma region. Skilled hunters and herders, they have adapted to the harsh Arctic climate over centuries .
Коряки делятся на два основных этноса: оседлых (прибрежных) и кочевых (олeneводческих).	The Koryaks are divided into two main groups: sedentary (coastal) and nomadic (reindeer herders).	The Koryak people, one of the indigenous groups of the Russian Far East , are traditionally divided into two distinct communities: the coastal Koryaks (nymylan), who rely on fishing and sea mammal hunting , and the inland Koryaks (chauchu), who practice reindeer herding and follow a nomadic lifestyle.
Ительмены – один из малочисленных народов Камчатки, сохранивший традиции рыболовства и собирательства.	The Itelmens are one of the small indigenous peoples of Kamchatka, preserving the traditions of fishing and gathering.	The Itelmens, an indigenous people of Kamchatka , have historically relied on fishing, gathering, and hunting along the peninsula's rivers and coastal areas . They are known for their traditional fish-drying techniques and unique wooden dwellings, called balagans .
В Магаданской области важную роль играет промысел рыбы, особенно кеты и горбуши, которая составляет основу традиционного питания местных народов.	Fishing plays an important role in the Magadan Region, especially catching Siberian salmon and pink salmon, which form the basis of the traditional diet of local peoples.	Fishing is a vital industry in the Magadan Region, with species like Siberian and pink salmon being central to both the economy and the diet of indigenous communities, such as the Even and Koryak peoples , who have traditionally preserved fish by drying and smoking it for long winters .

На празднике Хололо у коряков проводятся традиционные танцы, ритуалы очищения и игры.	At the Khololo festival, the Koryaks perform traditional dances, purification rituals, and games.	Khololo, the Koryak people's traditional festival. It is carried out by coastal Koryaks at the end of the sea mammal hunting season. Celebrations include purification ceremonies involving fire and smoke. Throughout the festival, the seals are offered treats, given water, and sprinkled with snow.
---	---	---

Рассмотрение динамики устного перевода в экскурсионной деятельности позволяет сделать вывод о его высокой вариативности, обусловленной как лингвистическими, так и социокультурными факторами. В отличие от других типов устного перевода, экскурсионный перевод требует не только точности передачи информации, но и способности адаптировать содержание к конкретной аудитории, оперативно устраняя культурные и когнитивные барьеры. Не вызывает сомнения утверждение С. А. Корольковой о том, что «перевод туристических контентов – это не механическая перекодировка информации с одного языка на другой, а ее адекватная локализация» (Королькова и др. 2017: 82). Анализ особенностей экскурсионного перевода показывает, что его эффективность зависит от нескольких ключевых факторов. Эти аспекты можно свести к следующим постулатам:

Экскурсионный переводчик – медиатор культур. Он адаптирует материал с учетом языкового уровня и культурного фона аудитории. Локализация и устранение лакун – ключ к пониманию. Дословный перевод недостаточен, необходима интерпретация исторических и социальных реалий. Экспрессия и интонация – важнейшие инструменты. Стили экскурсионного дискурса различны, их адаптация повышает вовлеченность аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

Зими́на Е.А. Проблемы перевода текстов туристического интернет-дискурса // Перевод в меняющемся мире: Материалы международной научно-практической конференции. Саранск: Издательский центр «Азбуковник», 2015. С. 200-204.

Королькова С.А., Новожилова А.А., Шейко А.М. Туристический дискурс: стратегии и проблемы перевода сайтов отелей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16, № 3. С. 80-89. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.8>.

Насонова О.С., Привалова Ю.В. Особенности перевода рекламных текстов по туризму // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7. С. 79-80.

Никитина Т.Г. Трудности перевода туристического текста // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 4 (апрель). С. 255-261. URL: <http://e-koncept.ru/2019/195009.htm> (10.02.2025).

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. Газетно-информационный и военно-публицистический перевод. М.: Воениздат, 1973. 280 с.

Volkova I.D., Novikova T.B. Text localization as a task of translation // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2018. №3. URL: <https://clck.ru/3LiNVH> (18.02.2025).

УДК 82

doi.org/10.36906/2500-1795/25-1/11

Бурнышева В.А.

ПАРАДОКС И НОНСЕНС КАК ПРИЁМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЧИТАТЕЛЯ

Аннотация. Настоящая статья исходит из осознания того, что сегодня есть множество способов, как провести свободное время с удовольствием и интересом. Тем не менее, чтение книг, особенно художественных произведений, по-прежнему остаётся популярным способом времяпрепровождения. Поскольку таких произведений существует множество, как русские, так и зарубежные писатели находятся в вечном поиске того, как написать произведение, которое бы зацепило своей оригинальностью и не отпустило внимание читателя до последней страницы. Наиболее интересными литературными приёмами воздействия на читателя можно назвать парадокс и нонсенс. Парадокс, будучи противоречием, ставит вызов привычным представлениям и побуждает взглянуть на вещи с новой стороны. Через него происходит противостояние устаревшим нормам. Приём можно назвать парадоксом, если в нём присутствует выражение диалектического взаимодействия противоположностей, раскрытие истины в противоречии, неожиданное обнаруживание парадоксом жизненного противоречия. На основе того, какое противоречие хочет изобразить автор в своём произведении выделяются философские, исторические, характерологические, сюжетные и иронические парадоксы. Являясь бессмыслицей, нонсенс, в свою очередь, заставляет читателя искать новые смыслы в произведении. Этому способствуют его особенности: игра, неприятие красоты, наличие рисунков, создание новых слов. Нонсенс связан с двумя основными науками: философией и лингвистикой. В соответствие с этим выделяется два его вида: философский и лингвистический. Философский нонсенс не имеет ограничений, как и вопросы философии, его смыслы бесконечны. Лингвистический реализуется через слово – основной строительный материал нонсенса.

Ключевые слова: воздействие; парадокс; противоречие; нонсенс; смысл.

Сведения об авторе: Бурнышева Виктория Андреевна, учитель русского языка и литературы, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Лицей №1 имени Александра Сергеевича Пушкина» г. Нижневартовск; ORCID 0009-0000-5932-450X.

Контактная информация: 628624, г. Нижневартовск, ул. Романтиков, д. 16, каб. 231; e-mail: vikka.burnysheva@mail.ru

PARADOX AND NONSENSE AS METHODS OF INFLUENCING THE READER

Abstract. This article is based on the realization that today there are many ways to spend your free time with pleasure and interest. Nevertheless, reading books, especially works of fiction, is still a popular way to spend time. Since there are many such works, both Russian and foreign writers are forever searching for how to write a work that would catch the reader's attention with its originality and not let go of the last page. The most interesting literary methods of influencing the reader are paradox and nonsense. The paradox, being a contradiction, challenges the usual ideas and encourages us to look at things from a new perspective. Through him, there is a confrontation with outdated norms. A technique can be called a paradox if it contains an expression of the dialectical interaction of opposites, the revelation of truth in contradiction, and the unexpected discovery of a contradiction in life by a paradox. Based on the contradiction the author wants to portray in his work, philosophical, historical, characterological, plot and ironic paradoxes are highlighted. Being nonsense, nonsense, in turn, forces the reader to look for new meanings in the work. This is facilitated by its features: play, rejection of beauty, the presence of drawings, the creation of new words. Nonsense is associated with two main sciences: philosophy and linguistics. In accordance with this, there are two types of it: philosophical and linguistic. Philosophical nonsense has no limits, like philosophical questions, its meanings are endless. Linguistic is realized through the word, which is the main building material of nonsense.

Key words: impact; paradox; contradiction; nonsense; meaning.

About the author: Burnysheva Victoria Andreevna, teacher of Russian language and Literature, Municipal Budgetary Educational Institution Lyceum No. 1 named after Alexander Sergeevich Pushkin, Nizhnevartovsk; ORCID 0009-0000-5932-450X.

Contact information: 628624, Nizhnevartovsk, Romantikov st., 16, office 231; e-mail: vikka.burnysheva@mail.ru

Современный мир богат возможностями, улучшающими и упрощающими жизнь человека. Появилось множество способов, как отвлечься от насущных проблем, провести свободное время максимально интересно и весело. К ним относятся различного рода шоу, квесты, приложения, квизы, интернет-игры и т.д. Однако по-прежнему остаётся актуальным такое времяпрепровождение, как чтение книг, а именно художественных произведений. Каждое из них нашло свою аудиторию, вышло на определённый уровень популярности.

Сегодня есть всё для того, чтобы люди читали, а если нет, то полюбили чтение. Практически любое произведение можно купить в книжном магазине или найти на маркетплейсах в понравившемся издании. Для тех, кому сложно воспринимать письменную информацию, есть аудиокниги, позволяющие ознакомиться с произведением, занимаясь повседневными делами. Наравне с бумажными и аудиокнигами имеются и электронные книги. Благодаря им можно сэкономить деньги и место в доме.

Количество существующих художественных произведений, как русских, так и зарубежных авторов, не перечислить. При такой конкуренции любой автор мечтает об одном – чтобы его творчество выделялось и было замечено среди множества других. Для достижения этой цели они ищут необычные приёмы воздействия на читателя. К таким приёмам можно отнести парадокс и нонсенс.

Под **парадоксом** принято понимать противоречивое мнение, расходящееся с общепринятым (Парадокс).

Первоначально данный термин появился ещё в Античности. С греческого *para* означает «неверный, неправильный», а *doxa* трактуется, как «мнение» (Петрова, Капитонова 2018). Получается, что парадоксом считалось ошибочное мнение, противоречащее правде.

Представляя собой противоречие, парадокс, тем самым, бросает вызов, побуждает посмотреть на вещи под другим углом. Посредством него осуществляется борьба с устаревшими канонами. Л.М. Широкова отмечает, что «с помощью парадокса человек проверяет пределы своего разума: путём логичных рассуждений он приходит к противоречию, которое потом пытается преодолеть, изменяя направление своей мысли» (Широкова 2014: 275).

В литературе парадокс передаёт остроумие писателя, делает его мысли яркими и запоминающимися. Из-за смены точек зрения с помощью парадокса в художественном произведении создаётся «эффект обманутого ожидания или отстранения между наблюдателем и объектом» (Стрельцова 2017: 22). Происходит то, чего читатель не предполагал увидеть.

Парадокс заставляет читателя усомниться в том, что казалось очевидным. Порой это вызывает как положительную, так и отрицательную реакцию. Одного читателя это привлечёт возможностью подумать, пересмотреть какие-то устоявшиеся понятия. Другого же убедит в бессмысленности написанного, укрепит его мнение. Но никто не сможет остаться равнодушным, в этом особенность парадокса. Он привлекает внимание, вызывая определённую эмоцию.

Для того чтобы отнести литературный приём к парадоксу, необходимо найти в нём ряд отличительных признаков: выражение диалектического взаимодействия противоположностей, раскрытие истины в противоречии, неожиданное обнаруживание парадоксом жизненного противоречия (Федосеева, Ершова 2013). При этом каждый из них не может существовать отдельно и обладает своими свойствами в комплексе с остальными двумя.

Выражение диалектического взаимодействия противоположностей. Парадокс всегда содержит противоречие, возникшее между двумя противоположными мнениями.

Раскрытие истины в противоречии. Противоречие, вложенное автором в произведение, позволяет найти истину. Читатель сравнивает то, что ему известно, с тем, что противоречит этому. Так произведение изучается более детально, идёт анализ и сопоставление двух сторон одного и того же вопроса. В результате такой работы уходят заблуждения, обнаруживается скрытая истина.

Неожиданное обнаруживание парадоксом жизненного противоречия. Парадокс – это всегда что-то неожиданное. Поскольку с любым общепринятым мнением можно поспорить, неизвестно, что именно поставит под сомнение автор. Этой неожиданностью произведение и привлекает внимание.

В статье Е.А. Яшиной отмечается, что по функциональному признаку выделяются парадоксы, которые отражают функциональные свойства произведений (Яшина 2007: 281).

К ним относятся философские, исторические, характерологические, сюжетные, иронические.

Философские парадоксы затрагивают вечные проблемы, касающиеся не конкретной личности, а всего общества. К такому типу можно отнести вопрос о том, кто раньше появился: курица или яйцо? Данную проблему впервые поднял ещё Аристотель, который считал, что курица и яйцо появились одновременно. По его мнению, «...яйцо не могло быть первым, чтобы дать начало птицам, ибо само должно быть снесено ею, и не может быть первой птица, раз сама появилась из яйца – значит, они появились одновременно» (Что было раньше: яйцо или курица?).

Исторические парадоксы связаны с событиями, затрагивающими важные моменты отдельного государства. В литературных произведениях исторические парадоксы изображаются автором субъективно в рамках возникшего когда-то противоречия.

Характерологические парадоксы позволяют воспроизвести проблему многогранности и сложности личности человека, его характера. В романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» через описание природы видны переживания главного героя, раскрывается его внутреннее состояние, перепады настроения, а вместе с тем и сама личность в трагический момент жизни: «А месяц все стоял над сараем и горел и не горел, светился и не освещал» (Яшина 2007: 282).

Сюжетные парадоксы связаны с неожиданным поворотом сюжета произведения. Так, образ героя романа «Портрет Дориана Грея» Генри Уоттсона полон противоречий: «Я сочувствую всему, кроме людского горя» (Яшина 2007: 185).

Иронические парадоксы отражают авторскую иронию. Например, ироническим можно назвать высказывание вымышленного героя в предисловии романа «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова (Ранчин 2007: 135).

Нонсенс (от лат. *non* «не» и *sensus* «смысл») – бессмыслица, нелепость (Нонсенс).

Нонсенс противоположен смыслу и служит для освобождения сознания от бесполезных общественных стереотипов. Его можно назвать провокационным литературным приёмом, бросающим вызов реальности, отражающим её через авторское восприятие. Главная особенность данного приёма – это неоднозначность толкования смысла произведения. Писатель передаёт право читателю самому интерпретировать произведение, прийти к собственному выводу, не опираясь на постороннее мнение.

Впервые нонсенс заявил о себе в XIX веке в Англии, в Викторианскую эпоху. Именно в тот момент, когда одним из основных достоинств в английском обществе считалось следование общим правилам, соблюдение приличий (Чарская-Бойко).

Охарактеризуем особенности нонсенса.

Игра. Суть игры в нонсене заключается в создании и исследовании абсурдных, нелепых и неожиданных ситуаций, словосочетаний и образов. Игра предоставляет возможность участникам свободно выражать свои мысли и идеи, играя с языком, логикой и восприятием мира.

В любой игре все равны, поскольку существуют определённые правила, где нет места эмоциям. К **правилам** (Хопияйнен 2009: 84), которые свойственны данной игре можно отнести:

Контроль. Мир, созданный автором, должен обязательно находиться под контролем сознания читателя, во избежание путаниц.

Слово – основной строительный материал. В произведении нарушается и создаётся заново система языка, что кажется неожиданным и абсурдным. Это воплощает юмористический эффект.

Предпочтение отдаётся неживым предметам и абстрактным понятиям. Отсюда возникает желание постоянно уточнять значения слов, имена персонажей и различия между отдельными предметами в рамках одного класса. Что касается абстрактных понятий, то их количество ограничено.

В произведениях нонсенса игра позволяет быть беспристрастным к каждому герою, несмотря на обстоятельства, в которые он мог попасть, будь то положительные или отрицательные. Вполне возможно, что и герои, также могут быть безэмоциональны по отношению друг к другу. В связи с этим, как писатель, так и читатель является наблюдателем происходящего. Игра нацеливает читателя не на восприятие текста произведения, а на саму игру. То есть не на результат, а на процесс.

Неприятие красоты. Красота героев, если таковая имеется, определяется не традиционными стандартами, а скорее через призму игры, противоречия. Герои произведений часто имеют странные, эксцентричные черты. Отсутствие красоты позволяет читателю не привязываться к герою заранее, а строить своё мнение о нём исходя из его индивидуальности, необычности среди других, что и выглядит привлекательно (Хопияйнен 2009: 85).

Наличие рисунков. Рисунки, как правило, идут на протяжении всего произведения, дополняют сюжет образностью. Они нарисованы либо самим писателем, либо же специальным художником по его словам.

Создание новых слов. Авторы образуют новые слова из двух и более известных, благодаря чему появляется целый ряд ассоциативных связей. Это даёт начало появлению новых образов.

И.Н. Ширяева в своей работе выделяет два типа нонсенса: философский и лингвистический (Ширяева 2015: 214).

Философский нонсенс – нонсенс, не имеющий границ. Данный нонсенс соотносится с философией, с наукой, которая занимается базовыми вопросами, касающимися существования, знания, морали, разума и истины. Вопросы, заданные по этим темам,

связаны со всеми сферами человеческой жизни и общества. Универсальные и окончательные ответы найти на них нельзя. Это позволяет постоянно ориентироваться на обсуждение, исследование и критический анализ, что способствует отсутствию границ.

Несмотря на то, что количество философских проблем множество, для авторов основной является проблема смысла, возможность найти границу между смыслом и его отсутствием (Ширяева 2015: 214).

Нонсенс богат на количество абсурда. Невозможное или странное внезапно показывает, что привычное может заиграть новыми оттенками. Философский нонсенс может быть использован для иллюстрации ограниченности нашего мышления и вызова традиционных мнений на дискуссию.

Лингвистический нонсенс – нонсенс, связанный с языком. Лингвистика охватывает широкий спектр вопросов, касающихся языка, его структуры, использования и развития, а также изучает язык на всех его уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Поскольку в нонсенсе слово является строительным материалом, то связь с лингвистикой прямая.

Лингвистический нонсенс включает в себя слова, фразы, кажущиеся бессмысленными или абсурдными с точки зрения традиционных норм языка. Такие выражения могут использоваться для игры со значением, структуры языка, а также для создания комических эффектов.

Существует несколько способов создания комического с помощью игры слов: «принцип кривого зеркала; передача нонсенсом абстрактного мышления, моделирование чего-то нового; игра с реальными вещами и произведение, написанное по принципу сна с целью передать состояние человеческого сознания» (Ширяева 2015: 214).

Парадокс и нонсенс играют важную роль в литературе. Являясь противоречием, парадокс раскрывает истину. В свою очередь нонсенс, как бессмыслица, рождает новый смысл. В зависимости от того, на чём сделан акцент в произведении и на поиск каких смыслов он направлен, выделяется несколько видов парадоксов, отражающих функциональные свойства произведений. Связь нонсенса с философией и лингвистикой образовала два вида нонсенса – философский (широкий спектр вопросов) и лингвистический (игра слов).

Данные приёмы помогают авторам бросать вызов традиционным взглядам, повышать оригинальность и выразительность текста, побуждать читателя на активное взаимодействие с произведением.

ЛИТЕРАТУРА

Нонсенс // Толковый словарь русского языка в 4 томах. Т 2. 1938 (текст). URL: <https://clck.ru/3LiNZP> (14.04.2025)

Парадокс Толковый словарь Ушакова – Что значит, описание, фото, толкование, определение // Справочник «Магия слов» – все словари, слова, значения. URL: <https://clck.ru/3LiNfV> (02.04.2025)

Петрова С.И., Капитонова Н.С. Понятие «парадокс» с лингвистической точки зрения // Молодой исследователь Дона. 2018. №4 (13). С. 198-200.

Ранчин А.М. Иронические парадоксы в «Герое нашего времени» // Литературоведческий журнал. 2023. №60. С. 130-143.

Стрельцова Н.Д. Парадокс и нонсенс: типология и причины появления // Синергия. 2017. №1. С. 18-27.

Уайльд О. Портрет Дориана Грея. Роман. Пьесы. Поэтическое наследие. Афоризмы. Парадоксы. М., 2001.

Федосеева Т.В., Ершова Г.И. К вопросу о литературном парадоксе // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2013. №1 (38). С. 81-90.

Хопияйнен О.А. Смысл или отсутствие смысла // Язык и культура. 2009. № 3(7). С. 82-87.

Чарская-Бойко В.Ю. Нонсенс – искусство Викторианской Англии. URL: <https://clck.ru/3LiNcf> (14.04.2025)

Что было раньше: яйцо или курица? // Аргументы и факты: новости России и мира. URL: <https://aif.ru/dontknows/eternal/945117> (13.04.2025)

Широкова Л.М. Природа парадокса (постановка проблемы) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №3-1. С. 275-279.

Ширяева И.Н. Проблема логического, лингвистического и философского нонсенса в современных исследованиях // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015 № 12(54): в 4-х ч. Ч. III. С. 212-215.

Яшина Е.Н. Виды парадокса в художественном тексте // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. №8 (52). С. 280-288.

© Бурнышева В.А., 2025

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ